

"Моя королева"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Однажды летним утром 1746 года...

Тихое майское утро, окутанное легким теплом, окрашенное в розовые тона восходящего солнца и пронизанное нежными птичьими трелями, стояло в Нортумбрии. Внезапно...

- Какая нелепица! Да, именно нелепица! Абсолютная нелепица! - проворчал Аларик Генри Синклер Фортунатус Дрейтон, пятый герцог Сьюдли, сидя за завтраком.

И он потряс головой над тарелкой, на которой горой лежали его любимая яичница и баранья грудинка. Потом вонзил вилку в ломоть дыни и принялся ее жевать. По выражению его лица, по тому, как он скривил рот, можно было подумать, что дыня эта отвратительна на вкус.

На другом конце стола сидела ее светлость герцогиня Маргарет, красивая женщина с величественной осанкой, прямым носом и высоким лбом, с густыми каштановыми волосами, слегка тронутыми сединой. В это утро она причесала их *a la tete de mouton* [1] и надела батистовый чепчик с кружевной оборкой. Утреннее солнце, льющееся в окно у нее за спиной, окружало голову герцогини ореолом. Она спокойно наливала мужу дымящийся дорогой черный чай. В противоположность шумному супругу, герцогиня являла собой воплощение невозмутимости.

Раздраженный возглас мужа не вызвал у герцогини ни малейшего волнения, ибо за двадцать пять лет - то есть за всю их совместную жизнь - она научилась спокойно относиться к неожиданным вспышкам герцога. Аларик, хотя и бывал подчас вспыльчив, редко сердился на кого-нибудь по-настоящему.

- Что случилось на этот раз, дорогой? - спросила она наконец, понимая, что муж кипит в ожидании ее вопроса.

- Ба! - немедленно отозвался тот. - Очередной номер этого никчемного журнальчика, «Наблюдательницы». - И герцог помахал в воздухе маленькой книжицей. Со своими седеющими рыжевато-каштановыми волосами и накрахмаленным воротником он сильно походил на местного vicar, проповедующего с кафедры. - Не стоит даже бумаги, на которой он напечатан.

Герцогиня отпила чаю, искоса посмотрев на мужа. Она заметила, что на лацкане его утреннего сюртука вот-вот оторвется пуговица, и мысленно отметила, что нужно велеть ее пришить. Этот сюртук ей очень нравился. Когда герцог его надевал, у него в глазах вспыхивали зеленые искорки.

- Откуда он у вас?

- Я узнал о нем от лорда Полсона, который получил его от лорда Гуинна, который впервые услышал о нем от лорда Бейнсфорда, который обнаружил, что его супруга обсуждает этот журнал за чаем!

- Летиция обсуждает этот журнал за чаем? Мне всегда казалось, что она весьма разумная

особа...

Герцога уже было не остановить.

- Вот я и велел купить мне номер этого журнала у книготорговца в Ньюкасле. Мне сказали, что в лондонских кофейнях только о нем и говорят! Неуважение к королю и всей стране! Вы только взгляните вот сюда, на первую страницу, Маргарет. «Письмо в защиту равенства женщины с мужчиной». Равенство женщины с мужчиной! Вы когда-нибудь слышали подобный вздор?

Герцогиня, хорошо зная, когда лучше не высказывать своих взглядов, молча покачала головой и принялась сосредоточенно намазывать тонким слоем джем на поджаренный хлеб.

- Нет, дорогой. Пожалуй, никогда.

- Интересно, кто бы это мог написать такую глупость?

- Просто ума не приложу, дорогой.

- Знатная леди, вот что написано под статьей, но я просто не могу себе представить, чтобы кто-то из наших знакомых был способен на такую экстравагантную выходку. Мне сказали, что тысячи людей бьются об заклад, гадая, кто мог бы быть автором. Предлагают всевозможные кандидатуры, начиная с горничной и кончая герцогиней, упоминают даже имя королевы, а это уже попахивает изменой. Скорее всего, и это больше походит на правду, что эта бунтарская писулька - незаконное детище какого-то виговского ублю...

Теперь герцог уже совершенно не напоминал викария.

- Аларик! Здесь девочки... прошу вас, придержите язык.

Герцог проглотил вертевшееся на языке ругательство и так сильно нахмурился, что его щеки нависли над крепким узлом кружевного галстука, подобно кускам теста, вылезающего из квашни. Он бросил на стол журнал, взял чашку с чаем и сделал добрый глоток ароматной жидкости, после чего несколько мгновений угрюмо рассматривал квадратную серебряную пряжку на своем башмаке.

Но долго молчать он не мог, так взволновало его это событие.

- Если она осмеливается писать подобные вещи, эта самозваная «Знатная леди», тогда у нее по крайней мере должно было бы достать смелости поставить, под ними свое имя. И пусть все в королевстве узнают, кто она такая, чтобы можно было пристыдить ее мужа или отца или кто там еще в ответе за то, что она осмелилась на такую мятежную непристойность.

- Да, дорогой, - вздохнув, отозвалась герцогиня.

- Строгость и порядок - вот чего здесь не хватает, Маргарет. - И он потряс пальцем перед носом жены. - Я всегда говорил, что в каждом доме должен быть порядок. Вы сердитесь на меня за то, что я держу наших девиц в крепкой узде, но можете поспорить на пару ваших любимых шелковых чулок, что уж наши-то девочки никогда не стали бы сочинять такую пустопорожнюю чушь. Наши дочери понимают, что значит надлежащий порядок вещей, каково место женщины и все такое.

И герцог перевел взгляд с жены на выставку женских достоинств, аккуратно расположившихся по обеим сторонам длинного стола красного дерева. Пять пар глаз всех оттенков - от карего до

зеленого – смотрели на него.

– Разве это не так, девочки?

– Да, папа, – ответил ему хор мелодичных голосов.

Чтобы успокоиться, герцог медленно втянул в себя воздух. Глядя на дочерей, он подумал, что даже для человека беспристрастного они действительно являют собой пиршество женского совершенства. Где еще найдешь такую грацию, такую естественную привлекательность? Они делают честь Англии, поскольку во всей стране не сыскать более совершенных образцов хорошего воспитания и лоска. Совершенно забыв о статье, которая только что вызвала у него такое раздражение, герцог улыбнулся под своим нависшим пудренным париком и с удовлетворенным видом поочередно окинул взглядом всех своих пятерых дочерей, от восьми до двадцати четырех лет.

Кэролайн, Матильда, Кэтрин, Изабелла и Элизабет... Родители назвали их в честь самых замечательных королей в английской истории. Каждая на свой лад была так же необычна, умна и неоспоримо утонченна, как особа королевской крови – то есть законнорожденная особа королевской крови, даже малышка Кэро, которая сейчас пила чай с таким видом, словно она сидит за столом в Кенсингтонском дворце.

И как же они были близки к тому, чтобы оказаться именно за тем столом.

Все началось примерно два с половиной века назад, с ничем не примечательной девицы по имени Элайза Фицджеральд. Из всех женщин, с которыми король Генрих Восьмой вступил в брак, с которыми он спал и некоторых даже обезглавил, ни одной не удалось так удачно подарить ему жизнеспособного наследника мужского пола – ни одной, кроме спокойной, непритязательной Элайзы, дальней родственницы короля, отстоящей от него на родословном древе на несколько поколений и одной из его самых долговременных любовниц.

Тихим осенним днем 1521 года Элайза разрешилась от бремени сыном, который унаследовал от своего легендарного родителя и рыже-золотые волосы, и пламенный темперамент. Она назвала сына Фортунатусом, что означает «счастливый», в надежде, что он избежит болезней и бедствий, которые преследовали всех остальных отпрысков короля. Так оно и оказалось – младенец вырос и превратился в рослого юношу, которого великий король с каждым днем любил все сильнее.

Но история уже была написана, и Генрих должен был жениться на испанке, Екатерине Арагонской. Поэтому он не мог признать Фортунатуса своим законным отпрыском. Вот он и сделал единственное, что мог, дабы обеспечить будущее сына, – выдал милую Элайзу за одного из своих самых преданных придворных, Синклера Дрейтона из Парброата. В обмен на состояние и благородный титул Дрейтон согласился воспитать маленького Фортунатуса как родного сына, закрыв глаза на связь жены с королем, которая длилась всю жизнь.

вернуться

1

под баранью голову (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

Этому мальчику суждено было оказаться единственным наследником Генриха мужского пола,

дожившим до совершеннолетия. Но он ни в коем случае не мог унаследовать его корону. Поэтому король одарил сына высшей из всех возможных почестей – дал ему титул герцога Сьюдли.

Вот так и получилось, что два столетия спустя праправнук Фортунатуса сидел среди своего потомства, раздувая грудь, облаченную в парчовый жилет, в точности так, как это делал его коронованный предок. Аларик, хотя и был лишен судьбой королевства, находившегося сейчас в руках его отдаленного родственника из Ганноверской династии, все же считал долгом своей жизни продолжить свою полукоролевскую династию через дочерей, постаравшись добыть им хороших мужей из славных английских семейств – графов, маркизов, а может стать, даже и принца королевской крови.

И теперь он смотрел на них, расположившихся, точно изящные цветы, вокруг стола во главе с герцогиней. Они были его гордостью, смыслом его жизни. Ближе всех к матери, всегда рядом с ней, сидела Кэролайн – младшенькая, его маргаритка, невинная и светлая, как звездочка, с белокурыми волосами и блестящими синими глазами, постоянно обращенными к солнцу. Рядом с ней сидела Матильда, или, как ей больше нравилось называться, Матти, хорошенькая, как аютины глазки, «цветок раздумий», как говорит Офелия в «Гамлете». Она больше других походила на мать: роскошные каштановые волосы, глаза с золотистыми крапинками; чаще остальных она склонялась над книгой. Кэтрин, средняя, походила на обвивающий стены плющ, не потому, что она была некрасивее остальных, вовсе нет: темно-рыжие волосы, глубокие зеленые глаза. Казалось, Кэти, как это растение предпочитала расти в тени, скрываясь от ослепительного солнечного света, спокойная, непритязательная, но источающая благоухание, волны которого доносит ласковый летний ветерок. Напротив Кэтрин сидела его фиалка, Изабелла, с летящими темными волосами и с лиловыми, цвета терна, глазами, – романтическая, нежная и добродетельная. А рядом с ней – Элизабет, старшая, его дикая роза – своенравная и вместе с тем хрупкая, несомненно красивая и ласковая, но при том колючая.

Добравшись до восьмого стула, стоявшего у стола, единственного, никем не занятого, герцог по привычке вздохнул. Как ни любил он своих дочерей, как ни расплывался от гордости в блаженной улыбке всякий раз, когда смотрел на них, в точности как старый король Генрих за два столетия до него, но...

...Ах, как хотелось ему иметь сына.

Да, его положению никто бы не позавидовал.

Аларик Генри Синклер Фортунатус Дрейтон, самый богатый и влиятельный герцог Англии, не имел прямого наследника мужского пола. И если завтра он – не дай Бог – покинет сей бранный мир, его любимая жена и дочери потеряют все, что у них есть: и дом, в котором живут, и все привычные удобства. Их туалеты, даже простыни, на которых они спят, перейдут к сыну его младшего брата, ближайшему наследнику герцога по мужской линии. И тогда его жена и дочери окажутся в денежной зависимости от человека, который, по его подсчетам, достиг всего лишь четырнадцати лет.

Эта-то мысль и заставляла Аларика проводить без сна долгие ночи, и он тенью бродил по темным коридорам, не в состоянии уснуть. Эта-то мысль и заставляла его страшиться каждого наступающего года. Чем больше он старел, тем меньше оставалось у него надежд обеспечить будущее своей семьи. Но если бы у него был сын... ах, если бы у него был сын!

Аларик украдкой взглянул на жену, которая слушала болтовню Кэтрин о последнем уроке рисования. Хотя и остальным дочерям хотелось привлечь к себе внимание матери, сейчас

Маргарет занималась только этой девочкой. Она всегда так ведет себя, подумал Аларик, глядя на жену, так слушает собеседника, что у того создается непоколебимая уверенность, что о чем бы ни шла у них речь, это самый интересный в мире предмет для разговора. Даже если он касался чего-то самого обыкновенного, как, например, процесса изготовления папье-маше... или того, какой именно парик лучше подходит к его бутылочно-зеленому сюртуку. То была одна из многих черт, которые он любил в своей герцогине.

Аларик женился на Маргарет Лейтон, дочери графа Фиске, будучи еще совсем молодым человеком двадцати одного года от роду. А Маргарет была почти совсем ребенком тринадцати лет, она только что покинула детскую. Их родители давно уже договорились заключить этот союз, но, будучи человеком светским, Аларик был крайне недоволен перспективой заполучить в жены ребенка. Он только что окончил университет, ни разу еще не побывал в борделе и не дрался на дуэли. И Аларик предпринял положенное каждому джентльмену путешествие по Европе вскоре после того, как высохли чернила в приходской книге с записью о его браке. Он вернулся лет через пять и обнаружил, что обладает женой, внезапно превратившейся во взрослую женщину, а также в гордость всего Лондона, в леди, при первом же взгляде на которую у него просто дух захватило.

Он никак не мог забыть тот вечер, когда более двадцати пяти лет назад вернулся в Лондон из Европы и пошел с друзьями в оперу. В соседней ложе он заметил леди, изяществом своим походившую на жемчужину.

- Кто это? - громко спросил он у сидевшего к нему ближе остальных. - Разумеется, она чья-то жена?

- Да, - подтвердил его спутник, - она действительно замужем.

- За кем? - спросил он.

- За вами, ибо это не кто иная, как герцогиня Сьюдли...

Аларик просто не мог поверить, что юная барышня, которую он оставил пять лет назад, расцвела и превратилась в элегантную красавицу, сидевшую в театральной ложе с таким спокойным очаровательным видом. И он не стал терять ни одной минуты - он вошел в роль ее мужа и поспешно осуществил супружескую обязанность.

Прошло совсем немного времени, и герцог со своей очаровательной супругой заполнили детскую в доме Сьюдли маленькими свертками с хныкающими новорожденными - одной дочерью за другой. С каждым удачным родом Маргарет, как заметил Аларик, смотрела на него с растущим беспокойством. Казалось, в тайниках своего сознания она и вправду опасалась, что он пойдет по стопам своего страшного предка Генриха и отошлет ее на плаху.

- В конце концов, долг жены, - говаривала она, - принести мужу сына.

Но Аларик не мог упрекать супругу за неразумность судьбы. Ведь она подарила им пять красивых, здоровых и умных дочерей. Интересно, с надеждой думал он, кто это сказал, что они на этом остановятся? Маргарет в свои сорок пять вполне в состоянии выносить ребенка. Самому ему всего лишь пятьдесят, и он тоже может стать отцом еще и еще раз, если потребуется. Прошло пять лет с тех пор, как они потеряли своего последнего ребенка, и это произошло на такой ранней стадии, что нельзя было сказать, мальчик это или девочка. Но, может быть, у них еще есть время хотя бы для последней попытки.

Ах, чего только они не делали, чтобы их мечта сбылась.

Герцог был погружен в свои приятные мысли и не заметил, что на него устремлен взгляд карих глаз девушки, сидящей в конце стола слева от него. Этот взгляд человек более наблюдательный назвал бы опасным.

Элизабет Реджина Глориана Дрейтон была старшей дочерью герцога и больше всех походила на него. Ее, упрямую и настойчивую с малолетства, назвали в честь дочери короля Генриха Елизаветы, английской королевы-девственницы. Из-за своих прямых рыжевато-белокурых волос и молочно-бледной кожи она была просто обречена носить это имя. Более высокая, чем большинство женщин, Элизабет казалась живым воплощением своей царственной тезки. У нее была величественная манера держаться, которая обращала на себя всеобщие взгляды всякий раз, когда она проходила по комнате четким бодрым шагом. Образованная гораздо лучше, чем полагается особам ее пола, Элизабет – или Бесс, как любил называть ее отец, – могла говорить на смеси разных языков, увлекалась танцами и театром и так же умело обращалась с иглой и ниткой, как с фортепьяно. На жестком дамском седле она ездил верхом с небрежностью и смелостью, присущими мужчине, и могла разглагольствовать на любую тему с уверенностью, достойной палаты лордов. Возмущение, которое в это утро вызвала у ее отца журнальная статья, пробудило именно эту черту ее характера. Однако девушка выжидала. Убедившись, что отец погрузился в чтение утренней газеты, она заговорила:

- Отец!

- Хм-м? – отозвался герцог, все так же неподвижно сидя за газетой.

Элизабет отодвинула тарелку и положила руки перед собой на стол, сплетя гибкие пальцы.

- Я все думаю о том, что вы сказали недавно о статье, которую вы прочли.

- Да?

Она взглянула на Изабеллу, самую близкую ей по возрасту сестру. Та слегка покачала головой, словно пыталась предостеречь Элизабет.

Но девушка продолжала:

- Кажется, вы утверждаете, что эта статья – «глупость» и «пустая трата бумаги, на которой она напечатана»... – Она замолчала, глядя на стену из газеты, за которой скрывался отец. – Но мне все же любопытно, не может ли быть чего-нибудь интересного в подобных писаниях, коль скоро издатели их публикуют?

В комнате воцарилось молчание. Разговор замер, и все глаза с изумлением устремились на Элизабет. Прошло мгновение, потом еще одно. Все, даже лакеи и любимец герцогини мопс Минг, застыли в ожидании вспышки, которая неминуемо должна была последовать в ответ на слова Элизабет.

Но герцог всего лишь опустил газету и посмотрел на старшую дочь поверх нее.

- Что вы сказали?

Элизабет села прямее и расправила плечи.

- Мне просто интересно, почему издатели решаются на расходы и беспокойства, помещая заметки, как та, о которой вы говорили, если подобные статьи не стоит публиковать?

Глаза герцога, такие же карие, как у Элизабет, сузились.

- В конце концов, - быстро добавила она, - я всего лишь женщина и не могу, как вы, разбираться в таких вещах.

Ее сарказм, облеченный в одежды смирения, остался для герцога незамеченным. Лицо его посветлело. Он даже улыбнулся. Все находившиеся в комнате разом вздохнули с облегчением.

- Ах, милочка, вы чересчур молоды и невинны, чтобы разобраться в истинной подоплеке скандалов и полемики. Стало быть, позвольте мне просветить вас.

Элизабет кивнула.

- К несчастью, действительность состоит в том, что две вещи - скандал и полемика - сами по себе привлекают большой интерес читателей газет и книг, нежели величайшие образцы литературы и науки, вместе взятые. Чем скандальнее предмет, тем больше экземпляров, к сожалению, расходуется по читателям. И не имеет значения, пишут ли там правду. Важно другое: до тех пор, пока публика продолжает смаковать этот вздор, издатели будут его печатать и набивать за ее счет доверху свои сундуки.

- Понятно.

Элизабет немного подождала, а потом спокойно добавила:

- Но ведь вы, сэр, тоже купили эту книжку журнала?

Герцог повернулся к жене:

- Чему только вы учите девочек, Маргарет?

- Ребенок рассуждает вполне резонно, Аларик.

- Резонно? - выдохнул герцог, снова устремляя взгляд на старшую дочь. - Да, дорогое дитя, я действительно купил эту книжонку, - он помолчал, пытаясь найти подходящее объяснение, - но только чтобы иметь возможность просветить вас и ваших сестер касательно того, что пристойно и что непристойно читать. - И он выхватил у сидевшей рядом с ним Матильды сборник стихотворений, который она читала, держа книгу над миской с утренней кашей. Матти громко вскрикнула от неожиданной обиды, а герцог принялся махать книгой в воздухе, точно боевым знаменем.

- Вот, - сказал он окрепшим голосом, показывая всем книгу, - вот пристойное чтение для светских юных леди. Красивые слова, которые рождают красивые мысли. А это, - продолжал он, беря в руку злополучный журнал, - это непристойное чтение, полное бессмысленных слов, которые порождают бессмысленные мысли. - Он подошел к камину и швырнул журнал в огонь, а потом повернулся и нахмурился, глядя на своих дочек: - Советую вам это запомнить. Всем вам.

Хор снова покорно пропел:

- Да, папа.

Однако Элизабет, сидевшая на другом конце стола, хранила каменное молчание. Она смотрела, как отец снова сел за стол и снова скрылся за своей газетой, демонстративно

положив конец дальнейшим комментариям. Ей страшно хотелось ему возразить, но, как всегда говорила ей мать, «мудрая женщина должна выбирать для споров подходящее время и место». Завтраки в доме Дрейтонов, когда отец бывал в дурном настроении, не очень подходили для препирательства. Посему Элизабет придержала язык и промолчала.

Через некоторое время часы в вестибюле пробили девять. Их бой отозвался эхом в затянувшейся тишине утренней столовой.

- Отец, вы позволите мне выйти из-за стола? - спросила Элизабет, собираясь встать.

Герцог посмотрел на нее.

- Что вы намерены делать сегодня, дочь моя?

Элизабет быстро ответила:

- Я хотела уделить некоторое время вышивке и писанию писем, а потом мы с матушкой должны поехать к модистке на примерку.

Герцог улыбнулся удовлетворенно.

- Великолепно. Вы весьма упорно трудитесь над этой вышивкой, Бесс. Она должна получиться очень хорошо. Мы ее когда-нибудь увидим?

Элизабет на мгновение посмотрела на Изабеллу. Девушки обменялись понимающими взглядами.

- Когда она будет закончена, папа, не раньше.

Герцог усмехнулся, глядя на жену:

- Маргарет, наша Бесс во всем любит совершенство. Совсем как ее отец. - Он махнул рукой. - Ну, ступайте, детки. Пользуйтесь утренним солнышком.

Элизабет встала из-за стола.

- Благодарю вас, сэр, я так и сделаю.

Вскоре Элизабет уже запирала на ключ свою спальню, чтобы ей никто не помешал. Потом она повернулась и окинула взглядом комнату. Большие двойные окна были раскрыты настежь, и яркий свет утреннего солнца вливался в комнату сквозь бледные дамасковые занавеси и сиял на недавно отполированных стенных панелях, придавая им янтарный блеск. Украшенный изящной резьбой гардероб розового дерева стоял в углу, набитый бесчисленными платьями из атласа и шелка. На туалетном столике выстроились пузырьки с духами, привезенными с далекого Востока. На полу лежал драгоценный персидский ковер, кровать была задрапирована занавесями из прекрасной парчи, а матрас набит мягчайшим гусиным пухом, какой только можно было сыскать в Англии. Стоило ей позвонить - и сбежалось бы целое войско слуг. Да, Элизабет от рождения принадлежала к привилегированному классу, но привилегии эти дорого стоили.

Девушка подошла к окну, где стоял диванчик с подушками, среди которых лежала ее корзинка для рукоделия. Она вынула из нее кусок холста, натянула на деревянные пальцы и вытащила воткнутую с краю иголку. Некоторое время она задумчиво рассматривала вышивку, потом

воткнула в ткань иголку и сделала несколько превосходных стежков. Вот, подумала она, отводя вышивку от глаз и восхищаясь тем, что получилось. В конце концов, сказала же она отцу, что собирается вышивать...

Элизабет отложила вышивку, отошла от окна и опустилась на стул у письменного стола. Там она просидела некоторое время, подперев рукой подбородок и глядя на роскошный цветник, который простирался от ее окон до яблоневого сада.

Раннее утро обещало смениться чудесным летним днем. Цвели розы, насыщая ароматами легкий ветерок, ласково качающий верхушки деревьев. Звучал хор птичьих голосов, которому аккомпанировала Кэролайн, приступившая к занятиям на клавикордах внизу в гостиной. Вдали, на роскошном зеленом выгоне паслись лошади, сверкая на солнце темными крупами. Впрочем, Элизабет почти ничего этого не замечала. Безмятежность и красота летнего дня, музыка – ничто ее не трогало. В голове ее отдавались негодующие слова отца, сказанные им за завтраком.

«Нелепица...»

«Глупость...»

«Равенство мужчины и женщины! Вы когда-нибудь слышали подобный вздор?»

Как бы сильно ни любила она отца, какое бы восхищение и уважение ни вызывали у нее его доброта и крепкая любовь к жене и дочерям, временами он казался ей просто допотопным. Как будто герцог пробудился этим утром, проспав перед завтраком несколько столетий. Почему? – спрашивала себя Элизабет не в первый, не во второй и даже не в двадцатый раз. Почему он дал ей и сестрам наилучшее образование, которое доступно людям их положения, а теперь не дает им воспользоваться его преимуществами? Неужели только для того, чтобы похвалиться этим, сидя за бренди с друзьями, как похваляется он резвостью своей верховой лошади или сообразительностью любимой гончей?

Но хотя Элизабет и размышляла об этом, ответ ей был известен. Пусть ее способности говорить и писать на разных языках или с легкостью подсчитывать в голове колонки цифр новы и необычны, но мир, в котором она живет, в основном управляется мужчинами... – и он их вполне устраивает.

Но это еще не значит, что ее он тоже должен устраивать.

Сунув в боковой замок своего секретера маленький ключик, который она втайне носила на цепочке у себя на груди, Элизабет нажала на фальшивое днище под средним ящиком. Она вынула оттуда небольшую стопку бумаги, пролистав ее, нашла то, что искала, и прочла заглавие.

«Письмо в защиту равенства женщины с мужчиной... написанное некоей знатной леди».

Элизабет улыбнулась. Это одно из ее самых удачных произведений. Она подозревала об этом с того дня, как представила в редакцию статью для публикации. Сегодняшний гнев отца и ажиотаж, явно произведенный ее опусом в Лондоне, только подтверждали это.

Отложив в сторону рукопись, Элизабет вынула из ящика экземпляр «Наблюдательницы». В отличие от номера, который был брошен в огонь за завтраком сегодня утром, этот был двухгодичной давности, и его читали и перечитывали столько раз, что края обтрепались и порвались. Стояло радостное летнее утро, совсем как сегодняшнее, когда Элизабет, сидя в

корбриджской библиотеке, где выдавали книги на дом, случайно наткнулась на одну статью в этом журнале. Внимание ее привлек заголовок, но очень скоро ее очаровала искренность самой статьи.

«Слышанные мной от многих мужчин возражения, что образование сделает нас слишком самоуверенными, само по себе неубедительно и несправедливо, потому что ничто, кроме знаний, не избавит нас от праздности и суеты, в которых нас обвиняют...»

Наконец-то, подумала она тогда, вот журнал, осмеливающийся предоставлять свои страницы женщинам, которые не боятся высказать убеждения, долгие годы хранившиеся под спудом. Элизабет купила тогда номер этого журнала и прочла его от корки до корки, а потом сидела допоздна, сочиняя хвалебное письмо издательнице, мисс Элайзе Хейвуд, популярной романистке и автору пьес. К сожалению, большую известность этой особе принесло то, что она оставила своего мужа, который дурно с ней обращался, нежели ее литературное дарование.

За сим последовала переписка, превратившаяся в дружбу между двумя одинаково мыслящими женщинами, происходившими из совершенно разных слоев общества. Наконец-то Элизабет узнала, что такое общность взглядов, и получила подтверждение мыслям и мнениям, которые обрела по мере своего взросления. И вот однажды Элизабет получила предложение принять участие в журнале, написав что-то свое, анонимно, разумеется, потому что если бы обнаружилось, что дочь одного из самых знатных вельмож Англии проповедует подобные идеи, разразился бы ни с чем не сравнимый скандал.

Поначалу Элизабет всего лишь намеревалась написать простое исследование ущерба, происходящего от того, что женщин не допускают в те же научные сферы, что и мужчин. «Почему, – письменно вопрошала она, – почему все считают, что женский интеллект лучше удовлетворяется выбором ленточки для волос или размышлениями о том, куда лучше положить стежок на вышивке, чем занятиями философией либо историей?» За этим рассуждением последовало второе, а потом, прежде чем Элизабет спохватилась, и другие, и в конце концов получилось, что она стала писать развернутые «Письма знатной леди» по поводу каждой удачной публикации в журнале.

Элизабет взяла чистый лист бумаги и приготовилась сочинять очередное письмо в журнал. Прежде чем обмакнуть перо в чернила, она на мгновение задумалась, мысленно возвращаясь к сцене, разыгравшейся сегодня за завтраком.

«Что вы намерены делать сегодня, дочь моя?»

Элизабет начала писать своим изящным аккуратным почерком:

«Письмо знатной леди, протестующей против того, что молодых женщин заставляют сидеть за рукоделием...»

Глава 2

Месяц спустя...

Дорожная карета Сьюдли катилась, подпрыгивая, по ухабистой нортумбрианской дороге. Над развалинами Адрианова вала нависла темная мгла. Небо было затянуто облаками, не пропускавшими солнечного света, а ветер только слабо шевелил высокий болотный тростник,

отчего казалось, будто карета плывет, подхваченная дыханием дремлющего дракона из старой сказки, который прячется среди пустынных, поросших вереском холмов.

В экипаже сидели Элизабет и Изабелла; снаружи их охраняли два самых надежных вооруженных телохранителя герцога – огромные горы мускулов и мяса, именуемые Тайтусом и Манфредом. Конечно, имелся еще и кучер Хиггинс, но в нем не было ничего угрожающего, поскольку росту в нем было всего лишь пять футов, а весу – десять стоунов [2] вместе с сапогами. В то утро они пустились в дорогу поздно и остановились только один раз, чтобы дать отдых лошадям, а сами с удовольствием позавтракали хлебом, ветчиной, сыром и терпкими яблоками из сада Дрейтонов, которыми снабдила их герцогиня. Уже смеркалось, когда они приблизились к северной границе Англии, где им предстояло провести ночь в придорожном постоялом дворе. Если все пойдет, как было задумано, завтра в этот же час они доберутся до цели своего путешествия – имения их вдовствующей тетки Идонии.

Там-то Элизабет и начнет отбывать наказание по-настоящему.

- Не могу поверить, что все это случилось, – пробормотала девушка. Она прислонилась головой к прохладной оконной раме, и когда заговорила, от ее дыхания оконце запотело.

- Можно было ожидать, что отец в конце концов узнает правду об этих письмах, Бесс, – сказала сидевшая напротив Изабелла. – Это было всего лишь делом времени.

Почти те же слова произнес их отец, когда несколькими днями ранее неожиданно вызвал к себе в кабинет Элизабет.

- Обманут! Осмеян! И кем! Собственной дочерью!

От кипевшего в нем негодования задрожали пузырьки с чернилами на письменном столе.

- Вы, Элизабет Реджина, и раньше позволяли себе разные выходки, но это?! И, что еще хуже, как могли вы подумать, что я ничего не узнаю?

Она сидела перед отцом, которого никогда не видела таким разгневанным, и в глубине души не могла не признаться, что ей самой даже немного хотелось, чтобы все раскрылось.

Конечно, можно было время от времени разжигать споры за завтраком, но в статьях для «Наблюдательницы» Элизабет выражала мысли, которые никогда не осмелилась бы высказать вслух. Она говорила себе, что беседует с каждой женщиной, когда-либо жившей на свете и вынужденной молча со всем соглашаться, и с каждой молодой девушкой, чей дух задышался под гнетом невежества. Ей так хотелось что-то изменить, но теперь, оглядываясь назад, она понимала, что не это желание снедало ее. Элизабет видела выражение материнских глаз, когда в то утро герцогиня спокойно сидела в кресле в углу, а герцог рвал и метал. Этот взгляд словно говорил: «Вы не в силах изменить этот мир, дочь моя. И вам следовало бы это понимать».

В то утро герцог чуть ли не целый час бранил Элизабет, перечисляя все ее пороки, а потом наконец упал в кресло и окинул дочь сердитым разъяренным взглядом.

- Теперь я должен решить, что с вами делать, – сказал он, качая головой в парике. – Жаль, что вы слишком взрослая, чтобы отправить вас в монастырь.

Тут вмешалась герцогиня:

- Аларик, право же!

- Да так оно и есть, Маргарет. Мне следовало бы так поступить восемь лет назад, когда она впервые совершила тот подвиг в Кенсингтоне, опозорив нас перед королевой. Мне следовало тогда уже понять, что все плохо кончится.

Герцог вздохнул, покрутил свободный конец своего снежно-белого галстука, обдумывая приговор дочери. Потом наконец произнес:

- Ладно, сейчас уже поздно исправлять прошлые ошибки, но кое-что мне пришло в голову. - Тут он посмотрел на Элизабет: - Я придумал. Вы поедете к Идонии.

вернуться

2

Мера веса, равная 14 английским фунтам (прибл. 6, 34 кг).

К тете Идонии, которая, не зная, чем бы себя занять, могла додуматься только до того, чтобы укладывать свои чулки по порядку их цветов, начиная от белого и пройдя через весь цветовой спектр до черного?!

Услышав это, Элизабет побледнела.

- Отец, прошу вас...

Но герцог только потряс головой.

- Даже не пытайтесь меня переубедить. Я так решил. Только надеюсь, что несколько недель - или месяцев, если потребуется, - проведенных на севере, помогут вам осознать всю глупость ваших поступков.

Элизабет открыла было рот, чтобы возразить, но герцог жестом остановил ее.

- Я делаю это во благо вам же, Бесс. По меньшей мере будем надеяться, что ваш визит к тетушке прогонит бунтарские мысли из вашей головы раз и навсегда. Но не нужно очень уж страшиться, я вовсе не такой зверь, чтобы отослать вас к моей сестрице одну. Несчастье раздели с другом, так говорят. Я позволю Изабелле поехать с вами. То есть, если вам удастся ее уговорить.

Элизабет перевела взгляд с окна кареты на свою сестру, сидевшую, изящно склонив голову, над сборником шекспировских сонетов.

Порой казалось удивительным, что они сестры. Достаточно было одного взгляда, чтобы убедиться, что Изабелла Анна Элинор Дрейтон принадлежит к совсем иному миру, где над морем колокольчиков резвятся феи и где царит вечная весна. Она была двумя годами младше Элизабет; волосы у нее цветом и мягкостью походили на черный шелк, они ниспадали волнами на изящные плечи девушки. Кожа у нее была бледная, как наилучшая слоновая кость, а глаза бездонные, цвета синеющих сумерек.

Полная противоположность пылкости и бунтарству Элизабет, Изабелла была воплощением кротости и спокойствия. У нее была душа художника - она не просто смотрела, она впитывала

в себя окружающий мир. Двигалась она с грацией лебедя. Говорила мелодично, как будто пела. Изабелла никогда не бросала вызов авторитетам. Она полностью принимала существующий порядок вещей. Просто с ума сойти! Временами Элизабет завидовала этому свойству сестры в не меньшей степени, чем упрекала ее в этом. Но несмотря на их различия, Изабелла, едва родилась, стала ближайшим доверенным лицом Элизабет; она с самого начала знала о писаниях старшей сестры, но, хотя надежно хранила ее тайну, предостерегала ее.

- Он скоро сменит гнев на милость, - проговорила Элизабет без всякой надежды. - Отцу и раньше досаждали мои выходки, но он всегда меня прощал. Помнишь мой первый выезд в свет, когда я надела панталоны на бал-маскарад у королевы? Негодование отца в тот вечер было почище всякого шторма. Он рвал и метал, грохотал вне себя от гнева, но это продолжалось недолго.

Изабелла оторвалась от сонетов и недоуменно посмотрела на сестру.

- Что ты такое говоришь, Элизабет? Ведь это случилось восемь лет назад, а он до сих пор не разрешает тебе бывать в Лондоне!

Элизабет пожала плечами.

- Мне вовсе не хочется жеманничать с самцами в пудренных париках и с наруганными лицами. Все равно отец простил мне тот случай, простит и теперь. Я в этом уверена. Ах, придется мне пострадать недельки две у тети Идонии, - она, разумеется, не преминет попортить мне кровь, пока мы будем там жить, - но потом мне разрешат вернуться домой, преисполненной смирения и сожалений. Я даже закончу эту проклятую вышивку, если понадобится. Но в конце концов все будет хорошо, Белла. Вот увидишь.

И, убедив себя в этом, Элизабет снова устала в оконце кареты, за которым небо быстро темнело. «Хм, - подумала она, - уж не собирается ли дождь?»

- Боюсь, что на этот раз все не так просто, Бесс.

Элизабет посмотрела на сестру. Внезапно лицо у Изабеллы помрачнело.

- Ты должна узнать кое-что.

- Что такое? Что-нибудь случилось, Белла? Тебе нехорошо?

- Нет, все в порядке... - Изабелла посмотрела на нее глазами, полными слез. Элизабет заметила, что она с трудом сдерживается, явно не зная, стоит ли говорить.

Наконец Изабелла выпалила:

- Ах, Элизабет, мы едем вовсе не в гости к тете Идонии. Это был лишь предлог, чтобы заставить тебя согласиться уехать из Дрейтон-Холла добровольно. Отец знал, что, если тебе станет известен его замысел, ты никогда не согласишься на отъезд, и тебя придется тащить из дому силком, а ты станешь кричать и брыкаться.

Внезапно Элизабет вспомнила слова отца о монастыре. Но это, конечно, была шутка.

- Изабелла... если не к тете Идонии, то куда же мы направляемся?

Изабелла заморгала.

- Белла, ты должна мне сказать!

- Мы едем в поместье одного из приятелей отца, к лорду Перфойлу, в Шотландию.

В Шотландию?

Элизабет была ошеломлена.

- Чего это ради отцу понадобилось отослать нас в такую даль? И почему к лорду Перфойлу? Мы с ним едва знакомы - кажется, мы виделись всего один раз за чаем. Я даже не знала, что у него есть дочь нашего возраста...

- Нет у него дочери. То есть я хочу сказать, что, может, дочь у него и есть, но отец послал нас туда не поэтому. Тебя послал... - Изабелла была в нерешительности. - Господи, как же мне объяснить? Это такой ужас. Но все же придется сказать. Бесс, отец хочет выдать тебя за лорда Перфойла.

- Выдать за него? - Элизабет почувствовала, как все краски исчезли с ее лица. - Но он же совсем старый, как... как наш отец!

- Он такого же возраста, но папа знал, что ты отнесешься к этому именно так. Вот почему он хотел, чтобы ты думала, будто бы мы едем к тете Идонии. Отец очень уважает лорда Перфойла и считает, что такой зрелый мужчина...

- Ты хочешь сказать - такой старый, Белла!

- Такой опытный человек, - продолжала Изабелла, - будет тебе лучшим мужем, нежели молодой. Отец не вечно будет с нами. Подумай об этом. Кое-кто из его приятелей уже покинул этот мир. Он беспокоится о твоём будущем, о будущем всех нас, если с ним что-то случится. Тогда мы все потеряем - титул, поместья.

Слова Изабеллы ошарашили Элизабет. Отец всегда был полон жизни, он казался ей не подвластным времени. Он был ее героем. Ее защитником. Она никогда не думала, что он тоже смертен.

- Ах, Бесс, мне так жаль. Но папа сказал, что, если я расскажу тебе обо всем прежде, чем мы покинем Англию, он заставит меня выйти замуж за лорда Перфойла вместо тебя!

Сердце у Элизабет сжалось. Она почувствовала, что ее предали самым гнусным образом, и предал ее родной отец, которого она, несмотря на различия их мнений по некоторым вопросам, всегда обожала и уважала. И Белла тоже... что тут скажешь? Сестра все знала уже давно и ничего ей не сказала.

- Как ты могла скрыть это от меня, Белла? Пусть отец тебе пригрозил - все равно, почему ты мне до сих пор ничего не сказала?

Но прежде чем Изабелла успела ответить, послышался внезапный угрожающий треск. Изабелла ахнула. Карета дернулась вперед, потом опасно завалилась набок, отчего Элизабет полетела со своего сиденья головой вперед, путаясь в шелковых нижних юбках и кружевных оборках. Она стукнулась головой обо что-то твердое, потом попробовала выпрямиться. Тут кучер остановил карету так резко, что у девушек хрустнули все косточки.

Потом настала полная тишина.

С трудом выпрямившись, Элизабет протянула руку к бесформенной груде одежды, в которую превратилась ее сестра, и спросила, задыхаясь:

- Белла! Ты не покалечилась?

- Нет, - последовал приглушенный ответ из-под вороха нижних юбок. - Просто немного испугалась. Что там случилось?

- Не знаю. - Сдвинув на затылок помятую соломенную шляпку, Элизабет окликнула кучера: - Хиггинс, где вы? Почему мы свернули?

- Да тут овца стояла посреди дороги, миледи. Пришлось малость свернуть на обочину, чтобы не зашибить ее, но, похоже, мы завязли. Сдается мне, что и колесо сломалось.

- О Господи! - сказала Изабелла, поднимая голову и выглядывая в окно. - Она не ушиблась, Хиггинс?

- Кто?

- Эта бедная овечка...

- Нашла о чем беспокоиться, Изабелла! Мы все могли разбиться!

- Ах, Элизабет, но овца-то этого не понимает...

- Да с ней все в порядке, леди Изабелла. Стоит, где стояла.

Элизабет выглянула в окно. Посреди дороги и вправду стояла длинношерстная овца, уставившись на них. Заметив Элизабет, овца заблеяла.

Забавляясь мыслями о тушеной баранине и бараньей ноге, Элизабет открыла дверцу кареты. Выглянув наружу, она увидела, что задние колеса кареты безнадежно увязли в обширном болоте. Хиггинс уже стоял на земле немного в стороне и почесывал под шляпой лысеющую голову.

- Как думаете, вы сумеете починить колесо? - спросила Элизабет.

- Ага, сумею, то есть, если смогу до него добраться. Мы, сдается, здорово увязли.

Два телохранителя герцога, Манфред и Тайтус, выехали из-за лежащей на боку кареты.

- Давай поможем леди выбраться из экипажа, а там поглядим, сумеем ли мы вытащить его из грязи.

Но едва Манфред шагнул к карете, как тут же завяз в трясине по щиколотку. Он попытался высвободить ногу, но в результате сапог остался в грязи, и теперь его пальцы торчали сквозь дырку в чулке.

- Гляньте, да эта грязь прямо как патока, - сказал он, пытаясь сунуть ногу обратно в сапог. Он сначала нагнулся всем корпусом, потом неловко откинулся назад и, потеряв равновесие, взвыл, закачался, как дерево, и упал лицом в грязь. Когда ему наконец удалось встать, оказалось, что он с головы до ног заляпан болотной жижей.

Тайтус, стоявший позади него, засмеялся:

- Ты что же, не знаешь, что нужно было снять куртку и положить ее на землю, чтобы леди могли ступать по ней?

Манфред бросил на приятеля убийственный взгляд, вынул из кармана платок и вытер грязь с лица.

- Пожалуй, миледи, я буду держаться тверже, если понесу вас на закорках. Как считаете, вы сможете обхватить меня руками за шею?

- Попытаюсь.

Элизабет выбралась через дверцу кареты и протянула руки к нагнувшемуся слуге.

Когда она оказалась на спине у Манфреда и ее ноги болтались самым несуразным образом, сзади неожиданно раздался чей-то голос:

- Вот уж в самом деле, и любят же эти английские девчонки липнуть к парням!

Манфред повернулся - Элизабет все еще обнимала его за шею - и увидел незнакомца, который откуда ни возьмись появился на дороге.

Он был в одежде шотландского горца - в килте, закрепленном ремнем поверх свободно падающей полотняной рубахи, которую он даже не удосужился завязать у шеи. Ноги у него оставались открытыми ниже колен. Темные, как смоль, волосы были завязаны сзади хвостом, спускавшимся из-под синей шотландской шляпы, украшенной веточкой вереска. На боку у него висел палаш, на спине - странный, усеянный гвоздиками щит. Все это придавало ему совершенно первобытный вид. Но его самоуверенная усмешка и явное удовольствие, с которым он смотрел на их незавидное положение, задела Элизабет за живое.

- Полагаю, вы могли бы придумать что-нибудь получше? - осведомилась она, стараясь сохранить достоинство, насколько это было возможно в данном случае, и стараясь не думать о том, как смешно она выгладит, вися на боку у телохранителя.

- Это можно. - Он взглянул на Манфреда, не обращая внимания на Элизабет. - Неси девушку обратно в карету, дружище. И пойдя к ручью, смой с себя грязь.

Манфред помог Элизабет вернуться в карету, а шотландец стал на колени и развязал кожаные ремни своих необычных башмаков. Потом снял их вместе с клетчатými чулками и, не говоря ни слова, вошел поглубже в трясины и добрался до кареты, шлепая по грязи босыми ногами. Одним внезапным движением он обхватил Элизабет руками и поднял девушку со ступенек экипажа, без малейшего усилия держа ее на весу перед собой. На его губах играла задорная усмешка, а глубокие темно-синие глаза тоже смеялись.

- Барышне нужно помочь, а?

Элизабет нахмурилась.

- В Англии, сэр, принято, чтобы джентльмен сначала спросил у леди разрешения, а уже потом прикасался к ней.

- Да ведь вы уже не в Англии, барышня. А я-то уж в точности не джентльмен. Это земля скоттов, а скотты - люди вовсе не светские.

- Никогда еще не произносилось более верных слов, - заметила Элизабет, обращаясь к болотной жиже, которая сползала по волосатым ногам незнакомца.

Шотландец все еще смотрел на нее. Ей стало не по себе. Его синие глаза, казалось, проникали в самую ее душу. Его губы были крепко сжаты, но почему-то ей казалось, что он над ней посмеивается.

- Я бы не сказал, что найдется шотландец, который бы обнимал девушку против ее желания. - И он опять усмехнулся. - Даже если он вынимал ее из трясины. Стало быть, вам хочется, чтобы я поставил вас на ноги?

Элизабет глянула вниз, на окружающую их грязь, от которой под воздействием солнечных лучей поднимались зловонные испарения.

- Нет, прошу вас, не нужно.

- Я и не собирался.

И он повернулся и побрел по грязи туда, где было посуше, а там скорее бросил Элизабет, чем опустил на землю. Он отошел не сразу и стоял к ней вплотную, так что она могла видеть серые крапинки в его глазах, отчего синева их казалась такой темной. Было что-то необычное в этих глазах, нечто такое, отчего она никак не могла отвести от них взгляд.

А он сказал:

- Теперь я вытащу другую девушку.

И только когда он повернулся, чтобы вынести из кареты Изабеллу, Элизабет поняла, как гулко бьется у нее сердце. Приписав это дорожному происшествию, она глубоко вздохнула и принялась приводить в порядок свои юбки, а незнакомец вынес ее сестру из кареты и поставил рядом с Элизабет.

- Ты когда-нибудь видела таких силачей? - прошептала Изабелла, когда шотландец пошел помочь Манфреду и Тайтусу тащить экипаж из болота. - Он нес меня, как перышко.

Элизабет обхватила себя руками и потирала их, словно ее бил озноб. Но был ли виноват в этом озноб или незнакомец?

- Он слишком дерзок.

- Он просто хотел нам помочь.

- Скорее ему хотелось тебя облапить, Белла. Будь здесь отец, уж он бы...

И в это мгновение в голове у Элизабет молнией мелькнула некая мысль, такая изощренная и замечательная, что она даже не поверила, что способна придумать такое.

Спустя три четверти часа, когда карету наконец вытащили из грязи и починили колесо, Элизабет подошла к незнакомцу. Теперь девушка держалась совсем по-иному.

- Мне бы хотелось поблагодарить вас, сэр, за вашу любезную помощь. - И она протянула ему руку в перчатке. - Подумать страшно, что бы мы делали, если бы вы случайно здесь не оказались.

Горец с любопытством посмотрел на девушку, словно видел ее впервые.

- Рад, что сумел помочь, миледи.

Он не принял ее протянутую руку, а повернулся и подобрал свои башмаки и чулки, словно собирался уйти.

Уйти? Нет, он не может уйти. Пока не может.

Элизабет пошла за ним.

- Я э-э-э... запятовала узнать ваше имя. Мне нужно знать, кому мы обязаны своей благодарностью. Незнакомец посмотрел на нее, но не остановился.

- Дуглас Даб Маккиннон с острова Скай.

Дуглас Даб? Господи, это что еще за имя?

Горец на минуту задержался у ручья, чтобы смыть болотную жижу с ног. Когда он наклонился, чтобы зачерпнуть своими громадными руками воды, а потом провел ими по икрам, Элизабет поймала себя на том, что не может отвести взгляда от бугристых мышц под подолом его килта. В его ногах была сила. Мужская сила. Как бы лондонские щеголи ни старались, надевая накладные икры, все равно их ногам далеко до этих.

Когда она подняла глаза, то заметила, что горец так же внимательно ее разглядывает.

Лицо ее вспыхнуло. «Господи, - подумала она, - ведь я красная как рак».

- Я - ле... - Но она тут же поправилась. - Я - Элизабет Дрейтон. Со мной моя сестра, Изабелла Дрейтон. Мы едем на север, в гости к нашей тетке, и свернули с дороги из-за овцы, кот...

Элизабет указала на дорогу, но проклятая животино уже исчезла.

- Во всяком случае, мы в долгу перед вами за вашу доброту, мистер Маккиннон.

И Элизабет протянула ему руку. Горец смотрел на нее какое-то время, потом поклонился, снова оставив без внимания протянутую руку.

- Очень рад, миледи. - Потом повернулся и направился прочь. - Всего хорошего вам и вашей сестрице. Счастливо доехать.

Он не прошел и двух шагов, как Элизабет окликнула его:

- Мистер Маккиннон, а вы не собираетесь надеть чулки и башмаки?

Он ответил, не останавливаясь:

- Собираюсь, как только ноги высохнут.

- Но... э-э-э... можно спросить, куда вы направляетесь?

- На постоянный двор, что неподалеку отсюда. Он называется «Привал разбойника».

Элизабет пошла за ним.

- «Привал разбойника», говорите? Но ведь мы направляемся туда же.

Это была замечательная ложь, умная и ловко преподнесенная. Хотя, судя по тому, с каким выражением горец посмотрел на нее, девушка усомнилась в том, поверил ли ей шотландец.

- Кажется, скоро пойдет дождь, - поспешно сказала она. - Во всяком случае, я совершенно уверена, что на нос мне упала капля. - Она взглянула на небо, а потом кивнула. - Да, в самом деле, вот и еще одна. Прошу вас, сэр, позвольте предложить подвезти вас до трактира. Это самое меньшее, что мы можем сделать в ответ на вашу любезность.

Горец посмотрел на небо в тучах, помешкал, словно обдумывая предложение.

- Это в общем-то ни к чему, миледи.

- Но я настаиваю. - И Элизабет наградила его своей самой милой улыбкой, которая неизменно помогала ей добиться желаемого.

На этот раз улыбка тоже помогла.

- Если вы уверены...

- Абсолютно, и вы сядете внутрь, с Изабеллой и со мной, так что по дороге мы поболтаем. Я в Шотландии впервые, и мне очень хочется узнать о ней буквально все.

Элизабет ждала.

Горец коротко кивнул и пошел к карете.

Когда Маккиннон уселся на противоположном сиденье, Изабелла схватила сестру за кружевной манжет и предостерегающе сжала его. Потом прошептала:

- Ради всего святого, что это ты делаешь?

Элизабет искоса взглянула на сестру.

- Пока еще ничего. Но если выйдет по-моему, этот горец очень пригодится мне в ближайшее время.

Глава 3

Дуглас настороженно рассматривал двух красавиц, сидевших в карете напротив него, и уже в который раз спрашивал себя, что это на него нашло? Чего ради он принял это предложение и уселся рядом с ними?

Неужто он совсем спятил? Еще час тому назад он был совершенно свободен, спокойно шел домой в полном одиночестве, думая разве что о хаггисе, то есть о бараньей требухе со специями, да о горячих лепешках, которые Эйтни, разумеется, приготовила к его возвращению. Потом он заметил завалившуюся набок карету, которая увязла в болоте. И остановился, чтобы предложить свою помощь. И вот неожиданно для себя почему-то оказался в крытом экипаже с двумя незамужними молодыми леди. У одной были волосы цвета ночи, и она не промолвила и двух слов с тех пор, как он появился. А другая, огненно-рыжая, никак не могла замолчать.

Даже слепому было ясно, что все это не к добру.

Это сестры, вспомнил он слова рыжеволосой, но ему хватило и одного взгляда, чтобы понять, что они такие же разные, как день и ночь. Темноволосая была робка, пристойно сдержанна, она не хотела встречаться с ним глазами и, когда карета рванулась с места, поспешно ушла в окно. Другая же не отводила от него взгляда и к тому же болтала без передышки. Она тараторила не переставая, смело глядя на него карими глазами со странным серым оттенком. Она дожимала его назойливыми расспросами, всячески выказывая свое любопытство, и все разглядывала его с ног до головы, так же пристально, как он смотрел на нее.

Потом, вероятно, вспомнив задним числом о девичьей скромности, она все же перестала на него пялиться и благопристойно расправила свои юбки, чего вовсе не требовалось. Дуглас воспользовался возможностью получше ее рассмотреть.

Она просто красавица, ничего не скажешь. Первое, что он заметил – первое, что заметил бы в ней любой, – был удивительный красно-рыжий цвет ее волос. Они красиво блестели, причесанные совсем просто – со лба назад, и свободно падали ей на шею под соломенной шляпой. Интересно, подумал Дуглас, как сияют эти волосы при солнечном свете, не окажутся ли они на ощупь как блестящий шелк? Хорошо, что она их не пудрит, как велит теперешняя лондонская мода. Это было бы просто преступлением, подумал Дуглас.

Судя по роскошному платью из шелка винного цвета, она, конечно же, из богатой семьи. У платья был низкий вырез, лиф плотно облегал тонкий стан девушки, юбка была широкой, а нижние юбки – из полосатой стеганой ткани. Шею и плечи прикрывала прозрачная белая косынка, почти не скрывая, впрочем, пышную грудь, право же, очень красивую.

Это всего лишь девушка, сказал себе шотландец, красивая, конечно, и он давно не видывал таких, как она. А может, и никогда. И она невинна, в этом он не сомневался, потому что явно не понимает, какие соблазнительные мысли вызывает у него простой наклон ее головы. А это означает, что Дугласу следует держаться от нее подальше. Так он и сделает, как только карета остановится у постоянного двора. Когда он отойдет от кареты, решил горец, отойдет от этой девушки, она сразу же вылетит у него из головы.

Тут она пошевелилась, слегка наклонилась к нему, и от ее таинственного травяного запаха он чуть было не упал на колени. В эту минуту Дуглас понял, что это вовсе не «всего лишь девушка».

- Итак, мистер Маккиннон, – сказала она, сверкнув белыми зубами, – что вы можете рассказать нам о себе?

Дуглас пожал плечами.

- Нечего и говорить-то, – ответил он, устремив взгляд на вид, проплывающий за окном кареты, решив по мере возможности держать язык за зубами. – Я – простой шотландец, который держит путь к себе домой.

- На остров Скай, как вы, кажется, сказали?

- Да, миледи.

Он замолчал.

- А что же завело вас сюда, так далеко от дома, сэр? - Ее глаза блеснули. - Вероятно, какое-то тайное дело?

Дуглас посмотрел на собеседницу, окинув ее взглядом в сумраке кареты. У него мелькнула мысль - была ли их встреча на этой пустынной сельской дороге делом случая. Нет, быть того не может. Он уехал из Лондона всего неделю тому назад и никому не сказал о своем пути следования. Совершенно ясно, что он напрасно встревожился. Эта стройная девушка понятия не имеет, зачем он ездил в Лондон.

- О нет, миледи, - сказал он, подчеркивая свой шотландский выговор. - Я ведь простой гуртовщик. Ездил взглянуть на рынок скота на юге.

Дуглас думал, что его ответ заставит ее замолчать. Какой интерес может вызвать простой шотландский гуртовщик у такой изысканной и утонченной леди, как эта девица? Но, как ни странно, она не отставала.

- Вы говорите - гуртовщик? Как этот отщепенец Роб Рой? Как интересно! Вам, должно быть, есть что рассказать...

Ему пришлось признать, что она и впрямь очень добра. Почти целый час она поддерживала разговор таким образом, что казалось: быть гуртовщиком не менее замечательное занятие, чем совершать кругосветное путешествие. Когда они добрались до «Привала разбойника», ночь уже опустилась, а Элизабет использовала все женские уловки, о которых когда-либо слышал Дуглас, равно как и те, о которых он и не подозревал. Несмотря на все старания горца наскучить ей либо не обращать на нее внимания, она пыталась все больше и больше очаровать его.

А у него в голове вертелась только одна тревожная мысль: «Зачем?»

Зачем эта богатая, да к тому же еще и красивая английская барышня так долго и упорно старается обратить на себя внимание простого шотландца? Разумеется, у нее хватает знатных английских парней, которые ей гораздо больше подходят. Зачем же тогда она так им интересуется?

Каковы бы ни были причины, все это не к добру. Поэтому когда они в конце концов остановились у постоялого двора, Дуглас постарался выскочить из кареты первым.

Он помог сойти обеим леди, а потом наклонил голову:

- Миледи, мне было очень приятно.

Он повернулся, готовясь уйти, но голос, тот же милый голос, что звучал неумолимо в течение последнего часа, окликнул его:

- Мистер Маккиннон, я... с нашей стороны было бы неучтиво, если бы в благодарность за помощь мы не предложили бы вам по крайней мере поужинать с нами.

- О, в этом вовсе нет нужды, миледи, - сказал он. - Я...

- Вздор. Вы, верно, умираете с голоду. - И прежде чем он успел раскрыть рот, чтобы отказаться, она взяла его под руку. - Такой сильный и здоровый человек, как вы, не может жаловаться на отсутствие аппетита, в особенности после того, как он приложил столько усилий, чтобы помочь нам с каретой. Вы просто обязаны позволить нам накормить вас

ужином. – Она улыбнулась и подмигнула ему из-под полей своей шляпы: – Я настаиваю.

Дуглас решил, что эта девица привыкла, чтобы все плясали под ее дудку. Больше из любопытства, нежели из каких-то иных побуждений он позволил подвести себя к дверям трактира под соломенной крышей.

Потолок с балками в зале был таким низким, что Дуглас, оказавшись внутри, почти задевал его головой. Поверху плыл ленивый дымок из каменного очага в углу и из глиняных трубок посетителей, сидевших за столами. Глаза всех присутствующих обратились на вошедших, и, конечно, все удивились: что делает в обществе двух разодетых молодых леди явный простолудин? Но вскоре все опять занялись своими пивными кружками и трубками, а Дуглас отыскивал свободный столик в дальнем углу.

Он усадил за него дам и направился к стойке, за которой стоял владелец заведения по имени Тернбулл, которого он хорошо знал.

– Что это ты задумал, Маккиннон? – спросил трактирщик. Он медленно потер свой заросший, с проседью, подбородок и, сузив глаза, посмотрел на леди в дальнем конце залы. – С тобой две девушки, и сдается мне, это к тому же сакские барышни [3]. Я не потерплю никаких проделок у себя в доме. У моего заведения хорошая репутация.

Дуглас сердито посмотрел на трактирщика.

– Не пори горячку, Тернбулл. Они попали в трудное положение. У их кареты сломалось колесо, и я помог его починить. А теперь они хотят угостить меня ужином. Так что будь добр, подай нам тушеной баранины – твоя жена мастерица ее готовить. Я быстро поем и сразу на боковую.

Трактирщик смерил Дугласа недоверчивым взглядом.

– Ты только проверь, Маккиннон, когда окажешься в постели, что ты там один. В округе полно сакских патрулей с тех пор, как якобитов [4] разбили при Куллодене. Ищут, к чему придраться, чтобы отправить на тот свет еще одного скотта. Ты хороший парень, Маккиннон. Не хотелось бы мне видеть тебя в гробу.

Изабелла, сидевшая в противоположном конце зала, с испуганным видом рассматривала посетителей. Она никогда в жизни не видела такого пестрого сброда. Уместившись на краешке стула, она сидела, стиснув колени, и даже отказалась снять плащ.

Элизабет же расположилась со всеми удобствами – сняла шляпу, стянула перчатки, движением плеч скинула свой шерстяной плащ, с любопытством рассматривая все вокруг, как ребенок, впервые попавший на ярмарку.

– Бесс, приди отцу в голову, что мы окажемся в подобном месте, одни, в обществе человека, которого почти не знаем, он... он просто сошел бы с ума!

Элизабет приподняла брови.

– Но ведь отец послал меня в Шотландию, чтобы я вышла замуж за человека, которого почти не знаю, так что особой разницы я не вижу. Все зависит от того, Белла, какой из двух незнакомцев привлекательнее, а пока что я выбираю этого горца.

По правде говоря, Изабелла не могла с ней не согласиться. Но все же она наклонилась и взяла сестру за руку.

- Я знаю, ты все еще сердишься, и можно только пожалеть о поступке отца. Я знаю, в глубине души намерения у него были самые добрые, и еще я знаю, что, как бы он ни грозился, он не станет принуждать тебя делать то, чего ты не хочешь. Но право же, Бесс, - она бросила взгляд на тускло освещенный трактир, на смутные фигуры, склоненные каждая над своей кружкой эля, - ты и в самом деле считаешь, что это разумно?

Элизабет оставила вопрос сестры без внимания. Грязь, вонь, смутная опасность, витающая в воздухе, - все это нравилось ей, а почему, она и сама не могла бы объяснить. Всю жизнь она ждала чего-то подобного - какого-то мрачного, опасного приключения, которое заведет ее в такие места, о которых она никогда и не подозревала. И теперь, когда это случилось, сердце у нее в груди билось взволнованно и гулко, и настроение было приподнятое. Ей казалось, что до сих пор она жила в стеклянном шкафу вроде тех, где ее матушка хранила фарфоровые статуэтки - предмет ее увлеченного коллекционирования. И вдруг одна из этих статуэток взяла и сбежала.

- Бесс, ты меня слушаешь?

Но Элизабет почти не слышала, что говорит сестра. Она была просто заморожена необъятной грудью, которую являла миру служанка, подошедшая с ними поздороваться. Грудь была воистину замечательная. Элизабет просто не могла взять в толк, как можно ходить с так туго затянутой талией, разнося посетителям бесконечные кружки с элем, и не выпасть при этом из лифа платья.

- Чего изволите? - спросила девушка, прижимая поднос к бедру и отбрасывая с глаз непокорную прядь каштановых волос. В то же время она пожирала глазами каждую подробность роскошных туалетов обеих леди.

Элизабет потерла лоб.

- У вас есть что-нибудь, чтобы согреться? Сегодняшний вечер выдался довольно прохладным. Клянусь, я чувствую это всеми своими косточками.

Девушка улыбнулась, обнаружив отсутствие переднего зуба. Но это вовсе не лишало ее привлекательности - напротив, придавало ей что-то манящее и задорное.

- Ах, миледи, хороший глоток уисге-бита - и озноба как не бывало.

- Уш-ке ва? - попыталась повторить Элизабет.

- Ага, это живая вода. Быстренько согреет вам кишки.

Вряд ли леди в гостиной ее матери пробовали что-нибудь подобное.

- Звучит превосходно, но...

- Эффи, сдастся мне, что леди больше подойдет чай, - вмешался в разговор Маккиннон.

- Чай? А почему я не могу выпить этой уисге-бита?

Он взглянул на девушку.

- Это очень крепкое питье. Для мужчин.

Для мужчин? Элизабет повернулась к пышногрудой служанке.

- Мисс Эффи, а вы сами когда-нибудь пили эту уисге-бита?

- Ну ясное дело, миледи. Всю жисть пью. Папаша втирал ее мне в десны, когда у меня в младенстве зубки резались. А бабка - ей уже почти девяносто - клянется, что пользуется ею от кашля. «Ничего не найдешь лучше, - это она говорит, - чтобы прогнать какую ни на есть хворь».

Элизабет посмотрела на Дугласа, сидевшего напротив, словно говоря: «Вот что пьете вы, мужчины»...

Тот только пожал плечами.

- Просто этот напиток больше подходит шотландцу, чем саксу.

Этого оказалось довольно. Теперь ничто на свете не остановит ее, и она попробует это зелье.

- Если можно, Эффи, глоток этой уисге-бита. - Элизабет посмотрела на настырного Маккиннона и улыбнулась: - А вообще-то почему бы и не два глотка?

- Ах нет, Бесс, спасибо, - остановила ее Изабелла, - я бы предпочла чай.

Элизабет посмотрела на сестру.

- А я заказываю не для тебя, Белла.

- А-а. - Спустя мгновение, кивнув в знак того, что она все поняла, Изабелла добавила: - Ах...

Троица молча сидела за круглым столом, ожидая возвращения Эффи. Та принесла три деревянные миски с тушеной бараниной, чайник с чаем для Изабеллы и две крошечные рюмки, каких Элизабет никогда видеть не доводилось. Служанка откупорила бутылку и поставила ее на стол между Дугласом и Элизабет.

- Господи, да сюда и глоток не войдет, - сказала Элизабет, глядя, как Маккиннон аккуратно наливает себе и ей по наперстку коричневатой жидкости. Потом она взяла рюмку и сказала, понюхав: - Вы пока не ставьте бутылку на стол, Маккиннон. Сразу же нальете еще раз.

С этими словами она поднесла рюмку к губам и выпила все залпом.

Ей тут же подумалось, что она проглотила либо яд, достойный знаменитой отравительницы Лукреции Борджа, либо нечто такое, чем их домоправительница в Дрейтон-Холле, миссис Барнаби, пользуется для чистки самых грязных ночных горшков. На ее глазах выступили слезы, горло обожгло, а желудок, казалось, пронзили насквозь горячей стрелой. Бросив взгляд через стол на шотландца, Элизабет поняла, что он прекрасно представляет себе, что она чувствует. По его кривой улыбке и смеющимся синим глазам было ясно, что он просто наслаждается ее стараниями подавить непреодолимое желание раскашляться.

Где-то на задворках сознания тоненький голосок прошептал: «А ведь он предупреждал, что питье очень крепкое...»

Негодяй!

Элизабет заморгала слезящимися глазами, проглотила жгучий комок в горле и с трудом улыбнулась, изображая полное удовольствие.

вернуться

3

Саксами в Шотландии презрительно называли англичан.

вернуться

4

Приверженцы свергнутого английского короля Якоба II (1633-1701) из династии Стюартов.

Шотландец, черт бы его побрал, ухмыльнулся еще шире.

- Готовы глотнуть еще, миледи?

- Разумеется, сэр. - Элизабет не собиралась отступать перед этим самодовольным типом.

После второго наперстка никакой катастрофы не произошло. Элизабет просто-напросто вообще ничего не почувствовала и не ощутила никакого вкуса. Ее охватило приятное внутреннее тепло, словно внутри у нее горит огонь, как в камине, так что она даже развязала шейную косынку и небрежно бросила ее на стол. Щеки у нее пылали, и это было чудесно. А в голове было так легко, будто Элизабет парила где-то в заоблачных высях.

И только после третьего глотка все завертелось у нее перед глазами.

Элизабет съела несколько кусочков баранины и выпила еще пару глотков, как вдруг сквозь гул в ее уши проник сердитый шипящий голос Изабеллы, обычно такой нежный.

- Бесс, мне хотелось бы уйти... сейчас же.

- Будь моей гостьей, - хихикнула Элизабет. Она заморгала, удивляясь, когда это Изабелле удалось обзавестись двойником.

- А тебе не кажется, что тебе тоже лучше уйти, Элизабет? Подумай о лорде Пер... - Тут она осеклась и сказала: - Нам завтра предстоит долгий путь на север, и лучше бы пуститься в дорогу пораньше.

Вспомнив о цели их путешествия, Элизабет скривилась. Лорд Перфойл. Это имя подействовало на нее, как ушат ледяной воды.

- Ба! Тем больше оснований у меня вообще сегодня не ложиться спать. Неужели ты лишишь меня этого последнего глотка свободы, Белла? Ведь в конце-то концов это ты утаила от меня правду о нашем путешествии на север, раскрыв все, когда уже было слишком поздно...

Сестры обменялись понимающими взглядами, после чего Элизабет махнула рукой, словно отгоняя несуществующую муху.

- Ну и ступай, Изабелла Анна Дрейтон. А мы с мистером Маккинноном допьем нашу уисге-бита. После чего обещаю сразу же отправиться спать...

К счастью, Дуглас все предусмотрел. Он поймал ее прежде, чем она ударилась головой об стол.

- О Боже! - вскричала Изабелла. - Неужели она умерла?

- Нет, мисс, но она проснется завтра утром и пожалеет, что этого не случилось.

Делать было нечего, и Дуглас поднял Элизабет на руки. Просто не верилось, что она столько выпила. Упрямая дуреха.

- А почему она не шевелится?

- Она спит мертвым сном, мисс. А поутру ни о чем и не вспомнит. Вы идите вперед, а я помогу вам доставить сестрицу в ее комнату, пусть проспится.

К счастью, их столик стоял у лестницы, ведущей наверх, в спальни. Посетители не обращали на них никакого внимания, и Дуглас быстро втащил Элизабет по узким ступенькам наверх; ему было жаль девушку - завтра, когда она проснется, у нее будет отчаянно болеть голова. Впрочем, поделом ей. Он ведь ее предупреждал.

Когда Дуглас положил ее на кровать, она пробормотала что-то вроде «самодовольный шотландец», потом перевернулась на спину и широко раскинула руки. Мгновение - и она начала тихонько похрапывать.

- Поутру она придет в себя, - сказал Дуглас совершенно расстроенной Изабелле, которая стояла рядом с ним, ломая руки. - А пока оставьте ее в покое.

Леди кивнула.

- Благодарю вас, мистер Маккиннон. Полагаю, мы снова оказались в долгу перед вами. Вышло, что за сегодняшний день вы пришли нам на помощь дважды.

Дуглас улыбнулся в ответ, искренне сожалея о том, что старшая сестра принесла девушке столько огорчений, потом поклонился и вышел. Прежде чем уйти в свою комнату, он решил спуститься вниз и заплатить Тернбуллу по счету. Если в округе рыщут патрули, как сказал трактирщик, ему лучше убраться отсюда до рассвета.

Дуглас поговорил с трактирщиком, с четверть часа болтал с посетителями, а потом пошел к себе. Он ступил на вторую ступеньку лестницы, как вдруг заметил маленькую дамскую туфельку, лежащую там, где она, должно быть, соскользнула с ноги Элизабет, когда он нес девушку наверх. Такого же цвета темного красного вина, что и ее платье, расшитая стеклярусом, она посверкивала в отсветах неяркого пламени в очаге. Туфелька была очень красивая - с высоким каблуком и заостренным мыском, - дерзкая на вид, совсем как ее хозяйка.

Дуглас остановился перед закрытой дверью в комнату Элизабет и тихонько постучался. Ответа не последовало. Он уже собрался было положить туфельку перед дверью, как вдруг услышал приглушенный голос, доносившийся изнутри.

Дуглас тихо повернул дверную ручку.

- Простите, мисс Изабелла, я вот нашел...

- Изабеллы здесь нет.

При свете, проникавшем в комнату из коридора, Дуглас увидел, что Элизабет сидит на краешке кровати, и сна у нее ни в одном глазу. Платья на ней не было, оно было брошено на пол и лежало там грудой смятого темно-красного шелка, волосы были распущены и свободно падали на плечи.

На ней была только сорочка.

Дуглас был ошеломлен и представшим перед ним зрелищем, и тем, что девушка не лежит в беспомощности в постели. Он видывал зрелых мужчин, которые ни за что не протрезвели бы, выпив столько, сколько выпила Элизабет, не говоря уж о том, что они не сумели бы самостоятельно раздеться.

- Я... Наверное, туфля слетела у вас с ноги, когда вы поднимались по лестнице. Я просто хотел вернуть ее.

Девушка разглядывала его при свете свечи. Она склонила голову набок и сказала:

- Вот как? Совсем как принц, который отыскал прекрасную Золушку?

И Элизабет засмеялась собственной шутке. Смех был мрачный. Дуглас молча смотрел на нее, пытаясь не думать о том, что в комнате стало на несколько градусов теплее, хотя в очаге не было огня.

Но в ее глазах огонь пылал, и она все еще смотрела на него. Огонь этот был таким сильным, что внутри у него все непроизвольно сжалось.

Дуглас сказал единственное, что пришло ему в голову:

- В Шотландии эта сказка называется «Неосмотрительная беглянка».

Девушка молчала и по-прежнему смотрела на него.

Дуглас шагнул в комнату и поставил туфельку к изножью кровати.

- Ну, я пошел...

- Одну минутку, прошу вас, мистер Маккиннон.

Дуглас смотрел на нее выжидающе.

- Если не возражаете, мне хотелось бы поговорить с вами откровенно о некоем предложении, которое я хочу вам сделать.

Интересно, о чем это она?

- Предложение, миледи?

- Да, сэр. Деловое предложение. Я хочу нанять вас, мистер Маккиннон.

- Нанять меня?

- Да. Это ненадолго. Видите ли, я хочу, чтобы вы стали моим женихом.

Женихом? Этого он ждал меньше всего, ее слова ударили его словно обухом по голове. Дугласу

и в голову не могло бы прийти такое. Он, конечно, не так ее понял. Ему явно все это снится. От виски у него разыгралось воображение.

- Прошу прощения, вы сказали - «женихом»?

- Да. И как я заметила, это ненадолго. На самом деле вы, разумеется, не женитесь на мне по-настоящему, но только будете притворяться, что мы должны пожениться. Обещаю, что за ваши старания вы получите хорошее вознаграждение.

Он понял, что речь идет о деньгах, но почему-то не мог отвести взгляда от ложбинки на ее груди, едва прикрытой сорочкой.

- Вы слишком много выпили, барышня. И теперь сами не знаете, что говорите.

- Нет, сэр, - возразила она вполне серьезно. - Я прекрасно понимаю, что именно вам предлагаю.

- Но ведь вы меня даже не знаете. Я для вас незнакомец. Чего же ради вы хотите, чтобы я так поступил?

Элизабет молча смотрела на него, и внезапно он понял, чем объясняется ее предложение. Догадка ударила его, словно тяжелый камень. Его одежда, речь, его грубая внешность... Глядя на него, она видит невежественного, бедного, туповатого шотландца. Другими словами, она хочет купить его, как некое развлечение, которое почему-то понадобилось ей на время, купить так же легко, так же бездумно, как покупает пару новых чулок. И уж конечно, она считает, что он бросится на колени и возблагодарит небеса за такую несравненную щедрость. А когда он ей надоест, когда перестанет ее привлекать, она с легкостью отшвырнет его в сторону, как те же чулки.

Негодование, яростное и острое, пронзило его, как палашом.

- Вряд ли это возможно.

- Как?! Вы отказываетесь?

«Наверное, она еще никогда ни в чем не знала отказа, - подумал Дуглас. - До сих пор».

- Да, отказываюсь.

- Я предлагаю, мистер Маккиннон, сделать вас богатым человеком. Все, что от вас потребуется, - это притвориться, будто бы вы хотите на мне жениться. Это ведь ненадолго. Все, что вам придется сделать, - это приехать со мной в наш дом и познакомиться с моим от... с моей семьей, - поправилась она, - объявить о нашей помолвке, а потом вы продолжите свою поездку на остров Скай уже гораздо более богатым человеком.

Вот оно что. Она хочет, чтобы он познакомился с ее семьей. В особенности с отцом. Он вспомнил разговор сестер внизу за ужином. Что-то насчет лорда Перф-как-его-там и их поездки на север. У девицы, должно быть, богатый папочка, которому ей хочется сильно насолить за то, что тот захотел ее выдать за знатного вельможу. И вместо этого она привезет к ним в дом его в качестве самого безобразного кандидата в мужа. Мужика... и того хуже - шотландского мужика.

Дуглас не знал ее отца, но уже сочувствовал ему.

- Наверное, найдется какой-нибудь сакс, которого вы могли бы уговорить поиграть в ваши игры, мисс. Я же на это не гожусь. Желаю удачи.

И Дуглас собрался уйти.

- Мистер Маккиннон, прошу вас... - Ее голос теперь звучал мягче. - Не уходите. Подождите минутку. Если вы согласитесь на мое предложение, вы сможете получить еще кое-что.

Она, конечно, не имеет в виду...

Элизабет соскочила с кровати и, промчавшись по комнате, точно ветер, стала между ним и дверью. От света, горевшего в коридоре, волосы у нее вспыхнули, а прозрачная сорочка казалась теперь почти невидимой. Без каблуков она была Дугласу до подбородка и показалась ему хрупкой, уязвимой. То же благоухание трав, которое он ощущал во время езды в карете, коснулось его лица, приправленное легким запахом выпитого виски. Некоторое время они стояли молча, не двигаясь. Губы ее были приоткрыты. Сейчас ее легко можно было бы поцеловать, мелькнуло у него в голове. Для этого нужно только закрыть глаза и...

Но тут она поднесла к его лицу руку и раскрыла сжатые в кулачок пальцы. На ладони лежал довольно большой перстень с драгоценным камнем.

- Эта вещь переходит в нашей семье по наследству, это подарок самой королевы Елизаветы. Как видите, на нем вырезаны ее инициалы. Перстень с секретом, внутри портрет ее отца, короля Генриха, и матери, Анны Болейн. Оно принадлежало многим поколениям нашей семьи, а мне его подарили, когда я родилась. Для меня это самая дорогая вещь на свете. Что же до его денежной стоимости, оно бесценно. И оно будет вашим, если вы согласитесь на мое предложение.

Дуглас окаменел, его тело больше ему не подчинялось. Стараясь не дать воли возмущению, он подумал о том, сколько раз, в сущности, всю жизнь, он отступал, глядя, как его семья, его клан, его страна смиряются перед нашествием англичан. Его отец, а до того и дед потеряли все, сражаясь за права своих соотечественников. Сам он чуть ли не всю свою жизнь добивался расположения английского короля из Ганноверского дома, пытаясь закрепить за собой земли, которыми его семья владела чуть ли не испокон веков. Эти земли Корона конфисковала после последнего восстания скоттов в 1719 году, когда они сражались за восстановление на престоле Стюартов. Дуглас всю жизнь стремился сохранить гордость и знаки отличия, которые были достоянием их клана еще со времен первого Маккиннона, Фингона, правнука великого шотландского короля Кеннета Макалпина. А теперь эта распущенная девица из саксов стоит перед ним, благоухая, как летний ветерок, и распустив свои огненные волосы, и думает, что может купить его честь за какую-то фамильную безделушку?

- Мой ответ неизменен, мисс. А теперь ступайте в постель, прежде чем вы попадете в такой переплет, какого и представить себе не можете.

Дуглас заметил, что лицо девушки омрачилось, когда она поняла, что он непоколебим. Не говоря ни слова, она обошла его и вернулась в постель, а там скользнула под одеяло. Дуглас повернулся, чтобы выйти, жалея, что он вообще остановился на дороге, чтобы помочь путешественникам, попавшим в беду. Он-то хотел всего лишь предложить свою помощь, а теперь зашел так далеко, как ему и в голову не могло прийти.

Он уже почти вышел из комнаты, как вдруг голос, неожиданно тихий, позвал его обратно:

- Не уходите, прошу вас.

Дуглас остановился в дверях, хотя и велел себе не задерживаться и идти до тех пор, пока воспоминание о ее глазах, губах и о звуке ее голоса не изгладится из памяти.

Но он обернулся против собственной воли.

- Что еще, мисс?

- Здесь... здесь так темно. - Ее голос походил скорее на дрожащий шепот. - Прошу вас, оставайтесь. Ненадолго. Я... я не очень-то... люблю темноту.

- Я могу привести к вам мисс Изабеллу, если вы...

- Нет! - Она затрясла головой. - Нет, пожалуйста, не нужно. Она решит, что я веду себя как маленькая.

Она так разговаривала с ним, так смотрела на него при слабом свете, проникавшем в комнату из коридора, что в глубине души у Дугласа шевельнулось что-то неизведанное. Он умел различить бросающуюся в глаза гордость, но также умел различить и играх. Ей не хотелось, чтобы младшая сестра видела, что она боится темноты. Даже признаться в этом перед ним было для нее нелегким делом. Эта леди не из тех, кто без труда признается в своей слабости. Он понял это сегодня вечером, когда она так опрометчиво отведала виски и продолжала пить, а ведь он знал, что она скорее всего никогда не пила ничего более крепкого, чем разбавленный водой кларет.

И теперь, почти в полной темноте, глаза девушки молили его не оставлять ее. И хотя все его чувства твердили, что ему лучше уйти, Дуглас повернулся и присел на краешек кровати рядом с Элизабет.

- Я никуда не уйду, мисс.

Он сказал себе, что пробудет здесь, пока она не уснет.

Он никак не рассчитывал, что сон сморит его самого.

Глава 4

Дуглас проснулся с единственной мыслью, что этой ночью, пока он спал, кто-то внезапно ударил его по голове дубинкой.

И не один раз.

Каждое движение, даже попытка открыть глаза и посмотреть на рассвет, проникающий через маленькое занавешенное окошко над кроватью, причиняло такую боль, что он скрипел зубами. Казалось, каждый звук: возня конюхов на конюшне, приглушенные голоса, доносившиеся снизу из трактира, даже стук двери, которую кто-то закрыл в коридоре, - все казалось ему оглушительным, как раскаты грома.

За каким дьяволом ему понадобилось пить столько виски?

Он не просыпался в таком состоянии с того самого дня, как четырнадцатилетним подростком вместе с младшим братом Йеном они украдкой пробрались в подпол, в винокурню своего дядюшки. Они были зелеными юнцами, которым хотелось поиграть во взрослых мужчин, и

Дуглас узнал тогда, что, хотя напиток его предков и пьется с легкостью, исторгнуть его обратно оказалось так трудно, что и взрослый мужчина, не говоря уже о четырнадцатилетнем мальчишке, громко разрыдался бы.

После этого он целых два дня не отходил от ночного горшка, извергая из себя выпивку. И он поклялся, что никогда больше с ним не случится ничего подобного. С тех пор он пил только здравицы на свадьбах, клановых праздниках, при рождении младенцев. И он был верен своему обещанию семнадцать лет, пока эта бес-девка с карими глазами не бросила ему вызов, вызов, который теперь заставлял его задаваться вопросом: уж не застряла ли ночью его голова между двумя валунами?

Дуглас пошевелился, попытавшись поудобнее устроить свою раскальвающуюся голову на подушке. Он застонал бы, но знал, что малейший звук причинит ему боль. Поэтому он поглубже зарылся в одеяло, как раковина в песок. И только тогда Дуглас осознал, что он не один в постели.

На плечо ему мягко упала завеса из шелковистых волос, и, когда его зрение прояснилось, оказалось, что они цвета червонного золота. Он узнал эти волосы, узнал и девушку, которой они принадлежат. Это была та же девушка, чья гибкая рука обнимала его, совершенно голого, почти касаясь его плоти.

Подобно тому, как рассветная дымка с восходом солнца рассеивается, события минувшей ночи мало-помалу прояснились у него в голове. Он вспомнил, как принес ей в спальню потерянную туфельку, как она умоляла его не уходить, якобы боясь темноты. И, судя по тому, где он сейчас находится, он так и поступил. Он не ушел, хотя собирался сделать это, едва девушка уснет. И, насколько он мог припомнить, сам погрузился в сон.

Это все виски, да, именно виски, и усталость – ведь он прошел за целый день пешком весь север Англии. Он твердо решил добраться до дому и не понимал, как крепко устал. Когда девушка попросила его остаться, его убаюкали темнота, звук ее голоса, ее тихое дыхание. Никто на его месте не устоял бы. Но он никак не мог взять в толк, что же случилось с его одеждой?

При мысли о том, что он лежит в постели совсем голый рядом с девушкой, плоть Дугласа напряглась. Да, вот так положение. Он подумал о том, что ее рука совсем рядом, что кожа у нее такая нежная, что ее волосы, упавшие ему на грудь, пахнут так сладко. Он скользнул по ней взглядом при свете утренней зари. Она спала, и он без помех рассматривал ее. Лоб у нее был наморщен, губы напряжены, словно во сне она сражалась с каким-то врагом. Не раздумывая, Дуглас протянул руку, чтобы осторожно разглядеть эту тревожную морщинку.

С одной стороны, ему хотелось оставаться в этой теплой постели, прислушиваясь к ее тихому мерному дыханию, а солнце между тем все выше поднималось по утреннему небу. Но здравый смысл все же подсказывал ему, что положение это крайне опасно, что ему нужно найти свою одежду и убраться из этой комнаты подобру-поздорову.

К несчастью, он поддался доводам разума не так расторопно, как следовало бы.

– Элизабет, я понимаю, конечно, что тебе хотелось бы проспать весь день, но мы же не можем...

Оглушительный крик, от которого задрожало окно, раздался в комнате. Этот крик оглушил его, а яркий свет, ворвавшийся в открытую дверь, ослепил. Дуглас схватил лежащую рядом подушку и спрятал под ней голову.

- Господи Боже мой, Элизабет Реджина Глориана Дрейтон, что вы натворили?

От резкого голоса сестры Элизабет сразу же проснулась.

- Белла, ради Бога, зачем ты тревожишь меня в такой неурочный час?

Она застонала, ощутив головную боль, и зарылась в тепло своей подушки. Но тут подушка пошевелилась, и Элизабет поняла, что это нечто иное.

Она вскочила.

- Что вы?.. Кто вы?.. Прошу вас... Что вы делаете в моей постели? Убирайтесь сию же минуту!

На ней была сорочка - и ничего больше. Один рукав сполз вниз, обнажив плечо. В ужасе она схватила подушку, покрывавшую голову Дугласа, и похолодела, когда ее рука скользнула по его ноге, совершенно голой.

- Н-на вас ничего нет... там, под одеялом.

- Да. Ничего.

Она взглянула на него еще раз. То было лицо вчерашнего шотландца, он смотрел на нее своими дурацкими синими глазами. Но тем не менее он не намеревался никуда убираться.

- Как вы сюда попали, черт побери?

- Вы сами пригласили меня, мисс.

- Ничего подобного. Вы лжете!

- Вчера вечером, когда я принес вам вашу туфельку...

Элизабет замолчала, внезапно вспомнив, что произошло накануне вечером. А она-то думала, что это ей приснилось.

«Я никуда не уйду, мисс».

Он не оставил ее в одиночестве - ведь именно об этом она и просила. Он остался с ней на всю ночь, он охранял ее от ночных теней и того безымянного, безликого демона, который терзал ее почти всю жизнь.

Ибо насколько она себя помнила, Элизабет всегда боялась темноты. Ей было, кажется, лет шесть, когда они с Беллой играли в одной из многочисленных пустых спален в Дрейтон-Холле, в давно нежилом восточном крыле. Играли в прятки. Во всем оказался виноват пустой сундук. Элизабет залезла в него, не думая, что замок снаружи может сам собой защелкнуться. А он взял и захлопнулся. Она оказалась в ловушке, но когда поняла это, Белла, увлеченная какой-то новой игрой, как это и бывает с четырехлетками, уже убежала из комнаты. Родители и прислуга отыскивали ее только на следующее утро. К тому времени Элизабет просто охрипла от криков - всю ночь, самую страшную ночь в своей жизни, она звала на помощь. Она была совершенно уверена, что умрет.

Вскоре после этого у нее начались кошмары, она просыпалась от них посреди ночи в паническом страхе. Чтобы избежать ужасных видений, Элизабет повадилась украдкой ходить в библиотеку - там она читала, чтобы избежать темноты в своей спальне. В конце концов,

утомившись, она засыпала, а утром ее находил отец. Она спала в его любимом кресле, свернувшись калачиком. Герцог приписал это необычайному интересу дочери к книгам, и так оно в конце концов и вышло. Просто он так никогда и не узнал, с чего все началось. Элизабет никому ничего не сказала, даже Белле, отчасти потому, что ее могли бы заподозрить в слабости, но в основном из-за того, что та всю жизнь стала бы укорять себя за то, что бросила в тот день сестру.

И сейчас Элизабет сказала Изабелле:

- Да, он прав. Я действительно просила его остаться.

Изабелла стояла в раскрытых дверях, и ее лицо превратилось в маску, изображающую ужас.

- Ох, Бесс, как же ты могла?

Прежде чем Элизабет успела дать какой-либо вразумительный ответ, появились Манфред и Тайтус, без сомнения, привлеченные воплями Беллы.

- Что случилось? - буркнул Манфред, задыхаясь от быстрого бега.

- Полагаю, это совершенно очевидно, - сказала Изабелла, бросив убийственный взгляд на шотландца. - Мистер Маккиннон изнасиловал мою сестру.

Манфред подобрался.

Тайтус прямо зарычал.

Трактирщик у них за спиной недоверчиво покачал головой.

- Ах, Маккиннон, я же тебя предупреждал!

- Это не так. Ничего не произошло. Если бы я кого-нибудь изнасиловал вчера вечером, я бы это запомнил.

Изабелла была непреклонна.

- Ваши заявления выглядят не очень-то убедительно, мистер Маккиннон, поскольку вы находитесь в постели моей сестры совершенно раздетый.

- Белла, - сказала Элизабет, - он говорит правду. Мы разговаривали и невзначай уснули. Вот и все. Не случилось ничего предосудительного, право же. Я почти уверена в этом.

- Почти уверена? Вот уж успокоила! Даже для тебя, Элизабет, это неубедительное объяснение. Что же до вас, сэр, я считала вас джентльменом. Как вы посмели воспользоваться невинностью девушки?

- Невинностью?

- Да, невинностью! - Она вошла в комнату, сжав кулаки. - Или вы хотите сказать, что моя сестра была... - Она остановилась у кровати, занесла кулак и обрушила его на голову шотландца.

- Изабелла!

- Замолчи! Ты хотя бы представляешь себе, что натворила?

- Белла...

- Вам известно, кто наш отец, мистер Маккиннон?

- Нет, Белла. Не нужно...

- Я скажу вам, сэ, кто он. Наш отец - Аларик Генри Синклер Фортунатус Дрейтон, пятый герцог Сьюдли из Нортумберленда, а Элизабет - старшая из его детей и, должна добавить, его любимица.

- Белла, это неправда.

- Да замолчи же, Бесс! Все мы знаем, что он души в тебе не чает. - И Изабелла накинулась на Дугласа: - Мой отец - человек очень влиятельный. Да вы лишитесь своей головы! - Она скользнула взглядом по его торсу, с которого сползло одеяло. - Равно как и прочих частей тела, виновных в происшедшем.

Сидя в постели, Элизабет только молча смотрела на ужасный разгром, учиненный Изабеллой. Кто эта сварливая особа, притворяющаяся ее сестрой? Изабелла тихая, скромная, милая, она в жизни никому и ничему не причинила вреда. Своей кобылке, Конфетке, она только слегка сжимала каблуками бока, чтобы та тронулась с места, а когда однажды дворовый щенок сжевал ее любимые бальные туфли, Изабелла только взъерошила ему шерстку и выбрала его, как это делала в детстве.

Но сейчас... Элизабет была совершенно ошеломлена при виде сестры, расшагивающей по комнате. Ее юбки высоко вздымались с дощатого пола, когда она то и дело заламывала руки и грозила кулаком шотландцу.

- Как же мы все это объясним отцу? - спросила наконец Изабелла больше саму себя, чем кого-то еще. Остальные молча смотрели на нее. И ждали. Наконец она остановилась, явно что-то придумав. - Я знаю, что нам делать!

Элизабет заморгала:

- Знаешь?

- Да. Это довольно нелепо, но я начинаю думать, что это единственный выход из положения. Да, это так. Я уверена. - Она повернулась к сестре. - Вы с мистером Маккинноном обвенчаетесь.

- Обвенчаемся? Мы с ним? Белла, ты явно не в себе.

- Да, Элизабет, обвенчаетесь. Нет, я в своем уме. Это совсем не трудно. Мы ведь в Шотландии. Здесь не требуется ни оглашения, ни разрешения на брак. Насколько мне известно, венчание может совершить даже здешний кузнец, еще до завтрака. Именно это мы и сделаем, но только позавтракав. Тебе нужно поесть. Потом мы вернемся в Дрейтон-Холл, проделав эту необходимую, - она бросила тяжелый взгляд на шотландца, - эту достойную церемонию. Полагаю, мистер Тернбулл скажет нам, где найти местного священника, который совершит обряд.

Трактирщик понял намек и поспешил в коридор с криком:

- Эффи, пусть конюх привезет сюда Хэмиша Битона, да побыстрее! И позови миссис Тернбулл! Нам нужны свидетели!

- Благодарю вас, сэр.

Изабелла принялась собирать одежду Элизабет, разбросанную там и сям по спальне. Она не сразу отыскала один из белых шелковых чулок. Оказалось, что он висит на задней стенке гардероба. Изабелла покачала головой и выругалась себе под нос.

- Бесс, тебе пора вставать и одеваться. Не можешь же ты венчаться в исподнем. - Изабелла остановилась у кровати, сжимая в руках одежду сестры, и хмуро посмотрела на Дугласа. - Я полагаю, сэр, что вам также не следует быть нагишом.

- Прошу прощения, мисс Дрейтон, - проговорил Маккиннон так спокойно, словно речь шла всего-навсего о погоде, - но вы как будто не учли одной важной мелочи.

- Вот как?

- Да. Видите ли, обычно, когда люди вступают в брак, жених должен быть на это согласен.

Глаза у Изабеллы загорелись.

- А вот это, мистер Маккиннон, к делу уже не относится. - И, подняв с пола килт Дугласа, она швырнула его шотландцу, угодив тому прямо в лицо. - Разрешите вам заметить, что свое право не согласиться вы утратили, скомпрометировав мою сестру. Служанки и шлюхи, сэр, - это одно, а леди благородного происхождения - совсем другое. И прежде чем вы попытаетесь потихоньку улизнуть, позвольте добавить, что, если вы откажетесь, сэр, вопреки тому, что вы, увы, полностью, в ответе за эту достойную сожаления ситуацию, вами же и созданную, заметьте, я буду вынуждена попросить наших спутников, Тайтуса и Манфреда, прибегнуть к любым необходимым средствам, чтобы принудить вас к согласию, даже если для этого потребуются отвести вас к местному судье и обвинить в изнасиловании.

- Белла!

Поняв намек, оба чудовища разом шагнули от двери вперед.

- Нет, сэр, - закончила Изабелла, вздернув подбородок. - Вам лучше немедленно встать, одеться и подготовиться стать членом нашей семьи.

Лицо Дугласа превратилось в камень, темный и непроницаемый. Глаза стали ледяными от ярости.

Он понимал, что ему не выбраться из этого дурацкого положения. Но он уступил не сразу. Все еще лежа в постели, он смотрел на Изабеллу.

Та, в свою очередь, не мигая, смотрела на него.

Потом его голая нога скользнула с кровати и коснулась пола. Дуглас схватил одеяло за край, приготовившись его откинуть. Он долго вызывающе смотрел на Изабеллу, и она, не выдержав, в последнее мгновение отвернулась к окну. Храбрости, бывшей ей самой внове, не достало на такое.

Но Элизабет за спиной у горца ничуть не стыдилась и во всех подробностях рассмотрела его

красивую голую спину, когда он встал и ловко обмотал килт вокруг своего торса. Она понимала, что ей следовало бы сгорать от смущения. Ведь она не отрываясь продолжала смотреть на него. Когда он встал, она спряталась в тени полога, чтобы скрыть свой интерес. Перед уходом Дуглас оглянулся на Элизабет, и его взгляд был холоднее самого ледяного ветра Нортумбрии.

- Мы увидимся внизу, мадам. Или мне следует называть вас «жена»?

- Прошу вас, выйдите, мистер Маккиннон, - сказала Изабелла, подталкивая его. - Вы же знаете, это не к добру, когда жених видит невесту перед свадьбой... пусть даже он и провел с ней ночь и увидел гораздо больше, чем ему полагается.

Маккиннон направился к двери. Судя по выражению его лица, он был готов кого-нибудь убить.

Но перед тем как выйти, он остановился и обернулся.

- Что еще, сэр? - нетерпеливо спросила Изабелла.

Но он ей не ответил. Устремив взгляд на Элизабет, он пересек комнату. Когда он протянул руку, девушка похолодела, но он только лишь откинул одеяло в сторону и посмотрел на белую простыню.

- Так я и думал, - проговорил он, а потом повернулся и вышел.

Когда он наконец ушел, сопровождаемый Манфредом и Тайтусом, - ясно было, что эти двое уж постараются, чтобы он не дал тягу, - Изабелла закрыла дверь. Она немного постояла спиной к комнате, наклонив голову вперед, словно собиралась с духом перед тем, что ей предстояло. Наконец она повернулась, подошла к кровати и потянула Элизабет за руку.

- Белла!

- Это выходит за пределы всего, что я могла бы вообразить, Элизабет, даже с? твоей стороны. - С этими словами Изабелла облекла стан сестры в корсет и продела тесемки в дырочки. - Если отец не заточит тебя в монастырь до конца дней твоих, считай, что тебе повезло.

Она с такой силой дергала за тесемки корсета, что Элизабет пошатнулась и с шумом выдохнула воздух.

- Изабелла, право же, все это совсем ни к чему: все твои огорчения, это поспешное венчание.

- Разумеется, это необходимо, Элизабет. Совершенно необходимо. - Изабелла завязала шнуровку и опустилась на кровать. Внезапно она перестала походить на разъяренную крикливую особу, раздающую приказания. Теперь вид у нее был бледный, испуганный и до крайности встревоженный. - Ах, Бесс, что же такое случилось здесь вчера вечером? Когда я ушла от тебя, ты крепко спала. Я не могла даже поднять тебя, чтобы раздеть. Не стоило мне уходить. Нужно было остаться с тобой. Тогда ничего не случилось бы.

Это были те же самые слова, которые, всхлипывая, произнесла четырехлетняя Изабелла, когда обнаружилось, что Элизабет просидела ночь в запертом сундуке.

- Белла, не плачь, прошу тебя!

- Он, конечно же, не взял тебя силой, Бесс. Я знаю, он шотландец и человек невежественный,

но разве стал бы насильник останавливаться и помогать нам с каретой, как он сделал вчера? И я тебя знаю. Ты ни за что не позволила бы никому так с тобой обойтись и дожить до рассвета. Даже если бы ты и была пьяная в дым. И как же это произошло, Бесс?

Элизабет опустилась на кровать рядом с сестрой и взяла ее за руку.

- По правде говоря, Белла, я ничего не помню. Мы болтали, а что было потом - все как в тумане. - Она на мгновение задумалась, а потом сказала: - Я знаю, что у уисге-бита был отвратительный вкус. Такого вкуса вообще не может быть ни у какого напитка. Наверное, меня опоили. Ты так не думаешь, Белла? Белла!

Но Изабелла ее не слушала. Она уставилась на голый пол.

- Это моя вина. Отец поручил мне присматривать за тобой во время поездки, а я не сумела этого сделать. Мы даже до лорда Перфойла не доехали - просто выехали из Англии, а теперь я доставлю тебя обратно всего лишь через два дня после отъезда и сообщу отцу, что все кончилось тем, что ты провела ночь в постели с каким-то незнакомым шотландцем.

- Но мы даже не знаем, что случилось, - если что-то случилось вообще.

- Это больше не имеет значения, - сказала со вздохом Изабелла. - Суть в том, что вчера вечером что-то вполне могло случиться. А когда возникает скандал, «могло случиться» - это все равно что «случилось». Хоть раз в жизни, Элизабет, подумай о ком-то, кроме себя самой. Подумай, каково будет отцу, матери. Подумай, какой выйдет скандал, если ты просто вернешься домой и постараешься все замять. Отец тебя никогда не простит. Он даже запретит тебе видеться с Кэро или с Матильдой и даже с Кэтрин, потому что испугается, как бы ты не возбудила в них дух самовольства.

Элизабет в бессилии прислонилась к спинке кровати. Головная боль притупилась и походила теперь на медленный барабанный бой, и девушке показалось, что ее ударили под дых. Своих младших сестер она обожала. Они были для нее всем, особенно Кэро, славная восьмилетняя Кэролайн, всегда видевшая в старшей сестре свою заступницу. Она никогда не сделает ничего такого, что могло бы повредить им. Никогда.

- Отец не поступит так со мной.

- Еще как поступит. Он уже говорил о чем-то таком, когда поручал мне отвезти тебя к лорду Перфойлу. Ах, Бесс, как же ты не понимаешь? После такого отцу только и останется, что выдать тебя за кого-нибудь. И кого же ты предпочтешь? Лорда Перфойла или мистера Маккиннона?

Элизабет подумала.

- Я скорее выйду замуж за козла, чем за лорда Перфойла.

- Ну, по крайней мере мистер Маккиннон на козла не похож. - Теперь голос Изабеллы звучал мягче. - Ты правильно поступаешь, Элизабет. Все уладится. Вот увидишь. Мы быстренько позавтракаем, обвенчаем тебя, а потом двинемся напрямиком в Дрейтон-Холл. Если мы не будем мешкать, то приедем к ужину, а когда будем дома, отец решит, что делать дальше. Он может даже сделать тебя вдовой, - сухо добавила она.

Элизабет уставилась на свои ноги. Серьезность происшедшего постепенно доходила до нее. Изабелла права. Все неприятности она навлекла на себя сама чуть ли не с самого своего

появления на свет. Всю жизнь Элизабет поступала опрометчиво, совершенно не думая о последствиях своих поступков, в основном потому, что от рождения пользовалась привилегиями и защитой, которые обеспечивало ей имя Дрейтонов. Она была дочерью герцога и за свои поступки расплачивалась просто-напросто тем, что выслушивала суровые попреки. Однако на сей раз плата оказалась значительно более высокой. Потому что на сей раз ее своеволие стоило ей свободы, единственного, что она поклялась никогда не терять.

Глава 5

В далеком 1727 году, когда Аларик Генри Синклер Фортунатус Дрейтон стал герцогом Сьюдли, он унаследовал семь домов, больше ста двадцати пяти тысяч акров земли и целую армию слуг, которые обслуживали его владения. В Лондоне на фешенебельной Сент-Джеймс-стрит у него имелся особняк, а также внушительных размеров поместье в Суррее на побережье и несколько других имений, разбросанных по сельской Англии. Однако мало кто не согласился бы с тем, что родовое поместье Сьюдли в тридцать пять тысяч акров было самым прекрасным из всех его владений.

То были обширные земли с дубовыми рощами и сосновыми лесами, с реками, струившимися меж ними и среди живописных холмов. Первым делом Аларик позаботился о приведении в порядок своего поместья после того, как оно на протяжении жизни нескольких предыдущих владельцев пребывало в полном небрежении. По совету своего друга и соседа графа Берлингтона Аларик нанял известного паркового архитектора и не поскупился на расходы, чтобы привести парк в надлежащий вид. Аллеи украсили итальянской скульптурой, гротами и «естественным» фонтаном. Венчала все это необыкновенная башня-каприз на живописном холме, склон которого спускался к тихому озеру с лебедями.

Именно на холме у подножия башни и стоял сейчас герцог, положив руку на рукоять шпаги, которой никогда не пользовался, а другую засунув в карман камзола. Герцогиня Маргарет сидела подле него, и ее юбки из бледного шелка изящно ниспадали на ножки стула в стиле королевы Анны. А три их младшие дочери, Кэролайн, Матильда и Кэтрин, расположились кружком у ног родителей. Сзади, в некотором отдалении, за лесом, некогда бывшим местом королевской охоты, поднимался дом из закоптелого красного кирпича.

Превосходный летний день подходил к концу. Среди деревьев щебетали птицы, лошади из герцогской конюшни лениво пощипывали травку на дальнем выгоне под лучами солнца, уже клонившегося к закату. Герцог с семейством были в своих лучших одеждах. Они позировали для парадного портрета семейства пятого герцога Сьюдли.

Для этой цели герцог пригласил известного портретиста Аллана Рамзи. Потребовались некоторое время и долгие уговоры, но Аларику удалось убедить художника найти время в своем плотном графике и пожить в Дрейтоне. К сожалению, художник приехал спустя несколько часов после отъезда двух старших дочерей. Вот почему герцогиня не переставая предавалась сетованиям, пока они позировали, расположившись на живописном холме.

- Аларик, я просто поверить не могу, что вы заказали столь важную для семейной истории картину, а наша семья будет изображена на ней не полностью.

Герцог выкатил глаза из-под своей надетой набок треуголки и пробормотал, стараясь не шевелить губами, чтобы не утратить, по возможности, величавого выражения лица:

- Я уже говорил вам, Маргарет, столько раз, что и сосчитать нельзя, что я ничего не могу поделать. Заполучить мистера Рамзи очень трудно. Если бы вы знали, какую уйму времени я

потратил, чтобы завлечь его сюда. Ему предстоит в Лондоне написать портрет короля – короля, Маргарет, – Георга II, в честь его победы над шотландскими бунтовщиками. И у него очень мало времени, чтобы заняться нашим портретом. Полагаю, наш ганноверский родич будет не очень-то доволен, если мы заставим его ждать, пока вернутся наши дочери.

– Тогда пусть мистер Рамзи вернется, когда он кончит портрет короля.

Видит Бог, хотя герцог и очень любит эту женщину, порой ему хочется ее придушить.

– В Лондоне дел у него будет по горло, ведь он будет писать всех знатных особ. Если король милостиво одобрит работу мистера Рамзи, а так скорее всего и будет, все герцоги, графы и маркизы ринутся в его мастерскую заказывать собственные портреты. Так что если он не нарисует нас прямо сейчас, он вообще никогда этого не сделает. А у нашей семьи будет портрет работы Аллана Рамзи, видит Бог!

Голос герцога становился все громче, так что под конец он уже почти перешел на крик.

– Ваша милость, – раздался голос художника из-за мольберта, – вынужден попросить вас не шевелиться.

Аларик сердито глянул на жену, потом кивнул художнику.

– Да, конечно, мистер Рамзи. Прошу прощения. Мы больше не будем вас отвлекать. Не правда ли, Маргарет?

Но герцогине удалось помолчать не более тридцати секунд.

– Разве вы не можете заплатить этому человеку побольше, чтобы он остался до возвращения наших дочерей из Шотландии? Ведь это в первую очередь по вашей вине – девочки не позируют для портрета, это вы услали их в Шотландию. Что подумают о нас люди, Аларик? Через века они будут смотреть на портрет и говорить: «О да, это красивая картина, но разве у герцога было не пять дочерей?»

– Довольно, Маргарет...

Герцогиня нахмурилась, поняв, что перегнула палку. И еще она поняла, что до конца дней своих она, всякий раз взглянув на парадный портрет ее семьи кисти известного Аллана Рамзи, будет стыдиться того, что она позволила мужу отослать дочерей из дома.

Она никогда не видела Аларика в такой ярости, как в тот день, когда он узнал о причастности Элизабет к писаниям в злополучном журнальчике «Наблюдательница». Хотя Маргарет и согласилась, что Элизабет зашла слишком далеко, в глубине души она знала, что намерения у ее дочери были добрые. Но способ, которым она их претворила в жизнь, был несколько скандальным для дочери герцога.

Защищай она Элизабет от отцовского гнева поусерднее, ей, пожалуй, и удалось бы его разубедить и он не услал бы дочерей в Шотландию, да к тому же еще в руки этой жабы, лорда Перфойла.

О чем только думал Аларик? Лорд будет для Элизабет худшим из мужей, с его-то громадным брюхом и еще более огромным самомнением. Элизабет заслуживает, чтобы с ней обращались уважительно, восхищались ее умом, почитали, ценили и любили ее с такой же страстью и вниманием, какие она выказывала ко всему, чем занималась. Меньшего Элизабет не

заслуживает.

И как бы ни бушевал герцог, Маргарет знала, что он никогда не вынудит свою дочь выйти замуж за нелюбимого. Он просто пытается ее запугать. Маргарет знала, что муж любит Элизабет, что он просто обожает всех своих дочерей, чего большинство людей его круга никогда себе не позволяют.

Элизабет же всегда занимала в отцовском сердце особое место. Именно поэтому Маргарет разрешила мужу ее отослать, решив, что со временем негодование Аларика поостынет и он поймет, как ему не хватает старшей дочери.

Сама же Маргарет не могла дождаться возвращения своих девочек.

- Папа, - сказала сидевшая на земле у ног отца Кэро, отвлекая герцогиню от ее размышлений, - что за карета едет вон там, по аллее?

- Карета? В такое позднее время?

Герцогиня вытянула шею, чтобы лучше видеть, но - пропади все пропадом! - она сидела так прямо, подбородок держала так высоко, как, очевидно, и подобает герцогиням, что никак не могла рассмотреть, что делается на подъезде к поместью.

- Вы кого-нибудь ждете, Аларик? - Тут она заметила, что малышка заерзала. - Милочка, сидите смиренно, не мешайте мистеру Рамзи.

- Но ведь это вроде бы наша карета.

- Наша карета? - Герцог обернулся. - Но это невозможно! Элизабет с Изабеллой уехали в ней, а они никак не могли так быстро доехать до поместья Перфойла и вернуться...

По лицу герцога было легко понять, какой ужас охватил его при мысли о том, что может означать столь поспешное возвращение.

- Да, это наша карета! - завизжала Кэтрин. - Ой, мамочка, ведь теперь Бесс и Белла тоже смогут позировать!

Младшие Дрейтоны разом вскочили на ноги и рассыпались в стороны, разрушив живописные позы, а ведь потребовался чуть ли не час, чтобы усадить их, как требовалось художнику. Мгновение - и они уже мчались вниз по склону с громким визгом, и их широкие кринолины ходили ходуном.

- Девочки, подождите! - крикнула герцогиня. - Вернитесь! Ваши куафюры! Они же растреплются!

- Куда это вы бежите? - рявкнул герцог. - Сию же минуту вернитесь! Мы должны позировать!

Но все было бесполезно. Все три девочки умчались стремглав, точно кролики, навстречу тем, кто сидел в приближающейся карете.

Герцогиня с извиняющимся видом улыбнулась художнику, застывшему с кистью в руках в нескольких дюймах от холста.

- Простите нас, мистер Рамзи. Кажется, наши старшие дочери неожиданно возвратились из поездки в Шотландию. Может быть, мы вернемся к портрету утром? - Герцогине не терпелось

увидеть дочерей, но она немного задержалась. – Скажите, сэр, не поздно ли будет пририсовать к портрету фигуры еще двух наших дочерей?

– Маргарет...

К тому времени, когда карета подъехала к дому, девочки уже были там. Им не терпелось поздороваться с сестрами; они задыхались от бега из-за своих туго зашнурованных корсетов. Вскоре к ним торопливо приблизилась и герцогиня. Лакей поспешил к карете, чтобы открыть дверцу.

– Белла! Бесс!

Неожиданное возвращение старших дочерей сначала обрадовало герцогиню, а потом встревожило. Она задавалась вопросом, что с ними могло случиться? Неужели Элизабет узнала истинную причину их поездки и взбунтовалась? Или, не дай Бог, одна из них заболела?

Первой из кареты выбралась Изабелла, и ее тут же окружили сестры. Вид у нее был встревоженный. О Господи, подумала герцогиня, что-то и впрямь произошло.

Маргарет обернулась и увидела, что Аларик наконец-то спустился с холма и подошел к ним. Он стоял, скрестив руки на груди, с каменным лицом. Любопытно решил бы, что он гневается, но, проспав четверть века в одной кровати с мужем, жена становится проникательной. Аларик был встревожен ничуть не меньше ее.

Изабелла обняла сестренку, а потом выбралась из их объятий и поздоровалась с родителями.

Герцогиня схватила ее за руки.

– Изабелла, дорогая, как вы? Все ли... все ли в порядке?

– Да, только...

Взгляд Маргарет устремился на раскрытую дверцу кареты, из которой выбиралась Элизабет. Никаких внешних признаков болезни или причиненного вреда здоровью, с облегчением отметила герцогиня. Но, может быть, она все-таки нездорова? Элизабет действительно была несколько бледна...

– Мама...

– Ах, Элизабет, с вами все хорошо? Вид у вас осунувшийся. Что-нибудь произошло по дороге в Шотландию?

– В некотором смысле, да, произошло. Нечто совершенно неожиданное.

– Так я и поняла. Я поняла, что вы вернулись так скоро не без причины. Я...

Только тогда Маргарет осознала, что из кареты выбирается еще один человек – явно мужчина и, несомненно, шотландец, это было видно с первого взгляда. Герцогиня отступила в замешательстве, когда незнакомец вышел из кареты.

Первой ее мыслью было удивление – как они втроем сумели поместиться внутри. Шотландец был высок и свиреп на вид, он стоял гордо под взглядами тут же устремившихся на него глаз всех присутствующих. На нем были клетчатый килт и плед, небрежно наброшенный на плечи, рубашка из грубого полотна, открывающая шею. Темные волосы были стянуты узлом на

затылке, а глаза, как заметила Маргарет, не упустили ничего из незнакомой обстановки.

Это был мужчина. Это был шотландец. И совершенно замечательный в своем роде.

- Девочки, - удалось наконец вымолвить герцогине, - я вижу, вы привезли к нам в дом гостя, представьте же его.

- Да, именно это я и собиралась сделать, - проговорила Элизабет. - Папа, мама, сестрички... я хочу познакомить вас с Дугласом Дабом Маккинном. Он с острова Скай...

Герцогиня тут же протянула руку для рукопожатия:

- Мистер Маккинн, рада познакомиться...

- И еще он мой муж.

Последнее, что услышала герцогиня перед тем, как упасть в обморок, был яростный рев ее супруга.

Восьмилетняя Кэролайн Дрейтон была большой мастерицей легко забираться в самые немыслимые места. То это оказывалась кладовка в подвале, где стояли ящики с припасами и куда она пробиралась за вкусным печеньем, то гардероб сестрицы Матильды или кровать домоправительницы миссис Барнаби, под которой она пряталась.

Эта способность весьма полезна в том случае, если тебе хочется узнать, что происходит в твоей семье, а при этом считается, что предмет не предназначен для твоих ушей по причине малолетства. Из своей спальни на третьем этаже Кэролайн могла выбраться через окно и прокрасться незаметно по хитросплетениям скрещивающихся фронтонов прямо до центральной части дома. А там уже можно было спуститься куда душе угодно - в гостиную, где любила сидеть за вышивкой ее матушка, или даже вниз, на кухню, где она однажды подсмотрела, как лакей Гарри целуется с Мег, горничной. Кэро не совсем поняла, зачем ему понадобилось сунуть руку ей под юбки, но как бы то ни было, Мег не особенно возражала. Вместо того чтобы оттолкнуть лакея, она только застонала - совсем как сестрица Кэтрин, когда ест свой любимый клубничный десерт, политый сладким кремом. С того дня Кэролайн не давал покоя вопрос, так же ли вкусны поцелуи Гарри, как клубника со сладким кремом.

На сей раз Кэролайн выбрала окно, открывающееся в верхний коридор, прямо перед дверью отцовского кабинета. Опыт подсказывал ей, что, если все ушли в дом и матушка уже оправилась от обморока, именно в кабинете и состоится безотлагательный разбор происшедшего. Именно в этой комнате обсуждалось все самое важное, и Кэро обнаружила, что можно узнать страшно много чего, просто-напросто забравшись в огромную китайскую вазу, стоявшую в дальнем углу у окна. Нужно только снять обручи кринолина и все нижние юбки, кроме одной.

Ей только что удалось проделать все это, и она опустила ножки в туфельках в вазу, как вдруг услышала шаги в коридоре. Значит, вот-вот дверь распахнется и раскроется во всех подробностях, почему Бесс оказалась замужем за этим шотландцем со странным именем. Кэролайн не терпелось все услышать.

Она согнула ноги в коленях и протиснулась в вазу, спрятав голову как раз в тот момент, когда дверь на противоположном конце комнаты отворилась и все вошли в кабинет.

- Прекрасно. Младших отослали в их комнаты, - услышала девчушка голос матери. - Теперь мы сядем и все спокойно обсудим.

Обладай Кэро способностью видеть сквозь стенку вазы, она увидела бы, что мать при этих словах смотрит на отца.

- Спокойно? Вы в своем уме, жена? Ваша дочь только что сообщила нам, что она замужем за совершенно незнакомым человеком! Хуже того - за шотландцем!

- Аларик, говорите тише. Окна открыты. Он вас услышит.

- Да он внизу, в гостиной, рассматривает, поди, фарфор и прикидывает, что можно украсть. Вы же знаете, все они воры. И разбойники!

- Отец, это неправда, - сказала Элизабет. - Он вовсе не разбойник, а гуртовщик.

- Вы полагаете, мне от этого легче? Ведь теперь он мой зять! Но я хочу знать, Элизабет Реджина Дрейтон, как вам пришла в голову дурацкая мысль выйти замуж за этого человека?

- Эту мысль подала ей я, отец. По сути, это я заставила ее с ним обвенчаться.

Белла?

- Мне показалось, что это наилучший, единственный способ выбраться из сложного положения. Элизабет... - Она запнулась. - Вчера вечером в трактире Элизабет заболела. Что-то такое съела... или скорее, выпила...

- Элизабет, - сказала герцогиня, мгновенно всполошившись, - вы плохо себя чувствуете?

- Нет, мама. Я чувствую себя прекрасно. Разве что немного болит голова...

- Что вы там такое выпили, черт побери? - вмешался герцог.

- Это называется уиске-бита. Вечер был холодный, а служанка в трактире сказала, что это нас согреет, но, наверное, напиток был испорчен. Он был отвратителен на вкус.

- Виски? Вы напились виски?

- Очевидно, так, отец, но вам будет легче, если вы узнаете, что мне оно не понравилось. Совсем не понравилось. В голове у меня стало как-то странно, словно она отделилась от тела, и в желудке тоже было нехорошо. Потом я пошла спать и оставалась в постели до самого утра.

- Это еще не объясняет, почему вы вернулись домой и заявили, что вышли замуж за какого-то шотландца, тогда как вам надлежит держать путь в поместье лорда Перфойла.

- Потому что когда я проснулась утром, он оказался в моей постели.

- Он? Вы имеете в виду этого шотландца? Вы хотите сказать... - герцог с шумом втянул в себя воздух, - что спали с этим человеком?

Тут герцог что-то разбил, и, судя по звуку, это что-то было сделано из стекла и стоило уйму денег. Кэролайн в своей вазе пришлось прикрыть рот рукой, чтобы не закричать.

- Я была в бреду! - закричала Элизабет. - Я не понимала, что делаю. Я даже не помню, что

сама предложила ему лечь в мою постель.

- Что?! Господи, Изабелла, возьмите мой дуэльный пистолет и застрелите меня на месте.

- Аларик!

- По правде говоря, отец, я думаю, что ничего не произошло. Мы оба просто крепко уснули.

- Ну разумеется. Еще чего! Это такая же правда, как то, что я - король Англии.

Тут в разговор вмешалась герцогиня:

- Аларик, вы побагровели, а это не к добру. Сейчас вы сядете и успокоитесь, а потом мы будем слушать дальше.

- Господи, - прохрипел герцог, - есть что-то еще?

Кэролайн услышала, что отец несколько раз судорожно вздохнул. Никто в комнате не проронил ни слова.

Наконец заговорила Изабелла:

- Отец, Элизабет никак не могла знать, что выпитое ею виски лишит ее рассудка до такой степени. Она никогда раньше не пила таких крепких напитков.

- И слава Богу. Сколько же Элизабет в действительности выпила этого виски?

- О, всего лишь два-три... - ответила Элизабет.

- Семь, - поправила ее Изабелла.

- Семь... Семь чего? Глотков?

- Стаканчиков, - ответила Изабелла.

- Стаканчиков! Видит Бог, Элизабет, этого достаточно, чтобы свалить с ног крепкого мужчину... что, судя по всему, и произошло с вами, а также, кажется, и с этим проклятым шотландцем.

Он так произнес эти слова - «проклятый шотландец», будто они были отвратительны на вкус.

- Поэтому вы понимаете, отец, - сказала Изабелла, - что уладить все можно было только одним-единственным способом - обвенчать Элизабет с мистером Маккинноном.

Герцог вздохнул:

- Учитывая создавшиеся обстоятельства, Изабелла, я думаю, что вы сделали единственное, что могло прийти вам в голову. Сам я повесил бы этого человека на ближайшем суку, но вы женщина, и подобные мысли не могут вас посетить. И вот итог. Остается решить, что делать дальше.

- Я думала об этом, отец, - сказала Элизабет. - И кажется, я приняла разумное решение, которое уладит все затруднения разом.

- Ах, вы приняли решение, вот как?
- Приняла. Мы можем расторгнуть этот брак.
- Расторгнуть? - опять закричал герцог. - Да вы что, с ума сошли?
- Почему вы считаете это таким невыносимым делом? Браки и раньше расторгались. Я даже не уверена, что мы действительно обвенчаны. «Священник» на самом деле был конюхом с постоянного двора.
- Вы венчались в Шотландии?
- Да.
- Свидетели у вас были?
- Да.
- В таком случае вы так же состоите в браке, как если бы обряд венчания совершил сам архиепископ Кентерберийский.

Кэролайн знала, что это невозможно, но она могла бы поклясться, что видит, как Элизабет нахмурилась.

- Ну что же, если вступить в брак так легко, стало быть, и расторгнуть его также не составит труда. Так мы и поступим прямо сейчас. Договоримся, что мы не женаты - и дело с концом. Вы все будете свидетелями. После чего мистер Маккиннон вернется на свой остров, а я останусь здесь, и мы забудем о том, что произошло. - Она замолчала, а потом добавила: - Конечно, при подобных обстоятельствах лорд Перфойл вряд ли захочет продолжить свои ухаживания.
- И это вас убьет, не так ли? - фыркнул герцог, но прозвучало это отнюдь не весело. - Я всегда знал, что вы плутовка, но даже мне не могло прийти в голову, что вы придумаете такой хитроумный план с тем, чтобы вам никогда не пришлось выйти замуж. По крайней мере за приличного человека.
- Вы считаете, что я все это придумала заранее? - Возмущение Элизабет звучало вполне искренне.
- Но, отец, - сказала Изабелла, - это ведь я настояла на венчании.
- Значит, вы соучастница.
- Аларик!
- Я бы ничуть этому не удивился, Маргарет. Я бы не удивился, что все мои дочери замышляют что-то против меня. Изабелле наверняка все время было известно о том, что Элизабет пишет свои забавные статейки для этого дурацкого журнала.
- Я не имела права рассказывать вам об этом, отец.
- Ха! Вот видите?
- Белла, - вмешалась в разговор Элизабет, - так это не ты? Я думала, что это ты рассказала отцу...

- Мне рассказала об этом миссис Барнаби.

- Домоправительница? - в один голос спросили Элизабет и Изабелла.

- Да, после того, как одна из горничных нашла во время уборки листок писчей бумаги с одной из этих записок. Вам следовало бы получше прятать ваши наброски. Листок принесли мне, и я узнал ваш почерк, Элизабет.

Разговор продолжался, и Кэролайн, все еще сидевшая на корточках в вазе, отчаянно пыталась понять все, что она слышала, чтобы быть уверенной в том, что она уловила все подробности и сможет пересказать их потом Матти и Кейти.

Первое. Отец послал Бесс с Беллой, чтобы Бесс вышла замуж за какого-то человека по имени лорд Перфойл, но Бесс и Белла вернулись домой с этим красивым шотландцем, Дугласом Дабом Маккинном, за которого Бесс вышла замуж вместо этого лорда после того, как выпила какую-то мерзость под названием «виски» или уисге-бита и проснулась с ним в одной постели. «Но что в этом такого?» - не понимала Кэролайн. Спит же она иногда со своей собачкой, Агамемном, и никто не пытается их обвенчать. И что это за имя такое - Даб? Неужели Бесс уже была влюблена в этого проклятого шотландца? И поэтому отец отослал ее из дома? Никто не рассказал Кэро, что же натворила Бесс. В ответ на ее расспросы все только качали головами и говорили «тсс», словно она могла захотеть натворить такое же, если ей все расскажут.

- Позовите сюда этого проклятого шотландца, - сказал герцог, оторвав малышку от ее беспорядочных размышлений, - Остальные могут уйти. Я хочу поговорить с этим человеком наедине.

- Наедине? - сказала Элизабет. - Но почему, отец?

- Это, Элизабет Реджина, мое дело. А теперь послушайте меня хоть раз в жизни и ступайте отсюда.

Глава 6

- Кабинет его милости здесь, сэр.

Дуглас не произнес ни слова, он молча кивнул в знак благодарности молоденькой горничной, которая подвела его к закрытой двери, выходящей в коридор, протянувшийся, казалось, на целую милю. Он подождал, пока та нервно присела в реверансе, а потом торопливо пошла прочь. Можно не сомневаться - остаток вечера она будет рассказывать слугам, какого страха натерпелась рядом с этим дикарем-шотландцем, которого привезла в дом леди Элизабет, словно он бродяга или бездомная собака.

Когда горничная скрылась за углом, бросив на него напоследок опасливый взгляд, Дуглас постучался в дверь кабинета.

- Войдите.

Комната, открывшаяся Дугласу, была ярко освещена; в ней пахло историей, книгами и деньгами. Вдоль стен стояли книжные шкафы с полукруглыми навершиями, на высоких окнах висели богатые драпировки, ниспадающие до самого пола. Портреты в полный рост в золоченых рамах кисти Ван Дейка и Николаса Хиллиарда украшали стены, обитые

роскошными дубовыми панелями. Огромный мраморный камин согревал комнату. На полу лежал турецкий ковер, а за большим письменным столом красного дерева сидел почтенный герцог Сьюдли.

Первое впечатление Дугласа от встречи с этим человеком соответствовало всему, что его соотечественники приписывали сакской аристократии. Богато и модно одетый, в напудренном парике, этот человек явно ни одного дня не занимался физическим трудом.

Дуглас вошел в кабинет и еще больше утвердился в своем мнении.

Все в кабинете было устроено с удобствами. Стоило герцогу чего-либо пожелать, как все было к его услугам, а если чего-то не оказывалось под рукой, для этого на стенной полке позади письменного стола стояли колокольчики, так что можно было вызвать любого слугу в доме. Но все же, несмотря на богатство и бьющую в глаза роскошь, во взгляде герцога светилось нечто большее, нежели сознание своей исключительности, и это заставляло его уважать и считаться с ним.

Дуглас вошел и стал на середину ковра, устремив на герцога внимательный взгляд.

- Вы хотели меня видеть, ваша милость.

Он нарочито подчеркивал свой шотландский выговор, напоминая о своем происхождении.

- Вы мистер Маккиннон?

Дуглас молча кивнул.

Герцог указал ему на стул - изящный, украшенный резьбой, который выглядел несуразно под верзилой-шотландцем. Дуглас вытянул перед собой длинные ноги.

- Дочери рассказали мне об обстоятельствах вашего э-э-э... появления в нашей жизни, по крайней мере объяснили их точку зрения на сей счет. Я пригласил вас сюда в надежде услышать ваш взгляд на происшедшее.

- Боюсь, ваша милость, что не смогу добавить ничего более к рассказу ваших дочерей. Я всего-навсего остановился, чтобы помочь дамам, потому что у их кареты сломалось колесо. После этого они предложили довести меня до трактира. До этого я проделал долгий путь пешком и потерял большую часть светлого времени суток, пока возился с каретой, поэтому и принял их предложение. Когда мы приехали в трактир, я хотел уйти, но старшая...

- Элизабет, - проворчал герцог, - ваша жена.

- Ну да. Она настояла на том, чтобы я поужинал с ними - как бы в награду за мои труды. Настояла на том, что за ужин заплатит она.

Герцог молча кивнул и ждал продолжения. Но с каждым мгновением его лицо становилось все мрачнее.

- Мы сидели внизу в трактире, а вечер был довольно холодный. Леди Элизабет попросила принести ей стаканчик уиске-бита...

- Виски! Вы дали моей дочери выпить виски?

- Я ничего не давал ей, ваша милость. Я даже пытался предостеречь ее, но она не

послушалась. Отговорить ее было невозможно.

Герцог испустил громкий вздох. Он, разумеется, прекрасно знал свою дочь.

- Продолжайте.

- Я видел, что она пьет слишком много. - Дуглас устремил взгляд на герцога. - Боюсь, что она малость захмелела.

- Скорее, просто напилась. - Губы герцога сжались над его кружевным галстуком.

- А другая, леди Изабелла, всполошилась. Она решила, что ее сестрица вот-вот помрет, но я ее успокоил - сказал, что к утру она придет в себя. Помог донести ее до спальни, а потом ушел, но когда возвращался в общий зал, то нашел на лестнице туфельку леди Элизабет. Она, должно, свалилась, когда мы несли леди наверх. Ну, я и решил отнести ей туфельку-то.

- Совсем как в сказке о Золушке, - проворчал герцог.

Дуглас взглянул на него.

- Вот и она сказала в точности то же самое.

- Это еще не объясняет, как вы оказались в ее постели, сэр.

Дуглас кивнул.

- Когда я принес ей туфельку, она не спала.

- Элизабет? После такого количества выпитого виски?

- Я тоже удивился, ваша милость. Она попросила меня войти. Ей одной вроде бы было малость не по себе.

- Она боится темноты. Боялась ее почти всю жизнь, хотя никогда не признавалась в этом. - Сьюдли покачал головой. - Это началось с тех пор, как ребенком, играя в прятки, она спряталась в сундуке, а он захлопнулся. Я до сих пор нахожу ее в своем кабинете поздно ночью, она засыпает за книгой, свернувшись калачиком в моем кресле у огня.

Дуглас оглянулся и посмотрел на мягкое кресло, на которое указал герцог. Он представил себе Элизабет ребенком - волосы огненного цвета, упрямый подбородок упирается в подушки кресла. Эта картина его растрогала.

Он снова повернулся к герцогу.

- Я понял, что ей малость не по себе, и остался. Решил, что уйду, как только она заснет. Это последнее, что я помню, а потом я проснулся наутро в ее постели. Когда нас нашла леди Изабелла, она, ясное дело, подумала худшее. - Дуглас посмотрел на герцога. - Я не трогал вашей дочери, ваша милость. Клянусь. Но если бы я не согласился с ней обвенчаться, леди Изабелла засадила бы меня в тюрьму. Как, без сомнения, известно вашей милости, для Шотландии сейчас настали опасные времена. Если бы королевские власти решили, что я причинил вред англичанке...

Герцог со вздохом кивнул.

- Сын короля, герцог Камберленд, безудержно мстит повстанцам-якобитам. Я почти не сомневаюсь, что вас не оставили бы в живых.

Некоторое время герцог сидел в своем кресле и, судя по всему, обдумывал услышанное. Он барабанил пальцами по столу, не сводя глаз с гусиного пера, торчащего в чернильнице. Часы на стене позади герцога пробили время. Где-то в коридоре притворили дверь. Потом герцог встал из-за стола и, пройдясь по комнате, остановился у окна и посмотрел на свой сад. Он не произнес ни слова. Дуглас сидел молча, выжидая, пока герцог примет какое-либо решение касательно случившегося неожиданного и нежелательного поворота событий.

Наконец герцог отвернулся от окна.

- Знаете, она хочет, чтобы я устроил ваш развод.

Дуглас молча посмотрел на него.

- Для этого потребуется парламентский акт, а может быть, и королевский указ, но король благосклонен ко мне, и я воспользуюсь этим. Ради нее. Для своей дочери я все сделаю, и она это знает. А сейчас я хочу знать только одно - сколько вы хотите за ваше согласие?

Дуглас взглянул на герцога, сомневаясь, правильно ли он понял.

- Сколько чего, ваша милость?

- Денег, Маккиннон. Назовите вашу цену. Во что обойдется мне ваше согласие на развод? Если обе стороны хотят развода, дело будет легче уладить.

С этими словами Сьюдли отошел от окна и направился к своему столу. Он взял перо и принялся что-то писать - судя по всему, банковский чек; оставалось только услышать, какую сумму назовет Дуглас.

Но тот крепко сжал челюсти.

- Не нужно мне никаких денег, ваша милость.

Герцог, по-видимому, был ошеломлен.

- Если вы надеетесь на часть приданого Элизабет, вас ждет некоторое разочарование. Существует условие, согласно которому мои дочери лишаются приданого, если выходят замуж против моей воли. Говорите же, любезный, ведь, разумеется, вы небескорыстны. Все чего-то хотят. Посмотрите вокруг, мистер Маккиннон. Вы видите, я очень богат. Всякий сообразительный человек воспользовался бы случаем.

Голос Дугласа звучал низко и гневно:

- Я не из таких, милорд.

Герцог спокойно сунул перо в подставку.

- Если не деньги, то, возможно, что-то другое? Произведение искусства? Земля?

Выпрямившись во весь свой рост - шесть футов и три дюйма, - по другую сторону письменного стола Дуглас смотрел на герцога сверху вниз. Всякий сакс уверен, что можно купить честь шотландца. Очевидно, за пределами их понимания находится то, что существуют вещи, на

которые не распространяется власть его чековой книжки. И пока горец стоял, кипя от негодования, в голове у него промелькнула мысль о том, как с толком использовать подвернувшуюся ему возможность.

Какую цену, подумал он, заплатит сакс за собственную честь?

- Прекрасно, ваша милость. Я прошу вашего покровительства.

- Я не ослышался? Вы сказали, что просите моего покровительства?

- Да. - Дуглас снова опустился в кресло, опираясь всей своей тяжестью на его витые подлокотники, и принялся обдумывать свою идею.

- Вы сказали, что король вам благоволит? А вот ко мне этот человек отнесся совершенно иначе. Я провел несколько месяцев в Лондоне, пытаюсь получить аудиенцию у Георга II, чтобы вернуть мои родовые владения, которые были конфискованы Коронай после последнего якобитского восстания.

- Стало быть, вы якобит?

С таким же успехом Дуглас мог сообщить, что он Люцифер.

- Я этого не сказал. Но мой отец был якобитом и сражался на стороне Стюартов и в пятнадцатом, и в девятнадцатом году. Из-за своего участия в восстании он лишился наших фамильных владений - они перешли к королю. Но теперь отца уже нет в живых, он умер во Франции, где провел в изгнании почти тридцать лет. И эти земли теперь по праву принадлежат мне. Я почти всю жизнь пытался вернуть их. Арчибальд Кэмпбелл уверял меня, что если я не выйду на этот раз сражаться за славного принца, то несомненно получу свои земли назад.

- Кэмпбелл? Вы знакомы с герцогом Аргайлом?

- Именно его милость посоветовал мне съездить в Лондон и добиться аудиенции у короля. Так я и сделал, но меня заставили прождать сначала несколько дней, а потом и недель.

Герцог посмотрел на молодого человека.

- Сдается мне, Маккиннон, что Аргайл просто постарался удалить вас из Шотландии, чтобы вы не стали на сторону молодого принца Стюарта.

Дуглас нахмурился. Эта мысль тоже приходила ему в голову. Ему вовсе не по душе было то, что его использовали как пешку. И он продолжал:

- Когда я узнал об окончательном разгроме якобитов, то решил добиться аудиенции у короля, чтобы я смог наконец подать ему свое прошение. Но он не пожелал меня видеть, а я все ждал, пока не получил вести, призывающей меня на родной остров. - Дуглас пришел в крайнее волнение, но взял себя в руки и продолжал: - Мне сообщили, что мой брат погиб в битве при Куллодене.

На какой-то миг Сьюдли почувствовал, что искренне растроган. Он покачал головой, - Сожалею об этом. - После этого герцог продолжал: - Итак, в обмен на свободу моей дочери вы хотите, чтобы я ходатайствовал за вас перед королем?

Дуглас наклонил голову.

- Вы просили меня назвать цену, ваша милость. Я назвал.

Герцог откинулся назад в своем кресле.

Дуглас молча ждал.

Наконец Сьюдли заговорил:

- Мистер Маккиннон, я...

Он замолчал, потому что его внимание внезапно привлекла огромная ваза в углу. Он встал из-за стола и подошел к ней, а потом заглянул внутрь.

- Кэрлайн Генриетта Дрейтон! Интересно, что вы здесь делаете?

Из вазы раздался тоненький голосок:

- Пожалуйста, папа, не сердитесь. Мне просто хотелось узнать, что случилось. Вы никогда мне ничего не рассказываете...

Герцог громко задышал, явно разгневанный.

- Вот вы и узнали. А теперь вылезайте, в противном случае...

- Но я не могу, папа, - всхлипнул голосок. - Я... я застряла тут!

И ребенок захныкал. Этот жалобный звук эхом отразился от толстых стенок вазы. Герцог сунул руку внутрь, чтобы вытащить дочь, но чем больше он прилагал усилий, тем громче девочка хныкала, очевидно, еще сильнее застревая в тесном сосуде.

Вскоре герцог уже кричал, дитя вопило, а Дуглас молча ждал, откинувшись на спинку кресла. Дверь в кабинет резко распахнулась, и остальные члены семьи, встревоженные криками, ворвались в комнату, которая превратилась в ад крошечный.

Одна из девушек - имени ее Дуглас не помнил - подошла к полке, где стояли колокольчики, и принялась звонить в каждый по очереди в надежде, что кто-нибудь из слуг придет на помощь.

В комнату вбежал маленький спаниель, который заливисто лаял, путался у всех под ногами и был.

Одна девочка кричала:

- Агамемнон!

Другая вопила:

- Она совсем посинела!

Дуглас больше не мог этого вынести. Он встал, вынул пистолет из кобуры и подошел к вазе.

- Отец! Этот шотландец хочет застрелить Кэро! Остановите его!

Женщины повернулись к горцу и завопили что было мочи. Дуглас отступил, поднял руку и ударил, рукояткой пистолета по вазе, отчего она треснула, как яйцо.

Девчушка выпала из вазы, от крика лицо у нее побагровело. Она бросилась напрямиком в раскрытые материнские объятия и обмякла, зарывшись в юбки герцогини, – рыдающий перепуганный комочек.

Все замолчали, глядя на Дугласа и не веря собственным глазам.

Через мгновение раздался рев герцога:

- Вы что, с ума сошли, любезный? Это же ваза эпохи Минской династии! Единственная в своем роде! Она обошлась мне в целое состояние!

- На самом деле, ваша милость, – спокойно возразил Дуглас, рассматривая осколки вазы, – это японская ваза. Я полагаю, что это так называемый фарфор Имари. Недурная вещица, это верно, но вовсе не такая ценная, как вазы эпохи Мин.

- Аларик, – сказала герцогиня, глядя кудри Кэролайн, чтобы успокоить малышку, – этот человек спас жизнь вашей дочери. И мне кажется, что уместнее было бы не кричать на него, а выразить свою благодарность.

Герцог, лишившись дара речи, уставился на Дугласа. Наконец он сказал:

- Да, верно. Примите мои извинения, Маккиннон. Благодарю, что вы действовали так быстро.

Дуглас не обратил на него никакого внимания. Он повернулся к герцогине и присел на корточки перед Кэролайн, которую мать сжимала в объятиях.

- Ну что, малышка, все в порядке?

Кэролайн повернула к нему голову, оторвалась от материнской груди и обратила к нему заплаканное личико. Она с сопением заморгала и кивнула.

Дуглас улыбнулся и дотронулся рукой до ее подбородка.

- Это что же такое ты надумала, а? Залезла в большой отцовский кувшин и решила превратиться в мармелад?

Девчушка улыбнулась. В комнате послышался общий вздох облегчения, а восьмилетняя Кэролайн Генриетта Филиппа Дрейтон решила про себя, что будет любить этого проклятого шотландца до самой смерти, пусть даже у него такое чудное имя.

Дуглас шел по коридору, как вдруг до него донеслись голоса из парадной гостиной.

Прошло около двух часов после его разговора с герцогом и последовавшего за ним спасения Кэролайн. За это время Дуглас обошел все укромные уголки обширного герцогского сада, а потом, поскольку ему совершенно нечего было делать, еще раз прогулялся по его дорожкам.

Он не видел Элизабет после случая с вазой. Когда спокойствие было восстановлено, а черепки убрали, она покинула кабинет вместе с сестрами, не удостоив его взглядом. Дуглас велел себе радоваться этому пренебрежению, поскольку когда девушка оказывалась рядом, сразу же возникали всяческие осложнения. Чем меньше он ее видит, тем лучше.

Однако пока он мерил шагами садовые дорожки, ему нет-нет да и казалось, что он ощущает присутствие Элизабет в ласковом дуновении ветерка, словно она была в саду, но ему не

показывалась. Один раз ему даже почудилось, что ее силуэт мелькнул в окне, но он решил, что это просто шевелится занавеска или солнечные блики отражаются в стекле.

Герцог Сьюдли тоже удалился после их разговора, так и не дав Дугласу ответа на его предложение. После того как горец освободил рыдающего ребенка, герцог сказал только, что ему надобно время, чтобы тщательно все обдумать, и все еще сидел запершись в своем кабинете.

Вот чего не было у Дугласа, так это времени. Он был нужен дома, он очень давно отсутствовал и теперь был преисполнен решимости отправиться домой поутру – получив благословение герцога или нет, женатый или холостой.

Подходя к двери в гостиную, Дуглас случайно увидел свое отражение в высоком зеркале, стоящем в холле. Он был небрит, в мятой одежде, которую он не снимал уже два дня, а по сапогам было видно, что он проделал всю дорогу из Лондона пешком. Он с ног до головы выглядел дурно одетым, нищим, неотесанным скоттом, каковым здесь его и считали. Но ведь покидая Лондон несколько дней назад, он никак не ожидал, что окажется в доме герцога Сьюдли и волею судьбы станет зятем этого человека.

Когда Дуглас вошел в гостиную, там находились только герцог и еще один джентльмен, сидевший спиной к вошедшему. Шотландец помешкал в дверях, рассматривая их роскошные фраки и панталоны до колен, блестящие лакированные туфли. Он рассеянно провел рукой по волосам, приглаживая их.

- А, Маккиннон, вот и вы, – сказал Сьюдли. – Позвольте представить вас...

- Дуглас! Господи, какими судьбами?

- Аллан! – отозвался Дуглас, искренне удивленный при виде знакомого лица в совершенно незнакомой обстановке.

Прошло, вероятно, более десяти лет с тех пор, как они виделись в последний раз, но ошибиться было невозможно: квадратная челюсть, подбородок с ямкой, пронзительные темные глаза, не упускавшие ни единой мелочи, – несомненно, это был известный художник Рамзи собственной персоной. Мужчины приветливо пожали друг другу руки.

- Какая неожиданность, – сказал Дуглас.

- Вполне согласен.

- Так вы знакомы с Маккинноном, Рамзи? – спросил герцог.

- Да, ваша милость. Мы вместе учились в университете.

- В университете? – Вид у герцога был недоверчивый, словно художник сообщил ему, что они с Дугласом когда-то встретились на Луне.

- Должен признаться, ваша милость, – сказал художник, – дядюшка Дугласа, глава клана Маккиннонов, позировал мне для одного из моих первых удачных портретов. Я проделал дорогу до острова Скай, чтобы написать этого замечательного человека – Йена Даба Маккиннона. – Рамзи посмотрел на Дугласа. – Как дела в Дьюнакене?

- К сожалению, не очень хорошо. Я только что узнал, что мой брат Йен пап в битве при

Куллодене.

Рамзи помрачнел.

- Ужасная утрата. Такой молодой! Но пусть его смерть вселит в вас мужество. Ведь ваш брат был настоящим воином и ушел из мира именно так, как хотел – сражаясь.

- Вы совершенно правы. – Заметив интерес на лице герцога, Дуглас быстро переменял тему разговора, чтобы не касаться своей семьи: – А как поживает ваш отец? Все еще обитает в Эдинбурге, в доме, что смахивает на пирог с гусятиной?

- Так оно и есть. В городе его дом известен как «Пирог с гусятиной старины Рамзи».

- Не может быть! Я назвал его так в шутку.

- Но ведь вы знаете моего папашу, – сказал Рамзи. – Он говорит, что лучшего названия для его дома не придумаешь. Вот оно и прилипло.

Четверть часа они втроем спокойно беседовали о погоде, охоте, даже об азартных играх. Когда пробило восемь, дамы присоединились к мужчинам.

Едва они вошли, разодетые в шелка и кружева, как герцог и все их разговоры вылетели у Дугласа из головы. Едва он увидел всех сестер сразу, в особенности Элизабет, он был очарован.

Девушка уложила волосы в высокую прическу. Блестящие локоны ниспадали на ее шею, украшенную одной-единственной ниткой жемчуга такого же сливочного цвета, что и ее кожа. Дымчато-голубое атласное платье с низким вырезом было оторочено золотоканым кружевом, мерцавшим при свете свечей при любом движении Элизабет. Она была прелестна – настоящее видение, призрак, способный соблазнить мужчину движением выгнутой брови или мановением пальца. Он стоял и смотрел на нее, дивился ее красоте и даже испытывал желание, но ему даже в голову не пришло, что эта очаровательная женщина – его жена.

- Ужин подан, ваша милость, – сказал лакей, входя в комнату.

Дуглас был так поглощен Элизабет, что не заметил его появления.

- Что ж, – сказала герцогиня, – стало быть, нам следует перейти в столовую.

Но герцог задержал Дугласа жестом.

- Мы сейчас придем, милочка.

Когда все ушли, Сьюдли повернулся к Дугласу. Лицо у него было серьезное и сосредоточенное. Он, судя по всему, принял решение касательно бракосочетания своей дочери.

- Один вопрос, если позволите, сэра, прежде чем я дам ответ на ваше предложение, – обратился герцог к шотландцу.

Дуглас склонил голову:

- Да, разумеется.

- Почему вы скрыли от меня то, что принадлежите к шотландской аристократии? Мистер Рамзи упомянул о вашем поместье, Дьюнакене. Стало быть, вы – граф Дьюнакен?

- Титул наследуется вместе с владениями. Я ничего не скрывал, ваша милость. Просто вы видели во мне то, что хотели увидеть. Проклятого скотта, нищего и невежественного, который воспользовался возможностью заполучить в жены герцогскую дочь.

Поняв, что его давешние слова были услышаны, герцог слегка покраснел.

- Вряд ли простой мужик может отличить вазу эпохи Минской династии от японской подделки, - сказал он. - Далек не каждый герцог способен на такое. - Сююдли прошелся на собственный счет. - Полагаю, вы не сообщили моей дочери, кто вы такой.

- Как и ее отец, леди Элизабет увидела только то, что хотела видеть. У меня не было оснований ее разубеждать.

Герцог долго смотрел на него и наконец сказал:

- Мистер Маккиннон, вам, разумеется, известно, что коль скоро я начну добиваться расторжения вашего брака с моей дочерью, это вызовет в Лондоне невообразимый скандал.

- Не понимаю, кому до этого дело.

- Мне, например, поскольку это повлияет на мое положение при дворе. Разумеется, очень не хочется вызвать столько сплетен, но ведь я отец, который любит свою дочь и, стало быть, не желает, чтобы она была несчастна.

Дуглас молча кивнул.

- Я уверен, вам известно, что моя дочь склонна... - герцог помешкал, - что она несколько упряма.

Дуглас не видел надобности подтверждать очевидное.

- Она - наш первенец, и, признаюсь, я был к ней чрезмерно снисходителен. Ей ни разу не пришлось расхлебывать последствия своих поступков. После ее последней выходки я и подумал, что ее следовало бы хорошенько проучить. В ответ на ваше предложение я хочу со своей стороны предложить вам кое-что. Я обещаю помочь вернуть вам ваши земли и графский титул. Я устрою вам аудиенцию у короля - в обмен на ваше содействие в расторжении брака, но только после того, как вы отвезете мою дочь на остров Скай и проживете с ней там два месяца.

Дуглас раскрыл рот от изумления:

- Вы шутите.

- О нет, я говорю вполне серьезно. Кажется, в Шотландии существует даже название для этого. Как это там? Обручение? Считайте, что это нечто вроде помолвки...

- Ваша милость...

- Разрешите, я закончу, Маккиннон. Я не хочу, чтобы вы раскрывали ваши истинные обстоятельства Элизабет. Это условие нашего уговора. Она обвенчалась с человеком, которого считает бедным шотландским скотоводом. Ну так пусть узнает, что значит быть женой бедняка.

Дуглас нахмурился.

- Не по душе мне этот обман.

- Несмотря на прочие мои несовершенства, Маккиннон, которых весьма много по мнению моей супруги, я верю в святость брака. Будучи в здравом уме, я не могу пытаться разорвать то, что связал воедино Господь Бог, каковы бы ни были его побуждения, - не могу, не подвергнув это испытанию. Я также не могу позволить своей дочери и дальше избегать ответственности за то, что она делает. Если через два месяца вы оба по-прежнему захотите расторгнуть свой брак, и если вы дадите мне слово джентльмена, что не будете настаивать на своем супружеском праве, я сам подам королю петицию о расторжении вашего брака, несмотря на скандал или вред, который это причинит мне при дворе. С другой стороны, если вы откажетесь выполнить мою просьбу и не возьмете Элизабет с собой на остров Скай, я подам на вас в суд, в английский суд, заметьте, и обвиню в том, что вы бросили жену. Что же до ваших земель... - Тут Сьюдли открыл свою последнюю карту. - Насколько я знаю, его величество намеревается передать поместья, принадлежавшие якобитам, своим верноподданным саксам, надеясь таким образом предотвратить дальнейшие поползновения молодого претендента поднять бунт.

В глазах у Дугласа потемнело.

- Негодяй! Это настоящий шантаж!

- Так, сэр, называют это скотты. Я же предпочитаю считать это просто ловким ходом. Но как бы то ни было, Маккиннон, таковы мои условия. Выбор и исход дела зависят от вас.

Дугласу показалось, что все в нем окаменело.

Зачем он остался в комнате этой девицы в ту ночь, когда она попросила об этом? Почему не внял голосу рассудка и не ушел, пренебрегши ее страхами и мольбами? Сейчас он уже был бы на полпути к острову Скай, благополучный и... неженатый. Если бы только она не смотрела на него своими колдовскими карими глазами, взгляд которых почему-то проникал ему в самую душу.

И Дуглас, и герцог понимали, что у него выбора нет. Ему так же нужно расторгнуть этот брак, как и Элизабет. Но ему до зарезу нужны его земли, и он пойдет на все, чтобы вернуть их. Даже если ему придется разыгрывать из себя мужа пару месяцев.

- Согласен, ваша милость.

Одержав победу, герцог спокойно кивнул.

Шотландец встал и пошел к двери. В каждом его шаге сквозила едва сдерживаемая ярость. Герцог за его спиной не мог не усмехнуться. Потому что он заметил, как Маккиннон смотрел на его дочь, когда та вошла в гостиную, как не мог оторвать от нее глаз. Сьюдли прекрасно знал этот взгляд. Он прекрасно понимал, что он означает. Точно таким же взглядом он смотрел на свою Маргарет в тот вечер в опере, когда впервые увидел ее после возвращения из Европы четверть века назад.

Этот взгляд, несомненно, выражал желание, страстное и неотвратимое.

И это наилучшее желание из всех, какие только могут быть.

Глава 7

Герцог подождал, пока за ужином не будут поданы все шесть перемен, и объявил о своем решении.

- Вы хотите, чтобы я сделала что?!

Элизабет чуть было не подавилась лимонным кремом. Этот воздушный десерт всегда был ее любимым блюдом, но сейчас показался ей кислятиной. Она поспешно запила его мятным чаем. Девушка надеялась, что не расслышала отцовских слов.

Ей очень хотелось думать, что это Кэрлайн закашлялась, или что залаял Агамемнон, или часы в холле пробили девять – подошло бы что угодно, лишь бы объяснить, почему она решила, что ей послышалось нечто немыслимое.

Но если она ошиблась, если отец не говорил этого, тогда почему все, сидевшие за столом, внезапно замолчали? Неужели...

О Боже! Она все расслышала верно.

За все время возвращения из Шотландии, за те часы, что прошли после этого дома, Элизабет ни разу не пришло в голову, что отец пожелает продолжения ее брака с шотландцем. В конце концов, в уме герцогу Сьюдли не откажешь. Во всяком случае, почти всегда он вел себя разумно.

- Вы, конечно, не хотите сказать, что желаете, чтобы я осталась за ним замужем, чтобы я с ним жила? Нет, отец, вы не могли сказать ничего подобного! Ибо если вы так сказали, это означает одно – вы не обдумали даже одного из десяти тысяч двадцати трех резонов, почему мы, – она взглянула на шотландца и решила, что ей вовсе не хочется говорить о нем и о себе как о чем-то целом, – почему мистер Маккиннон и я не можем провести всю жизнь вместе. Ведь мы совершенно не знаем друг друга, у нас нет абсолютно ничего общего. Я не ожидала от вас такого. Никак не ожидала!

- Вот как? – Герцог скрестил руки. – Тогда скажите, чего вы ждали от меня, когда вернулись домой с сообщением о замужестве, Элизабет?

Она запнулась.

- Я... я ожидала, что вы напишете письмо, либо пошлете за вашим стряпчим, либо сделаете еще что-нибудь, чтобы покончить с этим мнимым браком! Я даже не понимаю, – продолжала девушка, – как это я позволила Изабелле убедить меня пойти на это. Единственное объяснение – что во всем виновато это дурацкое виски. Оно меня одурманило, но вы не можете сослаться на такую причину. Нет, право же, отец, что вы думаете на самом деле?

Герцог посмотрел на Элизабет через весь стол, за которым сидело множество людей.

- На самом деле я полагаю, Элизабет Реджина, что у всего происходящего есть причина. И какова бы она ни была – дело ли рук это Господа нашего, святых угодников ли, или хотя бы духа вашей покойной бабушки, – существует какая-то причина, из-за которой вы стали женой мистера Маккиннона.

- Это дело рук Изабеллы, отец, а вовсе не Господа нашего и уж, разумеется, не бабушки Минны. Бабушка ни за что не одобрила бы такого опрометчивого поступка.

- Каким бы он ни был опрометчивым, – возразил герцог, – я не могу, будучи в здравом уме,

пытаться разрушить брак – любой брак – да еще так поспешно. Супружеские узы – это святое. Разве я не женился на вашей дорогой матушке, хотя был совсем молодым человеком и никогда раньше ее не видел? В то время я вообще не хотел жениться, тем паче на тринадцатилетней девочке, но я сделал это из уважения к своим родителям, – он взглянул на герцогиню, – и то было самое лучшее из всех принятых мной решений.

Элизабет нахмурилась. Это был тупик. Она попробовала зайти с другой стороны:

– Ну ладно, я буду состоять с ним в браке два месяца, если вы этого желаете. Но зачем же при этом отсылать меня на остров Скай?

– Потому что в вашем муже там нуждаются, а долг жены следовать за супругом.

Муж...

Жена...

Долг...

От этих слов по спине у Элизабет пробежал неприятный холодок.

Она почти не сознавала, что отец продолжает говорить, пока он не произнес:

– Поэтому я тщательно обсудил все с мистером Маккинноном, и мы вместе пришли к соглашению.

Вместе?

Она повернулась к шотландцу.

– А разве никому из вас не пришло в голову, что неплохо бы пригласить и меня к участию в этом разговоре? Особенно если учесть, что он касается меня и всей моей жизни? Вы не подумали о том, что я тоже имею право высказать свое мнение о том, как следует поступить?

Но герцог стоял на своем.

– Именно из-за этого вы и попали в столь затруднительное положение, Элизабет, – решив, что вы знаете, как поступить. И именно поэтому я не предлагаю вам высказаться по этому поводу. Все уже решено за вас. Вы поедете с мистером Маккинноном в его дом на острове Скай и будете жить с ним в качестве его жены в течение двух месяцев. И это мое последнее слово.

Герцог действительно говорил серьезно, невероятно серьезно. Это не какая-то гадкая шутка. И не страшный сон, который развеется, когда проснешься. Все происходило на самом деле.

Элизабет почувствовала, как у нее заломило в висках от сильной головной боли, и девушка сморщилась. Что случилось с отцом? Почему он не хочет замечать, как все это смешно? Почему не слушает ее?

Видя его явное упрямство, Элизабет предприняла последнее, что ей еще оставалось. Она обратилась к герцогине:

– Мама...

Ее милость, да благословит Господь пряжки на ее туфлях, немедленно стала на защиту дочери.

- Аларик, я не могу не согласиться с тем, что Элизабет окажется плохо приспособлена к роли жены простого крестьянина. - И она поспешно добавила: - Я не хочу вас обидеть, мистер Маккиннон.

Шотландец только пожал плечами:

- Здесь нет ничего обидного, ваша милость.

Элизабет обратилась к нему:

- Вы хотите сказать, что действительно согласны с этим... с этим нелепым условием?

Дуглас отпил вина и кивнул:

- Да, мисс, согласен.

- Но ведь вы даже не хотели со мной венчаться. Припомните - вас же просто заставили это сделать.

- Да, но я передумал.

- Как?!

- Вот так. - Он посмотрел на нее. - Поговорив с вашим отцом, я решил дать свое «добро».

- Вы решили дать ваше «добро»? - В глазах у Элизабет потемнело. - Как вы сме...

Она выпрямилась, сузила глаза и приготовилась разразиться потоком брани, но внезапно ее осенило, и она все поняла.

- Ну разумеется! Вы увидели наш дом и все, что в нем находится, и решили, что вам подфартило, не так ли? - Она посмотрела на отца: - Неужели вы не видите, в чем здесь дело, отец? Сомнений нет - он считает, что чем дольше он будет упираться, тем больше вы ему заплатите, чтобы от него избавиться.

Но герцог, казалось, вовсе не был встревожен.

- По правде говоря, Элизабет, поначалу я предложил мистеру Маккиннону любую сумму, чтобы он согласился на развод, но он отказался.

- Разумеется, отказался! Он ведь торгует скотом и знает, как заключать сделки, чтобы выручить побольше. Вы герцог, а я ваша старшая дочь, вот он и понял, что вы отдадите ему все, что он пожелает, чтобы...

- В действительности я склонен считать, что он согласился бы на развод совершенно бескорыстно.

Бескорыстно? Тогда в чем же дело?

Что-то здесь не так, и когда мужчины обменялись понимающими взглядами, Элизабет поняла, что они чего-то недоговаривают.

Она надменно вздернула подбородок:

- А если я откажусь поехать с ним?

Лицо герцога было абсолютно спокойным.

- Я ожидал, что вы ответите именно так, Элизабет. Поэтому я предлагаю вам некую уступку.

- Уступку? - Элизабет подалась вперед. - Что вы имеете в виду?

Герцог окинул дочь взглядом.

- Если вы дадите мне слово, что попытаетесь на самом деле сделать ваш брак желанным в течение этих двух месяцев и если по прошествии указанного срока вы по-прежнему будете настаивать на разводе, я сам подам прошение о нем королю. Более того, я назначу вам ежегодное содержание, и вы сможете всю жизнь прожить припеваючи. Я никогда больше не стану досаждать вам предложением вступить в брак и не сделаю ни малейших попыток найти вам мужа. Вы сможете жить здесь, в Дрейтон-Холле, либо обосноваться в одном из наших поместий, как пожелаете. Все равно они по большей части пустыют. Выбирайте.

Элизабет была ошеломлена и только молча смотрела на отца.

- Даже в лондонском особняке?

- Да, Элизабет, - спокойно ответил герцог. - Даже в лондонском особняке.

Лондон!

Всю жизнь Элизабет мечтала о том, чтобы жить самостоятельно в этом чудесном, необыкновенном городе, среди шума, многолюдья и тысячи всяких вещей, которые будут к ее услугам: театры, музеи, зверинец в Тауэре... Можно будет одеваться, как хочется, пусть даже ее сочтут немодной, и есть на ужин овсяную кашу, если вздумается. Она окружит себя людьми, сведущими в самых разных областях - в литературе, науке, политике, принадлежащими к разным слоям общества, даже к королевской семье. На ее вечерах женщины и мужчины будут вести умные разговоры на самые злободневные темы. И она будет писать, ах, она будет писать...

Тут заговорила герцогиня, оторвав Элизабет от великолепных картин, которые она рисовала в своем воображении:

- Аларик, вы понимаете, что говорите?

- Да, Маргарет, понимаю. Верьте мне, я хорошенько все обдумал. С самого детства Элизабет твердила, что не желает выходить замуж. И до сего дня она придерживается тех же мыслей. Мне просто хочется показать ей, от чего она отказывается, прежде чем обречет себя на одиночество. Так что я всего лишь решил немного повременить, а уже потом расторгать этот брак. Зло уже совершилось. Они уже обвенчаны, и в любом случае скандала не избежать. Стало быть, мы должны воспользоваться предоставленной нам возможностью. Пробные браки заключаются в Шотландии сотни лет. Поверит мне Элизабет или нет, но я желаю ей счастья, и если она согласится пойти мне навстречу и провести два месяца на острове Скай, тогда я готов пойти на уступки. - Он сделал глоток вина. - Разумеется, в том случае, если к концу этого срока супружеских отношений на деле удастся избежать.

За столом воцарилось молчание - все обдумывали условие герцога, такое необычное.

Первой заговорила самая маленькая из присутствующих:

- Отец!
- Да, Кэролайн?
- Что это означает?
- О чем вы, дорогая?
- М-м... вы только что сказали... Супружеские отношения - что это такое?

Герцог бросил взгляд на жену:

- Маргарет, почему ребенок еще не в постели?
- Мне показалось, что после происшествия с вазой девочка может...

Герцог еще пуще помрачнел, и герцогиня позвонила горничной и велела ей позаботиться о малышке.

Естественно, Кэролайн сразу же запротестовала:

- Но, мамочка, я еще не доела десерт!
- Кэролайн, милочка, вы съели более чем достаточно. Ваш отец прав. Разговоры после ужина не предназначены для ушей маленьких девочек. Всем пора в постель. Доброй ночи, милые мои.
- Ох, - хором вздохнули от огорчения три младших дочери Дрейтонов.

Пока сестры, надувшись, целовали мать перед уходом, Элизабет сидела на другом конце стола и обдумывала отцовское предложение.

Два месяца жизни с этим шотландцем, а взамен - пожизненная свобода, возможность делать все, что захочется и когда захочется!

Выдержит ли она?

Элизабет улыбнулась.

Это будет самым легким делом ее жизни.

- Доброй ночи, Бесс.

Элизабет подняла глаза и увидела, что Кэролайн обошла весь стол и теперь стоит перед ней, раскрыв руки для объятия, и ждет. При виде ее маленького личика все тревоги Элизабет мгновенно рассеялись.

Когда недавно девушка услышала крики Кэролайн и увидела ее скрученное тельце в вазе, она на самом деле поняла, что такое настоящий страх. Этот страх парализовал ее, лишил способности думать о том, как освободить малышку. Но думать ей не пришлось. Именно Маккинنون все понял, именно он действовал, не мешкая, не задумываясь о том, является ли разбитая им ваза бесценным сокровищем или заурядной копией.

Тут-то Элизабет и поняла, что так и не поблагодарила шотландца.

- Приятных снов, котенок, - сказала она и поцеловала Кэролайн в нос. - А теперь ступай.

Но когда Кэролайн подошла к двери, где ее ждала нянька, она на мгновение остановилась, а потом медленно повернулась и подошла к горцу.

- Доброй вам ночи, мистер Даб.

Элизабет видела, как шотландец ласково улыбнулся ее сестричке, не так, как это обычно делают взрослые, а по-настоящему искренне, от всего сердца.

- Доброй тебе ночи, малышка, - сказал он, приподняв ее подбородок. - Нырять-ка быстренько в свои сны и больше не притворяйся вкусным мармеладом в банке, ладно?

Кэролайн улыбнулась:

- Еще раз благодарю вас за то, что вы меня спасли, сэр. Я никогда этого не забуду.

Она вдруг бросилась к нему и крепко обхватила его мощную шею своими ручонками. А потом сделала нечто невообразимое. Она поцелована этого человека в кончик его орлиного носа, именно так, как всегда целовала ее старшая сестра, и прошептала так тихо, что слышать могла только Элизабет:

- А если Бесс решит разжениться с вами, не грустите. Когда я вырасту, я женюсь на вас.

Шотландец усмехнулся и в ответ тоже поцеловал Кэролайн в нос.

- Я это непременно запомню, малышка.

Уже занимался рассвет, когда Дуглас наконец смирился с тем, что уснуть ему не удастся. После ужина он несколько часов пролежал без сна, глядя на пятна лунного света на лепном потолке. Огонь в камине почти погас. Семейство герцога давно разошлось по своим комнатам, и вот уже больше часа в коридоре не слышно шагов слуг. Еще немного - и часы, тикающие на стене, пробьют какой-то очень ранний час.

Так и случилось. Тогда Дуглас встал и отправился тихонько бродить по дому.

Охватившее его беспокойство не было для него новостью; это чувство было ему знакомо с юности. Когда дома в Дьюнакене он не мог уснуть, то частенько поднимался на крепостной вал и смотрел на сонные воды озера Эльш. Он думал об отце, который жил далеко, во Франции, объявленный на родине вне закона за то, что отстаивал свои убеждения. Его руки лежали на скрепленных известняковым раствором выщербленных камнях, которые защищали Маккиннонов в течение пяти веков, и он черпал утешение в мудрости и чести своих предков, которые стаивали некогда на этом же валу: королевские сыновья, доблестные воины.

Резкий соленый ветер дул ему в лицо, докрасна надраивая кожу; Дуглас смотрел на свет в окнах домишек, разбросанных по ту сторону бурлящих вод пролива; огни мерцали и сверкали вдоль шотландского побережья. В туманную погоду луна казалась огромной жемчужиной молочного цвета в море сияющей дымки, и мальчику хотелось, чтобы туман окутал его дымным плащом.

Но сейчас он был далеко от дома. Дуглас ступал беззвучно по толстому ковру; он прошел мимо

многочисленных дверей, спустился по витой лестнице, которая ни разу не скрипнула под его ногами. Он немного задержался в длинной картинной галерее, освещенной голубым светом луны, проникавшим через окна. Со стен на него смотрели фамильные портреты Дрейтонов, по большей части они относились к эпохе Тюдоров. Некоторых Дуглас узнал, других нет. Там был недурной портрет короля Генриха Восьмого во всей его впечатляющей славе. Его величественное, бородатое и несколько одутловатое лицо человека, рожденного царствовать, благосклонно взирало на шотландца со стены. Лорды и леди, рыцари и принцессы казались воплощением заветов минувших поколений. Там был портрет одного из прежних герцогов Сьюдли, судя по всему, одетого по моде прошлого века и очень похожего на нынешнего герцога. Дети позировали вместе с собаками. Леди казались строгими и благородными. А в самом конце галереи висел одиночный портрет в золоченой раме.

С первого взгляда Дугласу показалось, что на картине изображена леди Элизабет, потому что у дамы были такие же рыже-золотистые волосы, такое же узкое лицо и такие же карие пронизательные глаза. Она сидела с книгой в руках, волосы свободно падали ей на плечи. Но, взглядевшись в портрет повнимательней, он заметил старомодность костюма и понял, что это вовсе не леди Элизабет. Нет, то была молодая принцесса Елизавета, дочь Генриха, совсем юная, задолго до того, как она стала английской королевой-девственницей.

Сходство было невероятным, и Дуглас некоторое время не сводил глаз с портрета, сравнивая черты обеих девушек. И уже собравшись уходить, он заметил кольцо на тонком пальчике девушки на портрете – то кольцо, которое предлагала ему вчера ночью в трактире Элизабет, если он согласится изобразить из себя ее нареченного.

Минули всего сутки с их встречи на дороге, а они уже обвенчаны.

Выйдя из галереи, Дуглас заметил в холле чуть приоткрытую дверь в кабинет герцога и подумал, что сможет найти там что-нибудь почитать. Но, распахнув дверь, он остановился, пораженный.

Элизабет спала в кресле, освещенная огнем в камине. На ней была белая ночная сорочка, застегнутая до самой шеи. В этой сорочке она казалась совсем беззащитной. Дуглас вошел, стараясь ступать неслышно, и остановился у кресла. На коленях у Элизабет лежала раскрытая книга. Опустившись на колени и глядя на девушку, он рассматривал ее лицо – в общем-то впервые за все время: изогнутые ресницы, бледные, с тонкими прожилками веки, нос, вовсе не дерзкий, а тонкий и прямой.

Он долго смотрел на ее рот. Он ничего не мог с собой поделать. И внезапно ему захотелось прикоснуться к ее рту, ощутить, как эти полные губки шевелятся под его губами.

Убаюканный пламенем в камине, зовом и обещанием ее поцелуя, Дуглас наклонился над девушкой.

Когда их губы соприкоснулись, огонь в камине затрещал, разбрасывая искры.

Она вздрогнула и посмотрела на него. Ее дыхание, теплое и прерывистое, оведало его лицо. Он медленно выпрямился, заметив, что она недоуменно заморгала и смущенно наморщила лоб. Дуглас не сказал ни слова, он просто замер и смотрел на девушку, освещенную пламенем.

Через несколько минут ее веки снова сомкнулись.

Взяв плед, лежавший на соседнем стуле, Дуглас осторожно укутал им девушку. Она вздохнула и свернулась клубочком. Он подложил в огонь полено, а потом опустился в кресло напротив,

скрестил ноги и смотрел, как сладко она спит.

Глава 8

- Бесс, прошу тебя, поговори с отцом. Он тебя любит. Он тебя выслушает. Я знаю, ты можешь его заставить пересмотреть это... это бессмысленное предложение.

Сестры стояли в комнате Элизабет. Вокруг были разбросаны чулки, платья, туфельки. День клонился к вечеру, за окнами уже смеркалось. Элизабет вытащила из гардероба очередное платье, окинула его быстрым взглядом и бросила к остальным, вздымающимся кучей на кровати.

На мгновение она остановилась и оглядела разноцветную грудку кружев, атласа и шелка.

Интересно, во что одеваются простолюдинки на далеком шотландском острове? Она поспешно отбросила прочь палевое платье с брюссельскими кружевами, потом повернулась к трепещущей от волнения сестре:

- Белла, я уже тебе сказала: я не желаю, чтобы отец передумал. Бессмысленно это предложение или нет, но я хочу поехать на остров Скай. Ты что, не понимаешь? Мне нужно будет только выдержать эти два месяца, а потом я буду свободна, свободна делать что мне захочется и когда захочется. Мне нужно получить возможность жить, не опасаясь, что я окажусь под пятой властного мужа. Мне нужно получить возможность навсегда избавиться от сетований батюшки по поводу того, что я засиделась в девушках, словно это какая-то странная хворь, которую могут подхватить мои сестры. Я смогу прожить жизнь совершенно независимой, именно так, как я всегда мечтала.

Но Изабелла молча смотрела на сестру с искаженным от беспокойства лицом. Наконец она выпалила:

- Но ведь ты не понимаешь, что все должно было быть иначе!

«Должно было быть иначе?..»

- Что ты хочешь сказать, Белла?

Изабелла отвернулась и подошла к окну. Скрестив руки на груди, она стояла спиной к комнате и молчала. Но вдруг Элизабет заметила, что плечи у нее вздрагивают.

Неужели она плачет?

- Белла, что случилось? Я не поняла, что ты хотела сказать. Что должно было быть иначе?

Изабелла повернулась к сестре. Все охватившие ее чувства - смятение, нежелание говорить, ужас, - читались на ее лице.

- Ах, Бесс, неужто ты не понимаешь? Во всем виновата я!

- Ты виновата?

- Да. Это ведь я заставила тебя так поступить. Я была так огорчена тем, что не сказала тебе правды о цели нашей поездки к лорду Перфойлу. Расскажи я тебе это, как только сама узнала, может быть, мы не оказались бы на той дороге и не было бы никакой овцы. Но батюшка строго-

настрою велел ничего не рассказывать тебе... А когда я застала вас вместе в то утро, то подумала: если ты выйдешь за мистера Маккиннона, замужество с лордом Перфойлом уже не будет тебе угрожать. Так и оказалось. И это хорошо. А теперь вот как оно вышло. Я знала, что отец разгневется, но никак не ожидала... даже представить себе не могла, что он потребует, чтобы ты оставалась замужем за простым шотландским мужиком! Ведь ты – дочь герцога! Я была уверена, что отец настоит на расторжении брака, и на этом все кончится. А получилось бог весть что.

Элизабет взяла сестру за руку.

- Белла, остановись. Прошу, не нужно винить во всем себя. Это ведь я перебрала виски. Я оказалась с ним в одной постели. И, в конце концов, это я дала обещание быть его женой в том трактире.

- Да... но как же ты теперь найдешь того, кто тебе нужен? Своего суженого?

Элизабет покачала головой.

- Изабелла, такого человека не существует. Я это всегда знала. Я ведь не такая, как ты. Я не верю, что для каждой женщины судьба определила мужчину, что им суждено увидеть друг друга на каком-то многолюдном балу и что в тот миг, когда глаза их встретятся, они поймут, что им определено прожить всю жизнь вместе. В этом нет никакой логики.

Белла подняла голову и посмотрела на сестру так, словно видела ее впервые.

- Как ты можешь так говорить, Элизабет? А как же любовь? И страсть?

- Милочка моя Белла! Любовь и страсть, сладостно бьющиеся сердца и нежные чувства – все это для меня не больше, чем выдумки романистов и поэтов. Я знаю, ты во все это веришь, веришь и не сомневаешься, что в один прекрасный день встретишь своего очаровательного принца, и я люблю в тебе эту немеркнущую веру в идеал, право же, люблю. Но, хотя эта вера и составляет неотъемлемую часть твоей натуры, мне вовсе не свойственно целыми днями мечтать о странствующем рыцаре на белом коне или ждать, когда при луне кто-то шепотом скажет мне красивые слова. Я просто иначе устроена.

Но Беллу было не так-то просто убедить.

- Ты думаешь так потому только, что никогда не смотрела на это с другой стороны. А как же дети, Бесс? Я видела тебя вместе с Кэро, видела, как ты обращаешься с ней, как ты к ней относишься с самого ее появления на свет. Как ты ее любишь. Неужели тебе не хочется самой стать матерью? Узнать, каково это – подарить жизнь собственному ребенку?

Элизабет задумалась. Впервые в жизни она ощутила в глубине души нечто похожее на трепет птичьих крыльев. Это продолжалось всего лишь одно мгновение, а потом прошло.

- Мне ни к чему обзаводиться собственными детьми, Белла, поскольку я буду чудачковатой тетужкой куче деток, которых народишь ты – разумеется, когда встретишь своего сказочного принца. Я буду постоянно потакать их капризам и при всякой возможности портить им сластями аппетит перед ужином.

Но Белла все еще хмурилась.

- Ты знаешь, я буду страшно скучать по тебе. И другие тоже. Кэролайн очень переживает из-за

твоего отъезда. Она спряталась под кроватью и не желает вылезать. А Матти совершенно уверена, что в полночь тебя похитят феи. Кэтрин выражает свое неудовольствие игрой на клавикордах и так колотит по клавишам, что я просто слышу, как они умоляют ее остановиться.

Элизабет взяла сестру за руки и крепко их сжала.

- И я буду тосковать без вас. Но ведь два месяца – это, право же, срок недолгий, и подумай, сколько я смогу порассказать вам, когда вернусь. – Она попыталась улыбнуться. – А теперь помоги-ка мне собраться, ведь чем быстрее я уеду, тем быстрее вернусь.

Белла неохотно кивнула и принялась аккуратно складывать сорочки Элизабет в дорожный сундук, а Элизабет рьяно занялась своим гардеробом. Она рылась в шляпках и туфлях, ночных сорочках и чулках, швыряя одни в сундук, другие откладывая в сторону. Работа занимала ее руки. К сожалению, голова при этом оставалась свободной, и она не могла не думать о том, что ее ждет в недалеком будущем.

Как бы ни хотелось ей заставить Беллу и всех родных поверить, что она воспринимает случившееся спокойно, на самом деле она была охвачена ужасом.

Всю свою жизнь Элизабет отстаивала свое желание жить вне брачных уз. В конце концов, не зря же ее назвали в честь английской королевы-девственницы, невозмутимой Елизаветы, которой не нужны были мужчины, чтобы учить ее управлять целым королевством. Но совсем как подросток-птенец, который щебечет на краю гнезда, готовясь впервые вылететь из него, что-то в Элизабет цеплялось за надежность и безопасность родного дома.

Каково будет ей жить в стране, которая чужда ей, в стране, населенной грабителями и бунтовщиками? Даже их малые дети учатся воинственным крикам, а не детским стишкам! Увидит ли она снова свой дом, свою семью? Или ей суждено согнуться на чужбине?

Элизабет настолько погрузилась в свои путаные мысли, что не заметила, как Изабелла подошла к ней поближе.

- Элизабет, а как насчет условия папы, что супружеских отношений между вами быть не должно?

- Ну и что?

- Ты вправду считаешь, что сумеешь устоять?

- Изабелла Анна!

Изабелла тут же зарделась.

- Ничего не могу с собой поделать – мне чуточку любопытно, как это... на что это похоже...

- Отдаться мужчине?

- Бесс! Неужели нельзя быть не такой прямолинейной?

- А как, по-твоему, я должна это назвать? «Плетением корзин», как выражаются дамы, которые приходят пить у матушки пятичасовой чай?

В ответ Изабелла хихикнула, вспомнив, как однажды летним вечером их мать и несколько ее

приятельниц обсуждали сложности, возникающие при «плетении корзин», полагая, что присутствующие за столом девочки ничего не поймут.

- Ты же не будешь отрицать, что мистер Маккиннон очень хорош собой.

Элизабет посмотрела на сестру.

- Хорош собой? Да, наверное, - суровой примитивной красотой дикаря.

- Он такой высокий.

- Он просто верзила, - возразила Элизабет, - вымахал под потолок.

- А лицо у него, - продолжала Изабелла, - такое мужественное, будто вырезано из твердого камня.

- Этот человек отрицает необходимость бриться. У него всегда неопрятный вид. Волосы чересчур длинные, и он вечно завязывает их сзади нелепым кожаным шнурком. Право же, как подумаешь, он настоящий варвар.

Однако Изабелла думала иначе: ей представлялись рыцари и благородные девы в сверкающих замках, которые стоят в заоблачных высях. Она пропускала мимо ушей колкие замечания сестры.

- Глаза у него ледяные, как сталь, они такие синие, что от их взгляда можно растаять. А губы большие, твердые, упрямые...

«Но они такие нежные, когда целуют...»

Эта мысль явилась девушке незваной.

- Элизабет, ты хорошо себя чувствуешь? У тебя лицо... ты вдруг так покраснела...

Элизабет прижала руку к щеке, такой горячей, что ей стало противно. Она отвернулась.

- Судя по твоим восторгам, это тебе следует спать в одной кровати с ним, а не мне. Могу поклясться, что ты почти очарована этим человеком. Ну, довольно болтать. Уже поздно, а мне нужно еще полностью собраться. Где же лакей? Мы уже давно позвали его, чтобы вынести сундуки, а он...

Она распахнула дверь своей спальни и остановилась как вкопанная.

- Что вы здесь делаете?

Заполонив собой весь проем, в дверях стоял Маккиннон. Лицо у него было мрачное и бесстрастное. Его глаза, те самые, которые Изабелла только что превозносила в самых поэтических выражениях, жестко, не отрываясь смотрели на Элизабет.

- Я пришел за вашими сундуками.

Элизабет почувствовала, как под его взглядом по спине у нее побежали мурашки.

- Для этого у нас есть лакеи, мистер Маккиннон. - Ничего другого ей не пришло в голову.

- А у меня есть две руки, которые могут это сделать, миледи. - Он прошел мимо, не дожидаясь приглашения. Когда он вошел в комнату, она словно съежилась.

Только сейчас Элизабет поняла, какой беспорядок царит в ее спальне после того, как они уложили ее одежду, и принялась поспешно подбирать валявшиеся на полу вещи.

- Я еще не кончила собираться. Может быть, вы...

- Вот этот можно уносить? - Дуглас указал на сундук у самой двери.

- Да, но лучше подождите лакея. Сундук, право же, очень тяжелый...

Дуглас поднял огромный сундук одним быстрым движением и, поставив его поудобнее на свое широкое плечо, пошел к двери.

- Я вернусь за следующим.

Элизабет молча смотрела ему вслед. Выбирать ей не приходилось.

Когда шотландец ушел, Изабелла подошла к сестре.

- Ты видела? Поднял сундук, точно перышко! А ведь чтобы унести его, понадобились бы два лакея.

Элизабет ничего не сказала.

Не могла.

Она изо всех сил старалась не выказать своего изумления.

Утром на рассвете они отправились в путь. Ехать пришлось верхом, ведь карета, даже небольшая двуколка в одну лошадь, не смогла бы проехать по горной дороге дальше форта Уильям.

Вечером за ужином Дуглас убедил Аларика, что безопаснее будет ехать по суше, поскольку море у западного побережья Шотландии постоянно патрулируется английскими парусниками, которые ищут сбежавшего принца Чарлза. Он заверил герцога, что они будут пробираться тайными тропами, известными только гуртовщикам и охотникам, минуя большаки. Сундуки Элизабет с одеждой, книгами и прочим скарбом будут большой помехой в дороге, поэтому их придется отправить морем. Добравшись через две недели до острова Скай, «молодожены» застанут их уже на месте.

Ровно в шесть Элизабет в своей лучшей амазонке и красивой шляпке набекрень вышла из парадных дверей Дрейтон-Холла, натягивая перчатки. Всего лишь с полчаса как развиднелось. Небо все еще было затянуто низкими тучами. Собирался дождь. Однако хмурое утро вполне соответствовало угрюмому настроению, с которым все семейство Дрейтонов вышло проводить старшую дочь.

Элизабет обняла младших сестер, напомнив об их обещании писать ей каждый день, пока она будет в отъезде. Кэро, которую наконец удалось вытащить из-под кровати, вцепилась пухлыми ручками в пышные юбки старшей сестры, в сотый раз умоляя взять ее с собой. Чтобы уговорить малышку отпустить ее, Элизабет пришлось рассказать ей о том, каким трудным будет предстоящее путешествие, а также о том, что в Шотландии нет лимонного крема. Она

обещала, что вернется и расскажет Кэро кучу всяких историй, а прибыв на место, пошлет своей любимице подарок.

Высвободившись из ручонок Кэро, Элизабет повернулась к Белле, которая ей улыбалась сквозь блестевшие у нее на глазах слезы.

- Что я буду делать здесь без тебя? - тихонько прошептала Изабелла, крепко обняв сестру. - Мы все умрем от скуки - ведь теперь ты уже не станешь спорить с папой за завтраком о Сократе или о положении дел в колониях.

- Значит, теперь ты будешь делать это вместо меня, Белла. - Элизабет серьезно взглянула на сестру. - Я полагаюсь на тебя - ты будешь, пока я не вернусь, за всем присматривать. Кто-то должен помочь Кэролайн с арифметикой. Тебе придется проследить, чтобы Матти каждый день практиковалась в чистописании. Почерк у нее будет очень красивый. Да, еще, папа вечно забывает выкроить время для своих ежевечерних прогулок по саду. Эти прогулки успокаивают его, и маме становится веселей. Ты ведь сделаешь это для меня?

Изабелла кивнула, изо всех сил стараясь сдерживать свои чувства.

Потом Элизабет обняла герцогиня, прижав к себе дочь крепче, чем обычно.

- Будьте осторожны, дорогая, - прошептала она. - Шотландия сильно отличается от Англии. - Она сунула в затянутую в перчатку руку Элизабет увесистый мешочек с деньгами. - Это на всякий случай...

Элизабет кивнула в знак признательности, а потом наконец-то повернулась к отцу.

Тот стоял позади своих громко всхлипывающих женщин, изо всех сил стараясь казаться суровым, как и подобает герцогу. Галстук его был аккуратно завязан, парик напудрен и причесан, но когда он взял дочь за плечи и притянул к себе, чтобы запечатлеть на ее щеке поцелуй, она услышала его прерывистое дыхание.

- Я приеду через два месяца, Элизабет, чтобы узнать о вашем решении. Каково бы оно ни было.

Элизабет кивнула, проглатывая комок в горле. Несмотря на расхождение во взглядах, она будет по-настоящему скучать по отцу.

- Хорошо, папа, - только и смогла она промолвить, а потом резко высвободилась из его объятий и, расправив плечи, спустилась по ступенькам вниз, где ее ждали лошадь и ее муж.

Поскольку им предстояло ехать верхом, Маккинنون отказался от своего килта, предпочтя ему узкие клетчатые панталоны - шотландскую разновидность бриджей. Он надел темную куртку и синюю шляпу, низко надвинув ее на лоб. Он молча сидел на коне, наблюдая, как Элизабет прощается с домашними, и его глаза под надвинутой шляпой выражали нечто неопределенное.

- Берегите мою дочь, Маккинنون.

- Разумеется, ваша милость, - только и сказал шотландец.

Потом Элизабет уселась на дамское седло, ступив на тумбу, многие века служившую для этого у дома Дрейтонов. Она расправила вокруг себя юбки и взяла поводья у конюха, а потом повернула коня, чтобы в последний раз взглянуть на свою семью, стоявшую наверху лестницы.

Эта картина врезалась ей в память. Элизабет смахнула наворачнувшиеся на глаза слезы. Как она будет скучать без них!

Щелкнув языком и ударив лошадь каблуками в бока, она пустилась вскачь по подъездной аллее, полная решимости прожить два самых значительных месяца в своей жизни.

Глава 9

Дуглас посмотрел на Элизабет, когда они пересекли бурно мчащийся поток, по которому проходила граница с Шотландией.

Они ехали уже много часов по пустынной болотистой местности, поросшей жесткой травой, которую могли есть только самые упорные овцы. Тусклое солнце, едва видимое среди туч, стояло высоко над головами, затерянное в небе, которое было таким же бесцветным и скучным, как чистый холст живописца, не оживляемое ни одной летящей птицей. Снова и снова проезжали они мимо развалин старинных крепостей, некогда защищавших приграничные болота от набегов разбойничьих шаек. Теперь от крепостных башен остались всего лишь постепенно разрушающиеся остовы. Когда в них гулял ветер, каменные стены рождали эхо, и тогда казалось, что меч клацает о меч и грохочут копыта разбойничьих коней.

Ближе к границе вересковые заросли постепенно уступили место мшистым болотам и долинам с буйной растительностью. Густые сосновые боры и дубравы почти не пропускали дневного света.

Вместо того чтобы избегать лесов, Дуглас углублялся в них по тайной тропе разбойников, известной очень немногим, неукоснительно избегая большаков, ведущих на север, чтобы не встретиться с пограничными дозорами. Поэтому они не видели ни души с тех пор, как покинули последнюю деревушку, которая теперь уже осталась далеко позади.

За время путешествия Элизабет говорила очень мало, отвечая на немногочисленные попытки Дугласа завести разговор короткими «да» или «нет», а иногда и просто кивком головы. Она напряженно сидела в седле, долгие часы глядя в каменном молчании вперед, на бескрайние дали. Дуглас знал ее всего лишь несколько дней, но этого было достаточно, чтобы понять: такое молчание не сулит ничего хорошего. У этой женщины всегда было что сказать, и то, что теперь она молчит – и уже долгое время – постепенно начало его тревожить.

Дуглас остановил своего коня и обернулся, чтобы взглянуть на Элизабет. Они были сейчас на узкой тропе, где мог проехать только один всадник.

- Ваша кухарка дала нам с собой поесть, а мы едем уже довольно долго. Не хотите ли сделать привал? Можно будет поразмять ноги и перекусить.

Элизабет бросила на него безразличный взгляд и молча кивнула.

Нахмурившись, Дуглас проехал сквозь заросли на небольшую полянку, где между замшелых камней тихо бежал ручей и густо росли утесник и песчаный тростник. Вереск цвел яркими вспышками розового, лилового и белого цветов, а солнце наконец-то пробилось сквозь облака, и капельки дождя на еловых ветвях блестели, точно слезинки фей.

Дуглас смотрел, как Элизабет спешила, потом подскочил к ней и поддержал, потому что после долгой езды верхом ноги ее не слушались. Как ни странно, но вид у нее был такой же аккуратный и опрятный, как и во время отъезда: волосы убраны под нарядную шляпку,

белоснежная шейная косынка старательно завязана под подбородком. И только кончик носа немножко покраснел от ветра.

Не говоря ни слова, Элизабет пустила своего коня попасть на лесной полянке, сняла перчатки и опустила на колени у ручья, погрузив затекшие пальцы в холодную воду.

- Вы что же, намерены молчать всю дорогу до острова Скай? - не выдержал в конце концов Дуглас, присев на корточки поодаль от Элизабет, чтобы зачерпнуть горсть воды и напиться. Холодная и бодрящая влага смягчила его пересохшее горло. Она была такой вкусной, что он зачерпнул еще раз и провел руками по волосам и лицу.

Потом Дуглас встал, потряс головой, чтобы стряхнуть воду, и брызги разлетелись во все стороны. Он глубоко втянул в легкие свежий воздух. Как славно вернуться сюда, в эти края, в милые горы, на гэльскую землю, в царство туманов и чертополоха! Закрыв глаза и откинув назад голову, охваченный чистой, ничем не замутненной радостью, шотландец испустил горский воинственный клич.

Когда он снова открыл глаза, оказалось, что Элизабет смотрит на него с таким видом, точно он вылез из пещеры.

- Попробуйте-ка и вы, - сказал он. - Это замечательно! Давайте, раскиньте руки пошире и крикните что есть мочи.

Но она молча смотрела на него невидящим взглядом, словно его здесь и не было.

- Дорога в самом деле покажется нам очень долгой, мисс, если мы не станем хоть немножко разговаривать.

- Мне нечего сказать.

- В это трудно поверить.

Она уставилась на него, и Дуглас впервые заметил, какая глубокая морщина появляется у нее на переносице, когда она хмурится.

- Точнее, мне нечего сказать вам, мистер Маккиннон.

Дуглас усмехнулся:

- Стало быть, вы хотите сказать, что будете молчать все то время, что мы с вами проживем вместе? А вам не захочется услышать звук собственного голоса? Два месяца - долгий срок, чтобы у человека не развязался язык. Особенно когда это - женщина, - добавил он.

Элизабет выпрямилась и стряхнула с рук воду. Она вздернула подбородок и резко сказала:

- Иногда, мистер Маккиннон, приходится только радоваться, если собеседник не болтун. - И добавила: - Вспомните об этом, когда вам в следующий раз захочется почесать язык.

«Ну вот, это уже лучше», - удовлетворенно подумал Дуглас.

Но он еще не все ей сказал. О нет. Еще нет.

Девушка пошла к лошадям, а он зашагал следом.

- Может, вам будет легче и проще разговаривать со мной, если мы отбросим церемонии. Кроме того, негоже жене шотландца не называть его просто по имени. Меня зовут Дуглас, - он усмехнулся, - на случай, если вы запомнили.

- Я прекрасно знаю, как вас зовут, сэра.

- Ну вот, опять. Не «сэр» и не «мистер Маккиннон», а просто Дуглас. Конечно, если вы предпочитаете нечто иное, можете называть меня «милый» или «голубчик»...

- Довольно с вас и Дугласа, - сказала Элизабет, поворачиваясь к нему спиной.

- Ладно. Рад, что мы это уладили, Бесси.

Она резко повернулась:

- Меня зовут Элизабет.

- Так-то оно так, да только больно оно заковыристое. Такому шотландскому варвару, как я, ничем его не запомнить.

Это были ее слова - он подслушал их, когда она разговаривала с сестрой. Судя по выражению ее лица, по вспыхнувшему яркому румянцу, она тоже это поняла.

- Если вы не можете называть меня по имени, не зовите вообще никак.

- Вообще никак? - Он потер подбородок с отросшей щетиной. - Вряд ли мне понравится, как это звучит. Пусть лучше будет Бесси.

- Не надейтесь, что я отзовусь.

И Элизабет принялась рыться в седельной корзине, а Дуглас сел, прислонившись к толстому стволу дуба, сложил руки, скрестил вытянутые ноги и уставился на нее. Она вынула из корзины круглый черный хлеб, сыр, яблоко и бурдючок с вином.

Дуглас закрыл глаза и посмотрел на небо.

- Я, пожалуй, перекушу здесь, в тенечке. Здесь прохладно, да и земля мягкая.

Он не смотрел на девушку, но знал, что она уставилась на него во все глаза.

- Что вы будете делать?

- Я съем, Бесси, немного хлеба и яблоко. Может, выпью малость винца. Можете подать все это сюда.

- Подать?

- Ну да. - Он с довольным видом протянул руки. - В конце-то концов ведь обязана жена прислуживать мужу. А вы моя жена, пусть всего лишь на два месяца. - Тут он хитро прищурился: - Вот и прислуживайте мне.

Хорошо, что Дуглас был ловок и проворен. Подчиняясь скорее инстинкту, чем разуму, он поднял руку как раз в ту минуту, когда яблоко полетело прямо ему в голову. Оно ударилось в его выставленную вперед ладонь, и Дуглас пойман его. Он с ухмылкой откусил кусочек.

- Очень вам благодарен, Бесси.

Элизабет смотрела, как он закрыл глаза и жует яблоко с таким вкусом, что сок течет по подбородку.

Невежа... болван... дурень!

Ей хотелось дать ему затрещину, столкнуть в воду и утопить. Только он все равно не утонет - ручей слишком мелкий, пропади он пропадом. А голова у этого болвана слишком крепкая. Она только зря потратит время и силы.

Швырнув еду обратно в корзину, она повернулась и пошла прочь, взметнув юбки.

- Appetit пропал, да, Бесси?

Элизабет не удостоила его ответом. Но отойдя подальше и скрывшись из виду, она пнула ногой камень и скривилась от боли, потому что он оказался гораздо тверже носка ее туфли. Прихрамывая, она пошла дальше и нашла какой-то прутик. Он оказался более подходящим, чем камень, и Элизабет в ярости сломала его на мелкие кусочки.

Бесси...

Это похоже на коровью кличку! С таким же успехом ей можно повесить на шею колокольчик и поставить под вымя подойник. Она отчаянно старалась придумать и для шотландца какое-нибудь смешное имя, но ничего не получалось. Дуглас оставался Дугласом, вот и все.

Немного погодя Элизабет внезапно осознала, что куда-то забрела. Нигде не было видно ни Дугласа, ни лошадей. За набежавшими облаками солнце клонилось к западу, смеркалось, но Элизабет не очень встревожилась. Если пойдет дождь, она укроется под деревьями, а Дуглас, конечно, не поедет дальше без нее. Нужно его наказать - пусть в другой раз не называет ее этим противным именем. Она уселась на большом валуне и принялась ждать, отыскивая при этом все больше оснований обвинять во всем Дугласа.

Мало-помалу раздражение ее стихло - суровость окружающего охватила ее. Она закрыла глаза; легкий ветерок колыхал заросли прибрежного тростника, в воздухе пахло сосной, вереском и струящейся водой. Плечи Элизабет расслабились, ломота в затылке постепенно прошла, и она предалась мечтам о своем будущем доме. Он должен быть сложен из серого песчаника, над передней дверью - веерообразное окно; высокие узкие окна будут выходить на оживленную улицу - их стекла будут сверкать в утреннем солнце, как бриллианты. Сзади, за высокой стеной у нее будет сад, ее личный райский сад со скамьей, увитой плющом, где она будет часами сидеть за книгой летним днем, вдыхая смешанные ароматы жимолости и жасмина, сирени и лаванды, растущих вокруг. Дом будет стоять в фешенебельном месте, но все же вдали от городской толчеи, рядом с парком, так что по утрам она сможет совершать прогулки верхом, пока на улице никого нет, кроме уличных торговцев.

Это будет ее собственный дом.

«Интересно, - подумала девушка, - каково это - жить своим домом, ни на кого не рассчитывая?» Она задумалась о всяких заманчивых вещах, которые ей предстоит увидеть и узнать, об интересных людях, с которыми она будет встречаться. Обзаведется ли она любовником?.. «А почему бы и нет?» - спросила себя Элизабет.

Она настолько погрузилась в свои мысли, целиком поглощенная своими планами, что не

услышала звука приближающихся шагов у себя за спиной, пока не раздался чей-то грубый голос, разом вернувший ее к действительности:

- Ты только взгляни, Броуди! Сдается мне, это, никак, фея, матушка часто рассказывала мне о них, когда я был мальчонкой.

Элизабет обернулась.

- Нет, это не фея, Мердок. Похоже, это смазливая сакская девчонка. Сидит в лесу одна-одинешенька и ждет, пока мы не подойдем к ней и не покажем, что может ей дать настоящий шотландский парень.

Элизабет обернулась как раз тогда, когда из-за стены деревьев в двух шагах от нее появились двое мужчин.

Как же она не услышала их приближения?

На них были килты в зеленовато-коричневую клетку, поэтому они казались почти неотличимыми от деревьев. Лица у них были угрюмые, длинные волосы косицами свисали из-под помятых синих шляп. Курток на них не было, костлявые плечи прикрывали только большие пледы и грубые холщовые рубашки, рваные и грязные. У каждого на боку висели ржавый палаш и пистолет. Когда они подошли ближе, Элизабет поняла, что на клинках вовсе не ржавчина, а скорее запекшаяся кровь.

Солнечный свет померк в глазах девушки. Даже птицы на деревьях внезапно замолчали. Сердце Элизабет бешено забилося, хотя она и велела себе сохранять спокойствие и не выказывать страха.

Что-то подсказало ей, что, если она выкажет свой испуг, тогда пиши пропало.

- Добрый вечер, джентльмены, - проговорила она самым спокойным и приятным голосом, каким только смогла. Потом откашлялась и попыталась улыбнуться: - Спасибо за компанию, но мне пора. Здесь очень красиво, и я приятно провела время, но уже вечереет, и мне нужно вернуться к мужу.

Надежность, которая скрывалась в слове «муж», придала Элизабет силы. Она медленно встала с валуна, на котором сидела, и попыталась уйти.

- Ясное дело, но вы могли бы побыть тут еще малость, девушка.

Элизабет покачала головой:

- Ах нет, боюсь, это невозможно. Видите ли, я обещала мужу, что отойду на минутку, а прошло уже гораздо больше времени. Всего хорошего.

Элизабет повернулась и пошла прочь. Она решила идти не по тропинке через лес, а по берегу ручья, где не было деревьев. А вдруг ей придется бежать? К несчастью, там, где она стояла, ручей был слишком широк, а течение - слишком быстрое, и она не смогла бы перебраться на ту сторону, чтобы оказаться подальше от этих бродяг. Юбки у нее такие тяжелые, что ей не дойти и до середины ручья. Поэтому она высоко подхватила юбки и быстро пошла вдоль берега.

Перед ней простиралась безлюдная местность, поросшая густым лесом. Где же Дуглас? Где

лошади? Она даже не была уверена, что идет в правильном направлении. Элизабет оглянулась, услышав за собой шаги, и встревожилась, увидев, что бродяги идут следом. Они ухмылялись: спешить им было ни к чему. Они просто шли с той же скоростью, что и она, так что, как она ни старалась, расстояние между ними не увеличивалось.

Внезапно Элизабет остановилась и повернулась к преследователям:

- Право же, джентльмены, я очень ценю ваше желание меня проводить, но я вполне могу дойти и сама. Пожалуйста, не беспокойтесь. В этом нет никакой необходимости.

- Да разве ж мы были бы настоящими джентльменами, если бы дали такой красивой барышне одной бродить по лесу, верно? В лесу полно разбойников и бродяг. С вами всякое может случиться.

Спутник говорившего - то ли Броуди, то ли Мердок - фыркнул.

- Ну да, разбойники. А там, в чаще леса, никто и не услышит ваших криков...

И он шагнул к ней. Элизабет, не мешкая, повернулась, подхватила юбки и побежала.

За ней с гиканьем и радостными воплями бежали бродяги, преследуя свою жертву с алчностью настоящих хищников. Элизабет устремилась к лесу, надеясь укрыться от преследователей в его чаще. Она старалась не поддаваться страху, который уже грозил одолеть ее.

Она добежала до просторной лужайки и помчалась через нее наискосок, с трудом дыша из-за туго затянутого корсета. Шляпу она потеряла. Шпильки выпали из ее прически, и волосы рассыпались у нее по спине. Преследователи громко смеялись позади нее. Они с легкостью настигли девушку.

Когда один из них схватил ее за локоть, Элизабет закричала. Он повалил ее на землю. Камни и сухие ветки впились ей в спину. Негодяй подмял ее под себя.

- И куда же это вы так спешите, а, девушка?

Элизабет попыталась закричать, но он зажал ей рот рукой. Она тяжело дышала. Его лицо было совсем близко, от него исходило мерзкое зловоние. Элизабет рассмотрела шрам, пересекающий щеку бандита, кончающийся у самого уха. В глазах у нее помутилось, она боролась, пытаясь увернуться, а он протянул руку к ее бедрам и, путаясь в многочисленных нижних юбках, пытался их задрать.

Элизабет удалось высвободить руку, и она впилась ногтями в лицо негодяя, царапая его глаза и уши. Он взревел от боли и ударил ее в подбородок, на мгновение оглушив, но девушка опять стукнула его по голове. Тогда он позвал своего друга, и спустя мгновение тот крепко схватил ее за руки и завел их ей за голову. Никогда в жизни ей не было так страшно. Солнечный свет гас, теряя силы, она поняла, что вот-вот лишится сознания. Она поневоле вдыхала исходящую от насильника вонь и чувствовала, как он с силой придавил ее к земле, роясь в своей одежде и пытаясь расстегнуть штаны.

Нет, не может она впасть в беспамятство и сдаться. Нужно что-то предпринять, чтобы устоять. Но не успела девушка подумать о том, что именно нужно делать, как тело лежавшего на ней негодяя обмякло, и она смогла освободиться.

Прозвучал одинокий пистолетный выстрел, от которого птицы в страхе взлетели с ветвей.

Элизабет подняла голову и сквозь спутанные волосы увидела Дугласа, стоявшего в двух шагах над неподвижным телом мерзавца, посягнувшего на нее. В его глазах застыла холодная ярость. Пистолет все еще дымился.

Потом он повернулся к другому негодяю.

- Мы... это... мы просто хотели малость пошутить над девчонкой! Мы ей не сделали ничего дурного. Чего ты так взъярился, приятель? Это же треклятая сакская девка!

Дуглас схватил негодяя за горло и поднял так высоко, что ноги у него заболтались в воздухе, а дыхание сперло. Потом горец поднес свой пистолет к его носу. Ни горцу, ни трясущемуся подонку в его руках не пришло в голову, что он не успел перезарядить пистолет. Когда Дуглас заговорил, его голос звучал так же холодно и твердо, как холодна и тверда сталь клинка:

- Эта треклятая сакская девка - моя жена, слышишь, ты, подонок? Если хочешь увидеть завтра рассвет, убирайся отсюда подобру-поздорову! Беги и не останавливайся, пока тебя держат ноги. А если ты еще когда-нибудь обойдешься с женщиной так же непочтительно, я найду тебя на краю света и убью.

Дуглас отшвырнул от себя негодяя, и тот распростерся рядом с бездыханным телом своего дружка. С трудом поднявшись на ноги, он бросился бежать и тут же исчез в чаще леса.

Дуглас подошел к Элизабет, которая стояла, обхватив себя руками, и пыталась унять дрожь.

- Вы невредимы, мисс?

Она кивнула, все еще не сводя глаз с мертвеца и того, что осталось от его лица.

Вдруг Дуглас увидел, как по ее щеке скатилась слезинка, и мужество оставило его. Элизабет оплакивала свою навсегда утраченную наивность. Она привыкла к полной безопасности, которую обеспечивало ее положение дочери герцога Сьюдли; всю жизнь она жила под защитой могущества и влияния, которыми он пользовался в королевстве. А теперь это ощущение безопасности рухнуло.

Он должен был быть с ней, подумал Дуглас. Не стоило отпускать ее одну так далеко от места привала. Нужно было пойти за ней, охранять ее. Он обязан был это сделать, ведь он ее муж, а он был так беспечен. И вот теперь она так страдает. Он обнял Элизабет и привлек к себе, а она обмякла в его руках и разрыдалась.

Выплакавшись, Элизабет медленно подняла голову и посмотрела на горца.

- Здесь вам не Англия, Элизабет, - спокойно сказал он. - Имя вашего отца больше не защитит вас - оно здесь ничего не значит. Шотландия - страна дикая, варварская. Здесь не место для прогулок. Я знаю, вы натерпелись страха и, увы, я в этом виноват, но здесь среди гор скрываются беглые повстанцы-якобиты. Эти люди многие месяцы не видели женщин, и к тому же они с удовольствием отыгрались бы на беззащитной англичанке за поражение при Куллодене. Прошу прощения за то, что не оказался с вами рядом, когда они на вас наткнулись. Больше такого не повторится. Даю слово.

Элизабет почти не слышала, что он говорит, но один только звук его голоса успокаивал, отгонял страхи и согревал.

Дуглас спас ей жизнь.

Он убил ради нее.

Он поборол дракона.

И случилось именно то, что бывает в волшебных сказках, веками переходящих из уст в уста. Когда опасность миновала и в стране снова воцарялся мир, спасенная дева во все времена поступала одинаково – задолго до того, как было написано: «И они жили счастливо и умерли в один день».

Она наградила своего спасителя поцелуем.

Элизабет поступила так же.

То был ее первый поцелуй.

И естественно, что у нее занялся дух.

Глава 10

- Как вы смеете?

- Как я смею?

Дуглас пошатнулся, потому что Элизабет разжала руки, которыми только что крепко вцепилась в него, и с силой оттолкнула.

Она ничего не говорила, но в ее туманном взоре ясно читалась готовность себя защищать. Но Дуглас и без ее слов понял, о чем она подумала. Все ее мысли были просто написаны у нее на лице. Дочь одного из самых богатых и могущественных герцогов Англии только что соединилась в поцелуе с каким-то шотландским бедняком. Без сомнения, теперь она задавалась вопросом – не спятила ли она совсем?

- Вы что, совсем рехнулись?

Горец недоуменно заморгал.

- Я рехнулся? – повторил он. – Какого черта! Что я такое сделал?

- Вы меня поцеловали!

Дуглас потряс головой.

- Я думаю, мисс, все было совсем наоборот.

Элизабет отступила от него на довольно приличное расстояние.

- Ну... это был просто слепой порыв, не более. Только из чувства благодарности. Я оказалась в опасности, а вы меня спасли. Естественно, мне захотелось выразить вам свою признательность.

- Понятно.

- И ничего такого не произошло. Только из признательности, – затрещала она. – И потом, мне всегда было интересно, каково это – поцеловать мужчину. Всякий должен испытать это хотя бы

один раз. Вроде как походить босиком по песку или... выпить виски. – О Господи, что это она такое несет? – Вот я и попробовала, вот и все. Поцелуй. Ничего большего. Ничего большего, просто соприкосновение губ. – Соприкосновение губ, и ртов, и дыханий, от которого она вся растаяла...

Элизабет покачала головой, словно стряхивая с себя воспоминание об этих минутах. Как она могла сделать такое? Как могла поцеловать его – именно его? Он был ее мужем и, видит Бог, единственным человеком, которого ей не следует целовать.

Она выжидающе посмотрела на него. Но Дуглас молчал. Черт бы его побрал, сказал бы хоть что-нибудь, чтобы положить конец этому неловкому положению. Девушка повернулась и отошла туда, где среди вереска валялась ее шляпа. Пальцы у нее слегка дрожали, когда она подняла шляпу и низко надвинула ее на лоб. Потом она повернулась к Дугласу.

– А где наши кони? – спросила она, чтобы хоть что-то сказать.

Дуглас коротко взглянул на нее.

– Вон там, за деревьями.

– Что же, нам пора в путь, если мы хотим проехать еще засветло приличное расстояние.

– Поехали.

Она пошла к лошадям, а горец принялся собирать камни, лежащие на берегу ручья, и складывать их в груды неподалеку.

– Что вы делаете? Я думала, мы едем?

– Сначала я должен похоронить мертвеца.

– Похоронить?

Элизабет взглянула на неподвижное тело, скорчившееся на земле. Как странно: она так увлеклась поцелуем, что почти забыла об убитом бродяге, лежащем у ее ног.

– Но ведь именно вы застрелили его. Вам пришлось его убить.

– Я не чувствую никакого удовлетворения от того, что убил его, мисс. Это было необходимо, чтобы воспрепятствовать его гнусным намерениям. Но из уважения к его клану и ценности каждой человеческой жизни я должен похоронить его, как полагается. Так принято у шотландцев.

Элизабет смотрела, как Дуглас наклонился за очередным камнем, потом еще за одним.

Примерно час спустя мертвое тело лежало под каменной пирамидой, как это принято в Шотландии. Дуглас прикрепил к этому надгробию полоску, оторванную от пледа убитого, по которой можно было судить, к какому клану принадлежит погребенный здесь человек. Закончив, он отошел, быстро перекрестился и прочел молитву на гэльском языке во спасение души покойного. Дул легкий ветерок; шелестела листва, и казалось, где-то рядом шепчутся участники похорон. На западе уже садилось солнце, когда Элизабет и Дуглас сели на лошадей и пустились в дорогу.

Элизабет была на удивление спокойной, когда они продолжили свой путь по холмам и

обширным пастбищам в долинах, вдоль которых тянулись стены, сложенные из камней без всякого раствора. Казалось, им не будет конца.

- О чем задумались, мисс? - спросил в конце концов Дуглас.

Элизабет глубоко вздохнула:

- Я думаю о том, что никогда прежде мне не приходилось видеть смерть так близко. Я вообще никогда не сталкивалась со смертью, разве что когда умерла моя бабушка Минна. Мне было тогда семь лет, а ей девяносто, и мы знали, что ее конец близок. Но это... это совсем другое дело.

- Мне это хорошо знакомо: один человек ненавидит другого, клан восстает на клан... шотландец идет против сакса. Как это отвратительно.

Некоторое время они ехали в молчании. Потом Дуглас заговорил, но уже о другом:

- А вам не хочется узнать что-нибудь об острове Скай до того, как мы туда приедем? Ведь Шотландия сильно отличается от тех краев, в которых вы привыкли жить.

- Я уже начинаю это понимать. - Они проехали еще какое-то время, лошади уверенно ступали по каменистой неровной тропе. Наконец Элизабет сказала: - Расскажите, что у вас за дом, где мы будем жить.

Сначала Дуглас хотел сказать ей правду, - что он вовсе не простой скотовод, за которого она его принимает, а предводитель клана Маккиннонов, племянник его главы и владелец замка Дьюнакен, хотя бы номинально.

Но он не мог этого сказать ей ни под каким видом. Он заключил договор с герцогом о том, что все, принадлежащее ему по праву рождения, будет ему возвращено.

Поэтому Дуглас ответил ей единственно возможным образом:

- Мой надел невелик, мисс. Не сравнить с Дрейтон-Холлом. Но зимой в моем доме тепло и уютно, и есть все, что нужно для жизни. Построил его мой прапрадед, чтобы поселиться там со своей молодой женой; стоит дом в долине, вдали от моря. Холмы, что окружают его, поросли вереском, а позади бежит ручей. Туман, постоянный житель острова Скай, почти каждое утро приветствует вас за окном, а по вечерам желает вам доброй ночи.

- Звучит мило. - Любовь, которую горец питал к своей родине, смягчила его голос и затуманила глаза. - Я никогда не спрашивала о ваших родных. Как вы их называете? Своим кланом?

- Клан и родня - это совершенно разные степени родства, мисс. Клан Маккиннонов может насчитывать несколько тысяч человек, а из родни остался только я. - Дуглас помолчал. - Мне сказали, что мой младший брат, Йен, убит при Куллодене.

- И больше у вас никого нет? Родителей? Сестер? - Элизабет просто представить себе не могла, как можно жить без такой многочисленной семьи, как у нее, без смеха, без размовок, которые случаются даже между любящими людьми.

- У любого Маккиннона всегда есть друзья. Мою мать звали Нора Маккиннон, она умерла, когда родилась моя единственная сестра, которую тоже называли Норой. Одну за другой их за

несколько дней унесла лихорадка. С тех пор, как мне исполнилось три года, я не видел своего отца. Его выслали во Францию после восстания якобитов в 1715 году.

- Он так и не вернулся?

- Он дважды возвращался в Шотландию, но мне ни разу не довелось его повидать - слишком это было для него опасно, его могли схватить. Мне сказали, что он умер совсем недавно, в этом году, и погребен где-то во Франции.

Элизабет опустила глаза.

- Как жаль.

- Здесь не о чем жалеть, мисс. Мой отец и брат оба умерли, сражаясь за то, во что верили.

- Они были якобитами?

- В полном смысле этого слова.

- А те люди, что напали на меня, тоже якобиты?

Дуглас устыдился поведения соотечественников.

- Это так, только вы не сравнивайте этих негодяев с такими, как мой отец. Прежние якобиты были людьми совсем иного сорта. Мой отец и такие, как он, знали, за что они борются, и следовали зову своей шотландской чести. Эти же, нынешние... - он запнулся, ища подходящее слово, - это люди самого худшего разбора.

- А вы, Дуглас, тоже якобит?

Горец взглянул на нее:

- Прежде всего я шотландец. Мой долг и честь всегда велят мне поступать так, как пристало шотландцу.

Если она и заметила, что он на самом деле не ответил на ее вопрос, то и виду не подала.

На ночлег они остановились в маленьком трактире на окраине крошечной деревушки в Лоуленде - южной части Шотландии. Дом с побеленными стенами под соломенной крышей назывался «Пастушья хижина» и принадлежал супружеской паре. Жена была шотландкой, муж - англичанином. Сочетание было необычным, и Дуглас знал, что вопросов им задавать не станут и что двое путешественников не вызовут никаких подозрений.

Когда они вошли в тускло освещенный трактир, их встретила хозяйка.

- Ах ты Господи, неужто это Дуглас Даб Маккинنون заехал так далеко от острова Скай, чтобы попробовать моей стряпни? - На своем пышном бедре она держала поднос, прядь мягких каштановых волос падала ей на глаза, и улыбка у нее была дружеская и теплая, как огонь, пылающий в каменном очаге у нее за спиной. - Давненько вы, Маккинنون, не бывали у нас.

Дуглас улыбнулся:

- А вы недурно выглядите, Мэри Хетериштон. Ваш муж Том вас не обижает?

- Еще чего выдумали! Не обращай он со мной как следует, вы же знаете - я бы хорошенько стукнула его по голове, это уж точно.

Дуглас рассмеялся мощным гортанным смехом, синие глаза заблестели. Элизабет не могла не заметить, что, разговаривая со своими соотечественниками, Дуглас легко переходил на родной язык, и его речь пахивала гэль-ским, точно дымком.

- Ну так что, Маккиннон, вам с девушкой нужна комната на ночь, да?

- Две комнаты, - ответила Элизабет прежде, чем Дуглас успел раскрыть рот.

Мэри удивленно подняла брови.

Дуглас сказал:

- Да, две комнаты, Мэри, если они у вас есть.

- Боюсь, что нынче ночью народу у нас многовато. Только и остался, что чердак. - И она поглядела на Элизабет. - Там две смежные комнатки, мисс, на самой верхотуре. Кровать там только одна, но если хотите, Дуглас, мы принесем вам складную койку, и вы будете спать в боковушке.

- Вот и чудесно, Мэри. Мы и поужинаем там, если это не слишком вас затруднит.

- Ах, Маккиннон, какие могут быть затруднения. На кухне есть вареные овощи и хаггис, есть и овсяные лепешки с пылу с жару. Где чердак, вы знаете. Так что ступайте туда вместе со своей девушкой, а я мигом принесу вам поужинать.

- Простите меня, миссис Хетерингтон, - сказала тут Элизабет, останавливая шотландку на полпути к кухне. - Нельзя ли принести наверх ванну?

Мэри глянула на Дугласа:

- Ванну? А у нас нет...

- Мэри, мы ехали весь день и очень грязные, так что если вы дадите нам помыться, буду вам очень признателен.

Мэри улыбнулась:

- Ладно, найдем что-нибудь.

Она ушла. Элизабет заметила, что она босая и что ее юбки метут земляной пол, выстланный травой и камышом, от которых пахло свежестью. Дуглас жестом предложил Элизабет подняться наверх по узенькой лестнице, в углу общей комнаты. В кромешной тьме Элизабет споткнулась и ухватилась за руку Дугласа. Поднявшись наверх, он открыл дверь в просторную комнату под самой крышей.

Перед каменным очагом стояли небольшая скамья и два стула. За дверью была еще комната с кроватью под балдахином и умывальником. Хотя обстановка была скудной, комната выглядела чистой и уютной, в ней тоже пахло травами. Впрочем, проведя целый день в седле, Элизабет могла бы по необходимости выспаться и в сарае.

Дуглас опустился на колени перед очагом, чтобы развести огонь. Вскоре комната осветилась

неярким пламенем, отблески которого мерцали и плясали на беленых стенах.

Вскоре появилась Мэри с подносом, уставленным тарелками с едой, над которыми поднимался восхитительно пахнущий парок.

- Я поставила греться воду для мытья, барышня, и послала малого поискать для вас лохань. А пока вы поужинаете и напьетесь чаю. И еще я принесла вам кусок верескового мыла и овсяной муки помыться.

- Благодарю вас.

- Дуглас, - продолжала Мэри, - к сожалению, эта сука-терьерша решила оцнить на койке-то. Щерит зубы на каждого, кто подойдет поближе. У меня много шерстяных пледов, так что вы можете положить их на коврик у огня и лечь там.

- Этого вполне хватит, Мэри.

Когда хозяйка ушла, Дуглас сел рядом с Элизабет за стол, стоявший у огня.

Элизабет рассматривала поднос с ужином.

- Что это за блюдо - хаггис?

Дуглас взял на вилку кусок варева, больше всего напоминающего студень.

- Я вам скажу, но только после того, как вы попробуете.

И он предложил первый кусочек насторожившейся Элизабет. Она медленно прожевала его, чтобы распробовать, потом, проглотила и сказала, кивнув головой:

- Это что-то пряное и немного зернистое, но впрямь очень вкусное. Немного похоже на колбасу. - И она взяла второй кусочек.

Дуглас улыбнулся:

- Я рад, что вам понравилось, мисс. Большая часть саксов считает, что хаггис - пища бедняков и бродяг. На самом же деле это плод находчивости шотландца, когда в трудные времена, чтобы выжить, приходится пускать в ход не только баранью ногу. Чтобы приготовить хаггис, нужно взять немного овсяной муки и...

- Прошу вас, не надо. - Элизабет слегка улыбнулась. - Не рассказывайте. Мне кажется, это одна из тех вещей, которые лучше оставить недосказанными.

Пока они ужинали, в комнату внесли огромную деревянную лохань, в которой Мэри явно стирала белье. Малый вылил туда несколько ведер горячей воды, кивнул и вышел. Элизабет повернулась к Дугласу, который все еще сидел и грелся у огня.

- А теперь мне э-э-э... хотелось бы принять ванну.

Дугласу было очень славно с ней за ужином. Он и забыл, что теперь ему следует оставить ее одну. И он напомнил себе, что нельзя допускать, чтобы ему с ней было хорошо.

- Вам хватит одного часа? Завтра нам предстоит долгое путешествие, так что лучше лечь пораньше.

Элизабет кивнула:

- Благодарю вас, часа мне вполне хватит.

Он уже был в дверях, когда она вдруг его окликнула:

- Дуглас!

- Да, мисс?

- Нельзя ли... нельзя ли попросить вас помочь мне, пока вы не ушли?

- В чем дело, мисс?

Элизабет почувствовала, как щеки у нее зарделись.

- Моя камеристка не поехала со мной. Ей, по-видимому, не хотелось расставаться с удобствами. Дульси немолода, и я ничего не имею против того, чтобы самой о себе заботиться. Но утром она зашнуровала на мне корсет и, кажется, завязала шнуровку своим прославленным тайным узлом, справиться с которым под силу только ей. Вряд ли я сумею развязать его.

- Понятно.

Дуглас снова вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

- Ну что же, посмотрим, что можно сделать.

Элизабет и в голову не пришло позвать Мэри. Она повернулась, скрыв свои пылающие щеки, и быстро расстегнула пуговицы амазонки. Она нервничала, пальцы у нее дрожали, она с трудом владела собой, но в конце концов девушке удалось расстегнуть все пуговицы на жакете и снять его, а потом и батистовую блузку. Она развязала тесемки, на которых держались юбки, и они упали на пол. После чего она опять повернулась к Дугласу. Увидев смущенную Элизабет, озаренную пламенем очага, Дуглас почувствовал, как в груди у него сперло дыхание. Элизабет была воплощением красоты. На ней не было ничего, кроме тонкой батистовой сорочки и белых чулок с подвязками над коленями. Корсет, от которого она хотела освободиться с его помощью, стягивал ее талию в рюмочку и придавал груди еще большую пышность.

Господи, как же она хороша!

Элизабет подошла к нему, перекинув через плечо свои длинные рыжие волосы. Ее шея и плечи над корсетом были белы и на ощупь мягки, как шелк. Он заметил, что она вздрогнула от его прикосновения, что мурашки побежали у нее по шее, и его охватило одно-единственное желание: узнать, каково прикоснуться губами к покрытому гусиной кожей телу девушки.

Дугласу пришлось изрядно повозиться, развязывая узел на спине Элизабет. Сначала он потянул за кончик тесьмы, но тщетно. Попробовал потянуть за другой, но узел не поддавался. Дуглас понял, что нужно подойти поближе. Он опустился на колени, и теперь его глаза оказались на одном уровне с ее округлыми ягодицами, прикрытыми всего лишь тонкой льняной сорочкой.

Напряжение, возникшее между ними, нарастало. Дуглас все тянул и тянул за концы тесьмы, но у него ничего не получалось:

- Господи, да что же это за узел такой?

- Там есть какая-то хитрость. Но поскольку я никогда не развязывала его сама, я ее не знаю.

Дуглас еще некоторое время повозился с узлом и так увлекся, пытаясь развязать его, что не заметил, как его рука легла на бедро Элизабет.

Но девушка это почувствовала и встрепенулась.

С самого ее появления на свет чужие руки заботились об интимных сторонах ее жизни. Одевали ее, купали, даже расчесывали ей волосы, и она привыкла к этому. Но сейчас впервые за всю ее двадцатичетырехлетнюю жизнь к ней бесцеремонно прикасался мужчина. Но это ее не встревожило и не шокировало, у нее просто сильно забилося сердце.

- Может быть, лучше позвать Мэри?

Напряжение, возникшее между ними, стало таким явственным, таким осязаемым, что казалось живым и дышащим.

- Нет, и ей здесь не управиться.

- Да, черт его побери!

И прежде чем Элизабет успела обернуться и посмотреть, что происходит, Дуглас вытащил нож, который носил за чулком, и перерезал упрямую шнуровку.

Корсет упал на пол.

Элизабет повернулась к Дугласу, оставшись только в тонкой летней сорочке. Щеки ее пылали, глаза были широко раскрыты. Дуглас медленно втянул в себя воздух и затаил дыхание, глядя на ее рот, на полную нижнюю губку. Он помнил, какова эта губка на вкус, ведь Элизабет поцеловала его. Его охватило почти непреодолимое желание снова ощутить ее губы на своих губах. Он даже шагнул к ней, и когда она не сделала попытки отойти, понял, что, если он поцелует ее прямо сейчас, она не станет противиться.

И еще он знал, что не сможет ограничиться одним лишь поцелуем.

Дуглас отошел.

- Пока вы принимаете ванну, я буду внизу. Вернусь через час.

Не оглядываясь, он повернулся и вышел, притворив за собой дверь.

Он вернулся ровно через час.

Оказалось, что Элизабет все еще сидит в лохани с водой.

Глава 11

Элизабет пошевелилась и открыла затуманенные глаза. Огонь медленно догорал в очаге. Тени поднимались и опадали на стенах комнаты вместе со слабыми всплесками пламени. Элизабет окружал покой, и поначалу ей показалось, что она куда-то плывет.

Девушка подумала, что находится в своей комнате в Дрейтон-Холле. Она ждала, что дверь внезапно распахнется и в комнату ворвется Кэро или еще кто-нибудь из ее сестер с просьбой

разрешить какую-либо крайне важную проблему – например, какое платье должна надеть Кэтрин на бал к Сандерсонам или какого цвета лента больше всего идет к волосам Матильды. Только когда комната вокруг приняла четкие очертания – голые каменные стены в розовых отсветах огня в очаге, глиняная бутылка из-под кларета с букетиком полевых цветов, – только тогда Элизабет вспомнила, что она находится в каком-то трактире к северу от границы с Шотландией.

Господи! Она уснула в лохани!

Долгий день в седле явно ее доконал. Она не могла даже вспомнить, как попала в эту комнату. Да, она поужинала, но что именно ела, этого она не могла бы сказать даже ради спасения собственной жизни.

Она вспомнила слова Дугласа о том, что он вернется через час, и поняла, что понятия не имеет о том, сколько прошло времени после его ухода. Может быть, всего несколько минут. А может, и больше. Судя по остывшей воде, гораздо больше.

Девушка быстро взглянула на дверь. Запер ли он ее, уходя? Или он может войти в любую минуту и найти ее все еще в лохани? Он ведь может именно сейчас подниматься по лестнице или даже уже стоять у двери. Разумеется, он постучит перед тем, как войти, предупреждая о своем возвращении. А если нет?

Ответ казался настолько очевидным, что Элизабет с плеском выскочила из воды и бросилась к двери, чтобы повернуть ключ. Только услышав щелчок замка, она с облегчением вздохнула.

От долгого сидения в лохани у нее онемели шея и плечи, и она сделала несколько энергичных движений, чтобы размяться. Элизабет смотрела, как пляшет огонь в маленьком каменном очаге, вслушиваясь в молчание ночи. Ее волосы пахли вересковым мылом, что дала ей Мэри. Они падали ей на плечи и на спину мокрыми вьющимися прядями. На пол с них капала вода. Стоя у очага, Элизабет вытерлась грубым полотенцем и закуталась в него. Несмотря на огонь в очаге, от ночной прохлады ей стало зябко. Она так устала, что способна была опуститься на пол и пролежать так до утра. Ей хотелось одного: залезть под одеяло, зарыться в подушки и уснуть.

Именно это она и сделает. Девушка повернулась к постели и к лежащей там ночной рубашке – и громко закричала, словно увидела привидение.

– Что вы здесь делаете?

Кровать стояла в тени и на ней лежал Дуглас. Руки он закинул за голову и смотрел на Элизабет, освещенную неярким пламенем очага. Выражения его лица она не видела. Единственное, что можно было разглядеть, – это его глаза.

– Я ждал, пока вы кончите мыться.

– Почему вы меня не предупредили о своем присутствии? Не дали мне времени прикрыться? Я ведь раздета! Или вы этого не заметили?

В ответ на это он коротко кивнул:

– Ну да, мисс, вы голышом.

От этих слов Элизабет вспыхнула жарким румянцем и тут же порадовалась, что в комнате

темно.

- Вы не должны здесь находиться. Нехорошо подсматривать!

- Подстилка, на которую с вас капает вода, - это мое ложе. Или вы забыли об этом?

Элизабет вправду забыта, что горец должен был спать на полу у очага. Она посмотрела вниз, на лужицу у своих ног, а потом опять перевела взгляд на Дугласа:

- Вы пришли, когда я купалась?

- Я пришел, когда вы спали. Это совсем другое дело. Я дважды постучался. Вы не ответили, и я решил, что вы, наверное, уже спите. Немудрено, что после целого дня езды верхом вы измучены, и мне не хотелось вас будить. Вот я и решил войти. В комнате было темно, и я не сразу разглядел вас. Когда же я понял, что вы все еще сидите в лохани, я счел за благо подождать, пока вы проснетесь.

Элизабет крепче вцепилась в полотенце, но Дуглас только пожал плечами, словно для него было самым обычным делом видеть голую женщину. А может, так оно и было. Для него. Но Элизабет до сего дня показывалась обнаженной только своей горничной, сестрам и перед высоким зеркалом у себя в спальне.

- Когда вы поняли, что я все еще не одета, вам следовало тут же отвернуться и выйти.

- Я сказал вам, мисс, что вернусь через час. Я и пришел ровно через час.

Горец был прав. И она это знала, но мысль о том, что он стоял здесь и смотрел на нее, когда она нагишом спала в лохани, была унижительна.

- И сколько же вы простояли здесь? - спросила она, но тут же махнула рукой: - Не нужно, не говорите. Я не хочу этого знать.

Она схватила ночную сорочку, лежавшую в изножье постели, по-прежнему плотно кутаясь в полотенце.

- Джентльмен дал бы знать о своем присутствии, - пробормотала она скорее себе, чем ему.

Дуглас встретился с ней глазами.

- Но ведь вам хорошо известно, мисс, что я не джентльмен.

Элизабет взглянула на него. Ей не приходило в голову, что ему ответить.

Она стояла перед ним, закутанная в полотенце, и, точно статуя в парке, сжимала в руке ночную сорочку.

Дуглас сказал:

- Уже поздно, а завтра нам предстоит еще целый день езды. Так что давайте, мисс, ложитесь.

- Я не могу этого сделать.

- Почему же?

- Потому что в постели лежите вы.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Потом Дуглас соскользнул с кровати. И стоял в ожидании.

- Окажите мне любезность, позвольте одеться без вашего присутствия. - Эти слова прозвучали смехотворно, поскольку еще пять минут назад он видел Элизабет голую с ног до головы. Но все же она их произнесла.

- Ступайте вон туда. - И Дуглас жестом указал на боковушку. - Пока вы одеваетесь, я позову парней убрать лохань и грязную посуду.

Элизабет подождала, пока Дуглас уйдет, и только тогда прошла в другую комнату. Там она быстро вытерлась, обмотала полотенцем голову и скользнула в грубую ночную сорочку, застегивающуюся до самого подбородка и доходившую ей до пят. Она застегнула каждую пуговку, до самой верхней, так что шее стало немного тесно. Только убедившись, что лохань унесли, девушка вошла в пустую спальню.

Когда спустя почти четверть часа вернулся Дуглас, Элизабет сидела в кресле у огня. Подобрал под себя ноги, она расчесывала свои мокрые волосы. Дело это самое обычное, - множество женщин проделывают это каждый день, но она занималась этим с необыкновенным изяществом. Дуглас остановился в дверях и наслаждался зрелищем молодой женщины, освещенной пламенем.

Сейчас она была полной противоположностью благородной леди, исполненной высокомерия и негодования: простая девушка, босоногая, с розовым после мытья лицом. Никто не сказал бы, что ее отец - один из самых могущественных людей в Англии. Честно говоря, никого это не взволновало бы. Тронуло бы другое: своим видом и чистотой она походила на летнее утро.

- Что там такое? - спросила Элизабет, заметив, что он стоит в дверях и глазеет на нее во все глаза.

- Я... - Он был в замешательстве. - Ничего.

Дуглас вышел в переднюю комнату, чтобы раздеться. Снимая через голову рубашку, он заметил, что одежда Элизабет - нижние юбки и амазонка - аккуратно повешена на спинку стула. Не раздумывая, он протянул руку и потрогал амазонку, чтобы узнать, какова на ощупь парча, из которой она сшита.

Конечно, Элизабет права. Когда он давеча поднялся на чердак и увидел, что она уснула в лохани, следовало ее разбудить и дать спокойно одеться. Любой джентльмен поступил бы так, но почему-то он ничего не смог с собой поделать. Он стоял и смотрел на нее при свете очага. Даже сейчас при одной только мысли о ней кровь у него бурлила.

Он просто дурак. Полный и законченный глупец. Думать такое про нее! Как бы ни была она соблазнительна, это все же дочь герцога, испорченная, избалованная принцесса, считающая, что весь мир лежит у ее ног.

Разве не попыталась она заключить с ним фиктивный брак, чтобы испугать своего отца, подарив ему в зятя бедного шотландца? Она никогда не поймет его, не поймет, в чем смысл его жизни. Ее жизнь - это модные балы, увеселительные прогулки в парках и пятичасовой чай. Его образ жизни, традиции и обычаи шотландцев всегда будут ей чужды. Он просто спятил, предположив, что их союз возможен. Ему следует думать только о том, как бы от нее

избавиться, и чем скорее, тем лучше. Дьюнакен. Дом. Вот о чем он должен думать постоянно.

Дуглас взял шерстяной плед, который оставила для него Мэри, и направился в другую комнату. Элизабет в кресле у огня уже не было. Она свернулась клубочком посреди кровати, устроившись, как в гнездышке, под одеялами, ее волосы разметались по подушке. Она спала.

Бросив свою подушку на пол, Дуглас опустился на коврик, который должен был послужить ему постелью. Он тихо лежал в темноте, надеясь только на то, что эти два месяца пройдут быстро.

- Пора вставать, мисс. Уже поздно. Дорога зовет.

Дуглас уже больше часа топтался по комнате, надеясь таким образом осторожно разбудить Элизабет. Им предстояло проехать много миль, и ему не терпелось оказаться на дороге к дому, к родным местам.

Он увидел, что Элизабет пошевелилась. Волосы у нее спутались. Она просыпалась медленно, точно подсолнух, который неторопливо поднимает головку к солнцу. Ее еще сонное лицо казалось растерянным. «Интересно, - подумал он, - уж не провела ли она такую же беспокойную ночь, как и я?» Он-то почти не спал на своем коврике у очага, лежал, глядя в потолок и прислушиваясь, как она борется со своими сновидениями.

Когда утренний свет лег полосами на ее лицо, Элизабет открыла глаза и уставилась на Дугласа, растерянно моргая.

- На столе, - сказал он, - есть еда. Овсянка, теплые лепешки, свежесваренный чай. Мэри недавно принесла. Вы голодны?

Она кивнула:

- Просто умираю с голоду.

Потом она посмотрела в маленькое окошко на противоположной стене.

- Солнце уже давно встало. Почему вы не разбудили меня раньше?

- Я устал сильнее, чем полагал, - солгал Дуглас. - Ничего страшного, погода ясная, так что ехать будет славно.

На самом деле он уже на заре был готов пуститься в дорогу.

Пока Дуглас ходил к лошадям, Элизабет оделась, выбрав простую амазонку из черного бомбазина с пышной шейной косынкой и шляпу-треуголку. Она обрадовалась, найдя в дорожном сундуке два корсета, которые зашнуровывались спереди, поскольку она вовсе не собиралась просить Дугласа каждое утро помочь ей одеться. Не привычная причесывать себя сама, она просто откинула волосы назад, стянув черной лентой.

Следующие несколько часов и дней прошли довольно быстро, без приключений, если не считать время от времени начинавшихся ливней или овечьих стад, загораживающих им дорогу. Элизабет с любопытством наблюдала шотландские пейзажи: крутые горы и пропасти, вересковые заросли - все это вызывало у нее неподдельное восхищение.

Казалось, чем больше они удалялись от Англии, тем суровее становилась местность. Красивые

беленые каменные дома со старомодными изящными окнами и яркими цветочными ящиками сменились неприглядными хижинами под соломенными крышами, приткнувшимися к каменному лону горы. Деревья попадались все реже, иногда их вообще не было видно, дороги сузились и превратились просто в извилистые тропинки. Можно было ехать час, иногда даже несколько часов и не встретить ни души. А если кто-то и попадался навстречу, то это были по большей части босоногие оборвыши либо нищие матери семейств, с безнадежным видом тащившие на себе повозки, в которых помещался весь их скарб.

Это были истинные жертвы неудавшегося восстания. Они разговаривали с Дугласом по-гэльски, рассказывали, что их выгнали с насиженных мест, дома их разрушили английские солдаты-мародеры, хотя они не участвовали в восстании. Герцог Камберленд, сын Георга II, возглавлявший английские войска против якобитов, хотел навсегда отбить у шотландцев всякую охоту бунтовать и сурово карал мятежников.

Однажды ночью в трактире, где они остановились, уже далеко углубившись в Хайленд, Дуглас повстречал знакомого.

- Родерик!

Молодой человек был почти ровесником Дугласу. Рыжеволосый, он был одет в темный сюртук и килт в темно-зеленую и синюю клетку. Он был хорош не суровой мужской красотой, как Дуглас, а изяществом и пригожими серыми глазами.

Когда Дуглас их познакомил, Элизабет поразились:

- Это ваш брат? Но, помнится, вы сказали, что ваш брат... вы сказали, что...

- То был мой брат Йен, а Родерик - мой молочный брат. Он - Маккензи, но мы росли вместе после того, как моя мать умерла. Родерик, это Элизабет. - Тот посмотрел на Дугласа. - Моя жена.

Если Родерику и показалось странным, что Дуглас вдруг обзавелся женой, да еще к тому же англичанкой, он и виду не подал.

- Вот как? - Он посмотрел на Дугласа - и только. А потом склонился к руке девушки. - Рад познакомиться, миледи.

- Элизабет, - сказал Дуглас, - мне нужно кое-что обсудить с Родериком. Мы, наверное, засидимся за полночь, так что вам лучше пойти спать. У нас был долгий день, а завтра будет еще длиннее.

Без сомнения, Дуглас хотел объяснить Родерику ситуацию и странное условие ее отца касательно двух испытательных месяцев. У Элизабет и впрямь не было никакого желания выслушивать все это еще раз. Она кивнула:

- Доброй ночи, джентльмены.

Когда Элизабет ушла, Родерик указал на столик в дальнем углу трактира, где они могли поговорить свободнее. Тут-то Дуглас и услышал первые истинные подробности поражения якобитов при Куллодене.

- То, что я слышал, не оставляло им никаких шансов на победу. Битва, если только эту бойню можно так назвать, кончилась за час. Тысячи повстанцев либо погибли, либо были оставлены

умирать на том проклятом болоте. Других взяли в плен или просто перестреляли на месте. Я слышал, что несколько дюжин человек заперли в сарае и сожгли. Проклятое, грязное дело – вот что такое это восстание!

- Сколько же людей погибло?

- Среди восставших? Судя по слухам, все. Но этого не может быть. Принц спасся, как и другие, хотя те, кто был в гуще сражения, почти все пали, либо их прирезали при попытке спастись бегством.

Дуглас кивнул. Будучи в Лондоне, он уже слышал донесения об исходе кровавой битвы. В начале декабря шотландские мятежники направились в Англию и заняли город Дерби, находившийся всего лишь в ста двадцати пяти милях от Лондона. Победа казалась очень близкой; Георг II приказал членам своей семьи покинуть Кенсингтонский дворец. Но вдруг в лагерь к принцу Чарлзу прибыл гонец с донесением, что на подмогу королю спешит девятидесяти тысячное войско. По совету своих приближенных и вопреки собственным побуждениям Чарлз отдал приказ отступить. Это оказалось началом конца для восставших якобитов и глубокой ошибкой, в особенности когда донесение о Камберленде и его девятидесяти тысячном войске оказалось выдумкой.

- Всякого, кто ушел с поля битвы живым, все равно найдут и подвергнут наказанию, – сказал Дуглас.

- Или убьют. – Родерик глотнул эля и скривился – больше от горечи собственных слов, чем от напитка. – Сын короля, этот мясник, не щадит никого. Вот уж воистину дьявол во плоти! Он назначил вознаграждение в тридцать тысяч фунтов за голову принца, но с таким же успехом мог бы назначить и сотню тысяч. Никто принца не выдаст.

Родерик посмотрел на Дугласа, потом сказал, поняв, что тот почти его не слушает:

- Ты думаешь о молодом Йене, да?

Дуглас хмуро кивнул.

- Не принимай вести о его смерти близко к сердцу, Дуглас. Твой брат не из тех, кого могут легко убить. Не сомневайся, этот парень уцелел. Так всегда с ним бывало. Скорее всего он выйдет тебя встретить, когда ты приедешь в Дьюнакен, с вечной его дурацкой ухмылкой и парочкой баек, которые расскажет тебе за выпивкой.

- Я все еще надеюсь, Родерик. Кроме Йена, у меня теперь никого не осталось.

Они замолчали и потягивали эль, погружившись в свои мысли. Огонь у них за спиной затрещал и вспыхнул – кто-то подбросил в очаг торфа. Эль лился рекой. Где-то в полумраке хихикнула служанка.

Наконец Родерик заговорил:

- Ну что же, я ждал, пока ты сам все расскажешь, но, лохоже, придется мне тебя расспрашивать. Объясни же мне, какого черта ты женился на сакской леди, когда уже обещался Мойре Маклин из Карсаига?

Дуглас посмотрел на брата через стол:

- Эта долгая история, Родерик.

- Интересные истории всегда бывают длинными. Я готов ее выслушать, пока тебе не захочется спать.

Дуглас понял, что придется рассказать Родерику все. Ему и самому хотелось поделиться с кем-то, а этому человеку он доверял, как никому другому. Хлебнув эля, он заговорил:

- Это началось, когда я наткнулся на карету, завязшую в болоте...

Когда почти час спустя он закончил свой рассказ, Родерик откинулся на спинку стула и грустно покачал головой:

- У тебя, Дуглас Маккиннон, просто какая-то склонность навлекать на себя неприятности. А ту, что спит сейчас наверху, именно так и зовут. Неприятность. Достаточно взглянуть на эту девицу всего разок, чтобы понять это.

- Только я не собираюсь долго держать ее при себе, чтобы нарваться на неприятности. Два месяца - и все.

- А что ты будешь делать, если Маклины о ней узнают? Ведь Маккинноны с Маклинами враждовали долгие годы. Вы уже давно договорились, что ты возьмешь в жены Мойру Маклин, и Малкольм Маклин вряд ли обрадуется, что у тебя уже есть жена, когда привезет свою дочь на ваше венчание.

- Маклину незачем об этом знать. - Дуглас внимательно посмотрел на Родерика и повторил: - Незачем ему об этом знать. Именно Маклин поставил условием, что я должен вернуть свои права на Дьюнакен прежде, чем он отдаст мне руку Мойры в знак окончания нашей вражды. Подержать у себя эту сакскую девушку - единственный способ, которым я могу вернуть себе Дьюнакен. И у меня все получится. Нужно только не показывать ее никому до тех пор, пока отец за ней не приедет. Она не знает, что я - лэрд Дьюнакена, так что я поселю ее на ферме, подальше от замка, и велю Эйтни за ней присматривать. Пусть заставит ее ткать или выбивать пыль из ковров. Жизнь жены фермера тяжела для благородной сакской леди. Когда пройдут эти два месяца, она будет умолять вернуть ее отцу. Я уж постараюсь. Получу развод и, что гораздо важнее, верну себе Дьюнакен. Просто с нашей свадьбой с Мойрой придется малость подождать. Другого выхода у меня нет.

Глава 12

Им пришлось провести в дороге еще неделю, укрываться в сырой пещере, когда внезапно налетела буря, подвергаться постоянным укусам мошкары, объехать круглым путем вздувшуюся от дождей реку... Но в конце концов они пересекли суровый Хайленд и добрались до западного побережья Шотландии.

Погода стояла необычайно ясная, небеса искрились солнечным светом, и только к полуночи время от времени спускался туман, словно сама мать-природа всячески старалась помочь путникам двигаться побыстрее. От окрестных видов просто дух захватывало. Часто Элизабет останавливалась, чтобы полюбоваться то одним, то другим пейзажем, охваченная восторгом перед чарующей красотой суровых гор и тихим спокойствием лесов, которые всю ночь целовал ливень. По ночам под небом цвета оникса блестели лесные озера, в которых отражался мерцающий молочный свет луны. Никем не нарушаемое уединение, дикая красота - нетрудно было понять, почему Дуглас так неистово гордится своей родиной.

Как и в самом начале их путешествия, Дуглас предпочитал окольные пути вдали от большаков, через крохотные селения и непроходимые леса, ориентироваться в которых мог только человек, сызмальства знакомый с местностью. Поскольку постоянные дворы попадались теперь редко, они останавливались на ночлег в домах у знакомых и незнакомых людей, везде, где в окнах горел свет.

Поначалу Элизабет казалось неловким сваливаться как снег на голову незнакомым людям, но Дуглас уверял, что оказывать гостеприимство любому, кто в нем нуждается, – давнишний обычай скоттов. Пока заезжего человека не накормят и не напоят, его ни о чем не спрашивают, и даже враг в безопасности, пока находится под гостеприимной крышей. Такова традиция. Таковы здесь понятия о чести.

Дважды за время путешествия они оказывались на расстоянии выстрела от английских солдат, но Дуглас быстро находил укрытие, где они выжидали до тех пор, пока опасность не миновала. В дороге Дугласу стало известно, что англичане гнались за принцем до самых Гебридских островов, и поскольку теперь его искали на море, им с Элизабет было легче незамеченными пробираться к цели своего путешествия.

Везде были заметны мрачные свидетельства разорения, оставленные в Шотландии английскими солдатами. Сотни коров и овец были убиты не ради мяса, а для того, чтобы лишить пищи шотландских крестьян. Гниющей на солнце падалью были усеяны пустые поля. Вдали от городов солдаты устраивали налеты на селения и поджигали их. Посевы были погублены – либо затоптаны, либо сожжены, а всякого, кто пытался протестовать против произвола, убивали на месте. И все же, несмотря на безжалостную расправу англичан над шотландцами, никто из встречных не выказывал к Элизабет враждебности, а только гостеприимство и доброту. А ведь они имели полное право держаться с ней настороженно. Но она была женой Дугласа... по крайней мере по имени. И поэтому пользовалась их покровительством.

Не раз в трактирах им отводили для ночлега одну комнату. Элизабет не знала, где спал Дуглас и спал ли он вообще. Когда она ложилась, он еще бодрствовал, болтая по-гэльски с постояльцами при свете горевшего очага; когда она наутро вставала, он уже был одет и ждал ее, чтобы пуститься в путь.

Элизабет удивлялась, как это ему удается не задремать в седле, ведь с ней это случалось часто. Ее убаюкивали пение лесных птиц, легкое покачивание лошади и безлюдная нескончаемая тропа, которая, думала девушка, будет тянуться еще целую вечность.

Казалось, они никогда не доберутся до острова Скай. Но вот наконец на последнем подъеме они увидели внизу в тумане Гебридские острова.

– Посмотрите вот туда, на самый ближний остров, – сказал Дуглас, указывая вдаль. Его голос был полон гордости, которую Элизабет частенько слышала в голосе отца, когда тот говорил о Дрейтон-Холле.

Дугласу не терпелось попасть домой, оказаться среди своих. Но все же эту ночь им придется провести на материке, в маленькой деревушке.

Но едва они выехали на пустынную дорогу к лежащей в долине деревне, как наскочили на дозор английских солдат. При виде Дугласа и Элизабет они преградили им дорогу. Их красные мундиры резко выделялись на фоне сумрачного неба.

Дуглас ожидал этого, он обернулся на ехавшую за ним Элизабет, и глаза его тревожно

потемнели.

- Накиньте на голову капюшон, мисс, и держитесь за мной. И молчите. Говорить буду я.

Элизабет сделала, как он велел, пытаясь не обращать внимания на гулко забившееся сердце. Они подъехали к поджидавшим их солдатам.

- Стойте! - крикнул стоявший впереди приземистый крепыш, который смотрел на них, сузив глаза, из-под того, что весьма отдаленно напоминало напудренный парик. - Куда это вы направляетесь?

Дуглас неторопливо остановил коня.

- Ах, добрый человек, нам нужно быть утром на острове Скай, и мы едем к переправе.

Он коверкал слова на шотландский манер и глотал окончания слов, как это делают крестьяне.

Подошел второй солдат, повыше ростом, чем его товарищ, но настроенный не менее воинственно. Нос его, казалось, сморщился от брезгливости, когда он окинул взглядом простой шотландский костюм Дугласа и его усталое от долгих странствий лицо. Оба солдата бросили беглый взгляд на Элизабет, лицо которой было закрыто капюшоном.

- На острове Скай, вот как? - презрительно повторил высокий. - А что у вас за дело на этой поганой скале? Это местечко годится только для воров и прочего сброда. - Солдат вызывающе посмотрел на Дугласа и сплюнул на землю под копыта его лошади, явно пытаясь вызвать ссору.

Элизабет заметила, как напрягся Дуглас в седле. Ее пальцы нервно сжали поводья.

- У меня там дом и хозяйство, вот почему я хочу туда добраться, - сказал он.

Дуглас старательно заслонял своим конем Элизабет, но ей было плохо видно происходящее. Поэтому она подъехала поближе и стала сбоку. Тогда-то она и заметила, что высокий солдат рассматривает пистолет и палаш, висящие на боку у Дугласа. Англичанин посмотрел на своего собрата, указывая глазами на оружие. Тот кивнул и медленно подошел к нему. Они вместе начали допрашивать Дугласа, чтобы сбить его с толку. Элизабет поняла, что они хотят застигнуть его врасплох, возможно, спровоцировать на сопротивление, чтобы открыть огонь.

Элизабет старалась обратить на себя внимание Дугласа, но он сидел к ней спиной. Нужно было что-то предпринять побыстрее. Поэтому она сделала единственное, что пришло ей в голову, чтобы отвлечь солдат от их намерения и не дать им открыть стрельбу.

- Добрые господа, - проговорила она, неожиданно выехав вперед и откидывая с головы капюшон, - мы понимаем, что вы обязаны патрулировать местность после недавнего мятежа, но мы только что приехали в Шотландию. Мы недавно обвенчались и теперь хотим только одного - поскорее добраться до дому.

Дуглас повернулся и посмотрел на Элизабет, но ничего не сказал. Что тут было говорить? Окажись у него под рукой что-нибудь - перчатка или даже чулок - он заткнул бы ей роток кляпом. Именно этого он и боялся. Будь проклята эта девица! Ну почему она его не послушалась?

Если бы солдаты видели в них только шотландского скотовода и его жену, какими Дуглас

пытался представить себя и Элизабет, можно было надеяться, что им позволят проехать и не станут особо расспрашивать. И ему почти удалось этого добиться, но теперь Элизабет, с ее правильной речью и аристократическим произношением, только возбудила в них новые подозрения.

Тот, кто был ниже ростом и казался старшим по чину, снова повернулся к Дугласу:

- Как твое имя, горец?

Дуглас выпрямился в седле:

- Дуглас Маккиннон.

Солдаты переглянулись.

- Нам сообщили о некоем Йене Маккинноне. Он родом из этих мест, сын предателя Лохлина Маккиннона из Дьюнакена, которого разыскивают за измену его величеству королю Георгу. Может быть, тебе известно об их местонахождении?

- Мне сказали, что мой брат мертв. - Дуглас осторожно выбирал слова. - Как и мой отец.

- Вот как? А в донесении сказано, что оба они были при Куллодене и возглавляли клан Маккиннонов, восставший против короля.

- Этого не может быть, - ответил Дуглас. - Мой отец вот уже двадцать пять лет находится во Франции.

- Твой отец и твой брат - всем известные изменники. Что скажешь?

Дуглас понизил голос:

- Я не участвовал в восстании. Я был в Лондоне, потом в Нортумберленде, где женился, и вот приехал сюда.

- А что же, интересно, понадобилось шотландцу в Лондоне? Надеялся, что подвернется случай перерезать горло королю?

Обвинение было серьезным, и уже одно то, что Дуглас был в Лондоне и имел такую возможность, подтверждало его. Власти годами содержали людей в Тауэре только по одному лишь подозрению в предательстве. Того, что Дуглас шотландец, было довольно, чтобы вызвать подозрения.

- Нам, пожалуй, лучше будет отвезти вас обоих к нашему офицеру. Поговорите с ним. - Приземистый солдат пожал плечами и добавил: - Полковнику Лайону не очень-то интересно разговаривать со всяким шотландским сбродом, так что придется вам обождать, пока ему захочется вас повидать. Не волнуйтесь: в бараках вы разместитесь с удобствами.

Он указал куда-то позади себя, где несколько строений из голого серого камня возвышались над деревней. Горец знал: стоит им оказаться на территории королевского форта, и они никогда не выйдут оттуда живыми. Дугласу оставалось только одно.

Его левая рука медленно потянулась к пистолету и уже почти было сжала его, как Элизабет, черт бы ее побрал, выехала еще дальше вперед, нарочно став между ним и солдатами.

- Элизабет...

Она не обратила на него внимания.

- Я верно расслышала, вашего полковника зовут Лайон, капрал? - обратилась она к солдату. - Не полковник ли это Эмери Лайон, случайно?

Что делает эта девица, пропади она пропадом? Дура она, что ли?

Солдат внимательно посмотрел на девушку.

- Ну да, тот самый.

- Вот как! Тогда прошу вас, немедленно проводите нас к нему. Мы будем вам крайне обязаны.

Дура, ясное дело. И совершенно рехнувшаяся при этом.

Она взглянула на Дугласа. На мгновение их глаза, карие и синие, встретились, и Дуглас попробовал найти в глазах Элизабет объяснение ее поведения.

«Доверьтесь мне», - казалось, говорили они.

И он поверил - сам не понимая почему.

Солдат сердито посмотрел на Элизабет:

- А кто вы такая и почему это вы думаете, что полковник удостоит вас своего общества?

Элизабет выпрямилась в седле и вздернула подбородок точно так же, как это делал ее отец. Взгляд, который она устремила на солдата, был полон благородного высокомерия, на какое только она была способна. Когда она заговорила, то был голос дочери герцога Сьюдли:

- Пожалуйста, передайте полковнику Лайону, что его хочет видеть леди Элизабет Дрейтон. - А потом добавила с легкой улыбкой: - Его крестная дочь.

Не прошло и двух минут после того, как адъютант полковника Лайона сообщил ему, что его ждет Элизабет, как он уже торопливо вышел из своей ставки.

- Элизабет, скажите, Бога ради, дорогое дитя, что вы делаете в Хайленде? Господи, неужели что-то случилось в Дрейтон-Холле? Не заболел ли ваш отец?

Полковник был огромный, точно медведь, пятидесятидвухлетний человек добрых шести футов в высоту и с плечами шириной в половину его роста. Его волосы, когда-то золотисто-белокурые, а теперь выцветшие, приобрели цвет тусклого серебра. Он был безукоризненно причесан, мундир блестел чистотой, манеры были безупречны. Он знал герцога Сьюдли со времен Итона, не раз проводил лето в Дрейтон-Холле и совершил большое путешествие по Европе вместе с отцом Элизабет. Сколько себя помнила девушка, Лайон всегда был для нее чудесным веселым дядюшкой, который пестовал ее любовь к поэзии и научил ее ездить верхом чуть ли не сразу же после того, как она смогла ходить без помочей. Но именно его военная доблесть снискала ему высочайшие отличия и сделала его командиром прославленного полка, не знавшего себе равных среди других английских войск.

Полковник ласково обнял Элизабет, а та расцеловала его в обе щеки.

- Кажется, я не видел вас целую вечность, - сказал он, вглядываясь в ее лицо внимательным взглядом старого вояки. - Сколько же вам теперь лет? Девятнадцать? Двадцать?

- Мне двадцать четыре года, - сказала она, усмехнувшись, - и вам это прекрасно известно, ибо при вас мой отец, недавно будучи в Лондоне, сетовал на то, что я превращаюсь в старую деву. - Она посмотрела ему прямо в глаза: - Я верно говорю?

Полковник кивнул:

- Да, все правильно. - Он взял крестницу за руку и повернулся к Дугласу, который наблюдал за их встречей, стоя в стороне: - Но теперь я вижу, что все его сетования были напрасны. Вы появились из ниоткуда... и с мужем на буксире.

Элизабет представила мужчин друг другу.

- Милорд, позвольте мне представить вам моего мужа, Дугласа Даба Маккиннона с острова Скай.

Выражение искреннего удовольствия на лице британского полковника сменилось смесью смущения и недоверчивости. Дуглас легко мог себе представить направление его мыслей: крестница, которая, как он полагал, никогда не выйдет замуж, вдруг является с мужем явно не знатного рода и к тому же еще шотландцем.

Но полковник быстро оправился и ответил Дугласу, соблюдая приличия.

- Мистер Маккиннон, - сказал он, кивая и протягивая руку, - весьма рад.

Дуглас ответил на рукопожатие.

- Так скажите же, Элизабет, - спросил полковник, стараясь говорить небрежно, - когда это все произошло? И почему меня не пригласили на свадьбу? Конечно, я был несколько занят, подавляя мятеж шотландцев, но ведь вы могли прислать мне хотя бы кусочек торта.

Дуглас отошел и спокойно слушал целую историю, которую Элизабет наплела полковнику о том, как они встретились и поженились. Среди кучи вранья в этой истории можно было отыскать зернышко правды.

- Значит, вы встретились, когда у вашей кареты сломалось колесо и на вас напали разбойники, а мистер Маккиннон пришел вам на помощь?

- Да, - завершила его Элизабет, улыбаясь Дугласу.

- Просто невероятно, дорогая.

- Да, звучит именно так, не правда ли? Вы знаете, я не из тех леди, которые мечтают выскочить замуж, но именно это и произошло. Мы обвенчались в трактире у шотландской границы и немедленно вернулись в Дрейтон-Холл, где Дуглас и познакомился с моими родными.

- Это, вероятно, была чрезвычайно интересная встреча. Интересно, как ваши родители отнеслись к этой новости?

- О, отец, само собой, поначалу пришел в страшное волнение. Но когда он познакомился с Дугласом и побеседовал с ним, чтобы лучше его узнать, он был очень доволен и с радостью

принял его в семью.

Вот тут-то Элизабет и переборщила. Пытаясь нарисовать картину полного согласия и блаженства, она забыла о том, что беседует с человеком, который знал ее отца лучше, чем кто-либо другой, даже лучше, чем ее мать.

- Понятно, - сказал полковник, которому все стало ясно, но он решил не спешить со своим суждением. И он повернулся к Дугласу: - Мой адъютант сказал, что патруль остановил вас на дороге к переправе? Вы собирались попасть на остров Скай утром?

- Да, - ответил Дуглас, - но ваши люди решили, кажется, воспрепятствовать нам в этом.

Полковник кивнул:

- Мы получили приказ держать под наблюдением все порты, пока не найдут и не задержат Стюарта. Вы, конечно, уже слышали, что якобитов разбили под Куллоденом?

- Да, слышали, - прервала его Элизабет, - хотя я не думаю, что все это как-то нас касается. Дуглас - не якобит. К восстанию он не имеет никакого отношения.

Тут к полковнику подошел мальчик-слуга и подал ему пачку бумаг. Полковник извинился и начал их просматривать.

- Маккиннон, - сказал он, поднимая голову от только что прочитанной бумаги, - ваш отец - не Лохлин ли Маккиннон из Дьюнакена?

Дуглас наклонил голову:

- Это так.

- А ваш брат Йен Маккиннон в настоящее время разыскивается за преступления против Короны, совершенные во время этого восстания?

- Да.

Полковник сузил глаза и внимательно посмотрел на него:

- Но вы не якобит?

- Нет, милорд. Что же до моего брата, за него я не в ответе.

Полковник пристально посмотрел на него:

- Вы позволите обыскать ваши вещи и вас лично?

Тут вмешалась Элизабет:

- Милорд, право же, неужели это необходимо? Я неотлучно была с мужем эти две недели. Даю вам слово дочери герцога Сьюдли, что он не больше якобит, чем... чем я. Или мой отец, например.

Дуглас устремил взор на жену, но благоразумно не раскрыл рта.

- Единственное, чего мы хотим, - продолжала Элизабет, - это закончить очень долгое и

утомительное путешествие. Не могли бы вы снабдить нас пропуском на остров, чтобы я имела возможность обосноваться в своем новом доме?

Полковник долго смотрел на Элизабет. И наконец сказал:

- Если не доверять собственной крестнице, тогда кому же доверять? - Он перевел взгляд на Дугласа. - Мой человек выдаст вам охранную грамоту, гарантирующую беспрепятственное передвижение, а также защищающую вашу собственность от разграбления, которому герцог Камберленд приказал подвергать дома известных мятежников. Я позабочусь о переправе. Можете отправляться утром, но я настаиваю на том, чтобы вы провели здесь ночь как мои гости и поужинали с нами. Трактир в деревне - не лучшее место для молодой леди вроде вас, Элизабет, а леди Лайон никогда не простит мне, если я лишу ее возможности увидеть вас и поздравить с замужеством. Так что же, вы остаетесь?

Прежде чем дать единственный возможный ответ, Элизабет взглянула на Дугласа.

- Разумеется.

Горцу оставалось только успокаивать себя тем, что зачастую лучшим укрытием оказывается то, что у всех на виду.

Леди Люсинда Лайон была приветлива, гостеприимна и обладала благоразумием, которого не выказал ее муж. Она ни намеком не выдала своего огорчения, услышав о том, что Элизабет вышла замуж за Дугласа, когда вечером того же дня их представили друг другу.

Леди Лайон выглядела совсем крохотной рядом со своим великаном мужем. На ее круглых щеках появлялись глубокие ямочки, когда она улыбалась. Несмотря на свой благородный титул, она отправилась с мужем из уютных лондонских гостиных в «варварские» шотландские Хайленды. Леди Лайон поздоровалась с Дугласом искренне и радушно.

- Мистер Маккиннон, рада с вами познакомиться. - И она протянула ему руку.

Дуглас ответил на пожатие учтивым поклоном.

- Я также очень рад, леди Лайон.

- Элизабет, как вы смеее явиться к нам спустя столько времени после вашего внезапного замужества, о котором вы никак не намекнули заранее? Вы только посмотрите на себя! Клянусь, вы выросли на фут с тех пор, когда я в последний раз вас видела, что невозможно, и я это знаю, но все же вы словно вдруг подросли. Что же случилось с моей шестилетней крестной дочерью, которая стояла, подбоченясь, вздернув подбородок, и заявляла к величайшему ужасу своей матушки, что ни за кого, кроме самого короля Георга, никогда не выйдет замуж?

Элизабет мило покраснела, и это было ей очень к лицу.

- Не шутите надо мной, миледи. Если помните, в шесть лет я собиралась стать следующей королевой Англии, правящей, разумеется, единолично. И все мы знаем, что это тоже невозможно.

Леди Лайон засмеялась:

- О, это было такое зрелище! В особенности если учесть, что король Георг только что

короновался, а вы, шестилетняя крошка, претендовали на его трон! Видели бы вы ее, мистер Маккиннон.

Дуглас с упоением представил себе Элизабет – высокую, худенькую, с рыже-золотыми волосами, стоящую перед королем в парике и объявляющую себя второй королевой-девственницей, в то время как ее мать пребывает в ужасе от происходящего.

- Не пора ли нам поужинать? – предложила леди Лайон.

Обе пары отправились в просторную столовую, где стояла изящная резная мебель красного дерева. Фарфор и серебро сверкали в пламени свечей. Стены украшали картины в позолоченных рамах, а в массивном камине пылал огонь. Судя по обстановке, можно было подумать, что находишься в загородном доме, а вовсе не в суровом военном укреплении в горной Шотландии.

Когда все уселись, два лакея в ливреях и пудренных париках подали обильное угощение: суп из моллюсков, жареную курицу с овощами и, наконец, кисло-сладкий крыжовенный пудинг.

После недели питания кашей, лепешками и тушеным мясом эта трапеза показалась гостям настоящим пиршеством.

- У вас есть родственники на острове Скай, мистер Маккиннон?

Вопрос леди Лайон застал Дугласа врасплох.

- У меня есть брат, Йен, хотя, насколько я знаю, он пал среди многих при Куллодене.

Вдруг Дугласу пришло в голову, что, как ни маловероятно, но сейчас он вполне мог сидеть за одним столом с человеком, который застрелил его брата. Йен, как и полковник, был на том далеком гибельном болоте, и они сражались друг против друга. Вероятно, выражение глаз Дугласа не ускользнуло от внимания Лайона. При упоминании об ужасной битве его глаза затуманились, и на лице отразилось некоторое напряжение.

Леди Лайон попыталась прервать внезапное молчание:

- Мы сожалеем о вашей потере, мистер Маккиннон. Я тоже не так давно потеряла брата. Хотя он был убит на дуэли, но он защищал то, что считал правильным.

По ее глазам Дуглас понял, что она говорит совершенно искренне.

- Благодарю вас, миледи.

Остаток вечера прошел довольно приятно. Джентльмены, расположившись у огня, распили бутылку портвейна. Леди Лайон пела, а Элизабет играла на фортепьяно. Дуглас обнаружил, что она искусная пианистка: ее пальцы бегло двигались, исполняя сложный пассаж. Ее волосы блестели в свете свечей, она сосредоточенно склонилась к клавишам, изящная, как статуэтка.

Когда начали мигать догоравшие свечи и внезапно пробило час ночи, полковник Лайон встал и сделал знак жене.

Та пригласила:

- Пойдемте, Элизабет и мистер Маккиннон, я покажу вам вашу комнату.

Она привела их в маленькую комнату, в которой помещалась только двуспальная кровать. Там не было даже камина.

- К сожалению, это то, что я могу вам предложить. В форте нет условий для приема гостей, приходится приноравливаться к обстоятельствам. Вы молодожены, так что, я думаю, не станете возражать против тесноты. Вряд ли в трактире вам могли бы предложить комнату получше. Здесь чисто и нет никаких насекомых. Увидимся за завтраком, дорогая. Доброй ночи, мистер Маккиннон.

С этими словами она повернулась и закрыла за собой дверь.

- А где же вы будете спать? - спросила Элизабет, едва они остались одни.

Дуглас дерзко посмотрел на нее:

- В постели, мисс.

- Со мной?

- Если только вы не собираетесь спать вот на этой узкой полоске холодного каменного пола. Я провел неделю в седле, спал где придется. Такой пол меня доконает. Ну что же, вы так и будете стоять, разинув рот, пока я разденусь?

- Разденетесь?

- Ну да. - Он стянул с себя рубашку. - Я сплю безо всего. Если вас оскорбляет зрелище мужского тела, погасите свет и ложитесь в постель немедленно. - И он хотел было расстегнуть свои бриджи.

Элизабет молниеносно задула свечу и забралась в постель.

Комната погрузилась во мрак. Единственное маленькое окошко почти не пропускало лунный свет. Дуглас снял одежду, ощупью нашел кровать и опустился на нее. Элизабет лежала, не шевелясь, откатившись как можно дальше к противоположному краю, рискуя свалиться между кроватью и стеной.

Она молчала, но он слышал ее учащенное дыхание: девушка была так потрясена тем, что находится совсем рядом с обнаженным мужчиной, что даже забыла о своем страхе темноты.

Дуглас закрыл глаза и уснул.

Глава 13

На следующее утро Элизабет проснулась рано и обнаружила, что ее щека упирается в плечо Дугласа. Плечо было горячее, гладкое и крепкое. Когда она протерла глаза, то при слабом свете, проникавшем в маленькое оконце, смогла очень хорошо рассмотреть его губы.

Горец спал спокойно, почти не дыша. Элизабет не стала вставать, а лежала тихо, пристально разглядывая его лицо: подбородок, орлиный нос, густые ресницы, спокойно лежащие на щеках. Хотя она никогда не признавалась вслух, но это лицо было красиво, гораздо красивее, чем ей показалось поначалу. Волосы были на самом деле не черными, как смоль, а скорее темного орехового цвета. Упрямый завиток падал на глаза. Она подняла руку и убрала волосы со лба Дугласа. Заметила под подбородком маленький белый шрам, давно заживший, похожий на

букву «С». Элизабет потрогала шрам кончиком пальца, обвела его очертания, задумавшись о том, какая детская проказа могла оставить такую отметину.

Поскольку Дуглас не пошевелился от ее прикосновения, Элизабет придвинулась ближе, рассматривая его рот, очертания и полноту его губ, ямочку на подбородке. Она вспомнила, как ее сестра Матильда вздохнула, впервые увидев шотландца, и заметила, что у него чувственный рот. Очевидно, Матти проводит слишком много времени за чтением романтических стихотворений.

Взгляд Элизабет переместился на мускулистую шею, на плечи и могучий торс, сужающийся книзу, к выпуклой диафрагме, прикрытой простыней. Она смотрела, как медленно вздымается и опадает его грудь. Интересно, снится ли ему что-нибудь? А если снится, то что именно?

Она легонько провела пальцем по его руке к груди, радуясь, что он спит так крепко. Девушка даже не заметила, что прикасается к горцу уже не пальцами, а губами, пробует на вкус соленую кожу его подбородка, вдыхает его запах. Оказывается, она способна на такое, а он ни о чем не догадывается. Мысль об этом подействовала на нее возбуждающе.

Наверное, единственный раз в жизни ей доведется лежать так близко к живому спящему мужчине. Когда пройдут условленные два месяца и она вернется в Англию, где проживет всю жизнь, она никогда не выйдет замуж, и, стало быть, ей не суждено просыпаться в постели рядом с мужчиной.

Да, она изучала анатомию, она знает строение мужского тела во всех подробностях. Но лежать так близко к мужчине, когда тебя окружает исходящий от него мощный жар, гораздо интересней, чем любая книга.

Книга - это всего лишь бумага и чернила.

А это все происходит на самом деле.

И он настоящий.

Он видел ее нагишом, когда она уснула в лохани. Разве не справедливо, что ей, в свою очередь, выпал случай увидеть его?

Элизабет начала потихоньку приподнимать простыню...

Мгновение спустя она лежала на спине, пригвожденная к кровати тем, кто был ее мужем, совершенно обнаженным мужчиной.

- Я только...

Он не дал ей продолжать, накрыв ее губы своими. Он завладел ею, он поглотил ее и ошеломил, поймал в ловушку своими губами и всем телом, дразнил все ее чувства, которые ее не слушались.

Она возбудилась, трепеща всем телом. Его вкус и запах завладели ее сознанием, и когда она ощутила его язык у себя во рту, то отпрянула в испуге, но потом подчинилась незнакомому ощущению, его волнующей новизне и ответила на поцелуй.

Она чувствовала, как его крепкие бедра прижимаются к ней, но хотела большего. Только когда он отодвинулся, прервав поцелуй, чувства, которые вихрем охватили ее, начали ослабевать.

Резко, неотвратно вернулся дневной свет. Наконец она нашла в себе силы открыть глаза - и встретила с его внимательным взглядом. В них она увидела желание, которое испытывает мужчина к женщине. И она поняла, что желанна ему, поняла это всей душой.

Но в его глазах она увидела и нечто иное и осознала, что продолжения не будет.

- Не стоило начинать того, чего вы не собирались доводить до конца.

Его голос звучал низко и волновал ее. Нужно было что-то сказать, но она как язык проглотила.

Элизабет, которая славилась хорошо подвешенным язычком и откровенностью суждений, сейчас ничего не приходило на ум. Она опять закрыла глаза и притворилась спящей. Это единственное, что ей оставалось.

Потом она услышала, как кровать под ней заскрипела - Дуглас встал. Она лежала не шевелясь, ей хотелось, чтобы он ушел, хотелось забыть то, что недавно произошло. Она слышала, как он одевается, ходит по комнате.

- Паром скоро отходит.

Она ничего не ответила.

- Я подожду вас на улице.

Элизабет повременила, пока не услышала, как за ним закрылась дверь, а потом снова открыла глаза. Униженная, она уставилась в потолок.

Что это на нее вдруг нашло? Зачем она его разглядывала? Зачем ей вздумалось к нему прикасаться? Ведь она - дочь герцога Сьюдли, а не простая шлюха. Всю жизнь она была полна твердой решимости ни в коем случае не разрешать своему сердцу или телу подпасть под власть мужчины. Стоит только поддаться порыву, как становишься уязвимой, а значит, слабой. Она поняла это, изучая биографии женщин, живших в самые разные исторические эпохи.

Элизабет выросла среди английских аристократов, в окружении графов, герцогов и даже принцев королевской крови. В самом раннем возрасте она начала интересоваться, почему случилось так, что женщины из ее окружения утратили свою свободу и индивидуальность, не говоря уж о праве на какую-либо собственность, которое они теряют с замужеством.

Элизабет была свидетельницей того, как знакомые ее матери, женщины благородного происхождения, превращались чуть ли не в нищих, полностью зависимых от покладистости мужа. Если тот оказывался человеком прижимистым, леди не могла купить себе даже книгу или перьев, чтобы писать письма. Ей приходилось просить разрешения приобрести эти мелочи, и даже той, которая принесла мужу солидное приданое, могла угрожать долговая тюрьма еще до появления на свет ее первого ребенка в том случае, если ее муж имел склонность к пьянству или азартным играм...

Леди Уолфтон, ближайшая наперсница герцогини, сострила как-то за чаем, что, выйдя замуж, была гораздо в более дружеских отношениях со своей модисткой, нежели с мужем-графом. Маркиза Терстон, в роду которой имелась целая вереница выдающихся предков, была вынуждена бежать вместе с детьми под покровом ночи во Францию, после того, как лорд Терстон проиграл в кости их особняк, состояние и даже прекрасный выездной экипаж.

И Элизабет очень рано решила, что никогда не позволит себе оказаться в подобном

положении. Она сама будет распоряжаться своей судьбой. И самым простым способом достижения этого было избегать той единственной опасности, жертвами которой стали многие женщины до нее.

Элизабет поклялась никогда не влюбляться.

Но это было до того, как Дуглас Даб Маккиннон вошел в ее жизнь.

Два часа спустя Дуглас и Элизабет сели на маленький паром, который должен был перевезти их на остров Скай.

Когда они стояли на пристани, зеленые берега острова Скай, тонувшие в нежной утренней дымке, представлялись такими близкими, что, казалось, достаточно сделать прыжок через пролив - и ты там. На самом же деле, сказал Элизабет сморщенный старик паромщик, расстояние достаточно велико.

Пока они плыли, Дуглас коротал время, болтая с паромщиком на гэльском. Элизабет, хотя и не понимала их разговора, знала, что это не простая болтовня. Они разговаривали приглушенными голосами, а паромщик не раз бросал на нее настороженные взгляды.

Когда они прибыли на берег, их ненадолго задержал патруль береговой охраны. Но Дуглас предъявил выданную ему полковником охранную грамоту, и солдаты беспрепятственно их пропустили. Дуглас оставил Элизабет на каменном молу, служившем пристанью, и вскоре вернулся с тремя крепенькими пони.

- До вашей фермы еще далеко? - спросила она.

Ей уже не терпелось добраться до конечной цели их путешествия и отдохнуть после долгого пути. Кроме того, девушка надеялась, что ей больше не придется делить постель с горцем.

- Мы скоро будем на месте, - ответил Дуглас, грузивший вещи на одного из пони.

Они пустились в путь среди поросших вереском холмов. По тропе гуртовщики обычно гнали к берегу скот. Она была едва заметна, но Дуглас знал здесь каждый поворот, каждый склон, хотя порой тропа почти совсем терялась среди камней.

Настороженность, которая не покидала Дугласа на всем их пути через Хайленды, теперь, на его родном острове, несколько ослабла. Он расслабился в седле и поводья держал не так крепко, как раньше. Их путь лежал к виднеющимся вдали лесистым огромным скалам.

Элизабет заметила, что встречные - будь то рыбаки на берегу или фермеры в долине, - все знали Дугласа в лицо. Они приветствовали его по-гэльски, а на нее посматривали с любопытством и подозрением. Она обшаривала взглядом окружающие холмы в поисках места, которое станет ее домом. Когда они добрались до долины, через которую пробегал бурный ручей, пошел мелкий дождик, заставивший Элизабет накинуть на голову капюшон. Из нависших облаков донесся тихий раскат грома, напугав двух кроншнепов, вылетевших из высокой травы. Поднявшийся вдруг ветер устремился им навстречу по склону голого безлесного холма.

Вскоре Элизабет заметила одинокую каменную крепость с высокими башнями на каждом углу.

- Что за замок?

- Это Дьюнакен, - ответил Дуглас. - Обиталище главы клана Маккиннонов.

- Маккиннонов? Значит ли это, что мы подъезжаем к ферме?

- Да, мисс. Уже недолго осталось.

Дуглас подумал о том, что, обвенчаясь он с Элизабет при иных обстоятельствах, он привез бы ее в эту уединенную крепость, как на протяжении веков это делали Маккинноны. В глубине души он сожалел, что время изменилось. Когда герцог впервые поделился с Дугласом своими замыслами касательно Элизабет, Дуглас очень рассердился оттого, что его заманили в ловушку, заставив вступить в брак, которого он никогда не хотел. Но еще больше его злило то, что нельзя сразу же выпутаться из сетей, в которых он запутался. Он никак не ожидал, что Элизабет преодолет весь трудный путь до острова Скай. Дуглас думал, что, проехав несколько миль, она начнет хныкать и попросит отвезти ее обратно.

Но этого не произошло.

Девушка вынесла все тяготы более чем недельной поездки верхом по гористой местности, и он ни разу не слышал от нее жалобы. Она выдержала все - дождь, укусы мошкары, угрозу быть обесчещенной - и не сдалась. Такое оказалось бы не под силу очень многим мужчинам. А ведь она могла бы превратить поездку в сущий ад для него, но не сделала этого. И теперь задача, стоящая перед Дугласом, казалась ему не такой привлекательной.

- Приехали, сударыня.

Дождь перестал, тучи неслись над холмами, роняя на долину последние капли, блестящие под солнцем. Ветер принес смешанные запахи вереска и дождя, морских водорослей и торфа. Где-то за холмами море тихо билось о берег.

Дуглас смотрел, как Элизабет скинула капюшон и огляделась.

Сначала она даже не заметила неприглядного жилища. И немудрено: оно было из того же песчаника, что и голый склон холма, к которому оно прилепилось. Торфяная крыша низко нависала над ним так, что, не будь маленьких окошек и двери, домишко совершенно потерялся бы среди окружающей местности. Поскольку никакого другого жилья поблизости не было, Элизабет еще раз внимательно оглядела дом.

Как девушка ни старалась, но глаза ее выдали, и Дуглас это заметил.

Ребенком горец жил в этом доме, бегал по этой долине, играл вместе с Родериком и Йеном. Они часто представляли в лицах сказания о великих героях, некогда ступавших по окрестным холмам. Но сейчас, впервые в жизни, Дуглас внезапно увидел дом своего детства глазами человека, никогда не знавшего нужды, жившего в роскоши и безделье.

Элизабет здесь не задержится, это уж как пить дать. Даже два месяца не протянет. Понравится это герцогу или нет, но Дуглас понял, что нужно сказать ей всю правду:

- Элизабет, я...

Она повернулась и посмотрела на него. Вид у нее был решительный и энергичный.

- А где мы поставим пони?

Дуглас посмотрел на нее, сбитый с толку.

- За домом есть коровник, но право же, мисс...

- Мне самой позаботиться о пони? Судя по всему, эти два месяца мы будем все делать сами.

И тут Дуглас понял, что эта женщина готова пройти через все, лишь бы выполнить договор с герцогом. Она слишком ценила свободу.

- Я позабочусь о пони. Вы просто бросьте поводья. Он не убежит.

Элизабет кивнула:

- Тогда я готова взглянуть на свой новый дом.

Девушка подождала, пока Дуглас не спешился и не подошел помочь ей сойти с пони. Он осторожно обхватил ее за талию и поставил перед собой на землю. С того утра, когда он проснулся и обнаружил, что она к нему прикасается, они впервые оказались так близко друг от друга. Он почувствовал, как она напряглась при его прикосновении, и нахмурился.

Они пошли к домику по извилистой тропинке, которую Дуглас еще мальчишкой прорубал в камне несчетное количество раз. Внезапно Элизабет остановилась как вкопанная.

Нет, это уж слишком. И, честно говоря, он не мог ее ни в чем винить.

- Мисс...

- На крыше дома стоит коза!

Дуглас увидел на самом верху торфяной крыши козочку, с довольным видом жующую дернину.

- Truis! - по-гэльски крикнул Дуглас, чтобы прогнать животное.

Козочка посмотрела на него и издала жалобное «ме-е».

Дуглас взглянул на Элизабет.

- Она вольная птица. Приходит, когда захочет. Давайте войдем в дом. Кажется, снова собирается дождь.

Внутри было на удивление чисто, аккуратно и опрятно. На постели лежали свежие простыни. На полках стояло все необходимое: мука, чай, сахар.

Посреди комнаты на полу стояли сундуки Элизабет. Лодка, на которой их отправили, видимо, благополучно добралась до Дьюнакена, поскольку вместе с багажом Дуглас послал письмо своей приемной матери Эйтни с просьбой приготовить дом к их приезду. Он беспокоился, что на море лодку могут перехватить английские суда, патрулирующие у островов. Именно поэтому он настоял, чтобы они с Элизабет добирались по суше.

Элизабет стояла над сундуками, хмуро скривившись.

- Что-нибудь случилось?

- Да, одного сундука не хватает.

- Вы уверены?

Открыв оба сундука, она порылась в стопках белья и одежды.

- Здесь нет моих книг. - Она посмотрела на него в явном смятении. - Дуглас, я сама сложила их вместе с писчей бумагой и перьями в маленький сундучок. И его здесь нет.

Дуглас пожал плечами:

- Ну, в конце-то концов это всего лишь книги, а не платья.

- Всего лишь книги? - Она круто повернулась к нему. - О платьях я не стала бы беспокоиться. Мои книги... они для меня важнее, чем куча кружев и шелка! Они для меня все - и вот они пропали!

Дуглас испугался, что она заплачет. Он никогда еще не встречал женщины, тем более англичанки, смысл жизни которой не заключался бы в модных тряпках. Они только и могут, что трещать о них.

Но с Элизабет все иначе. Было ясно, что потеря книг для нее - настоящее огорчение.

- Я пойду узнаю, что случилось с сундуком, - сказал он. - Может, его еще не принесли.

- Хорошо. - Ее лицо мгновенно посветлело. - Он был очень тяжелый. Может быть, понадобилась повозка, чтобы доставить его, и они не успели. Вы правы, Дуглас. Благодарю вас. И буду весьма вам признательна, если вы что-нибудь узнаете. - И она посмотрела на него. - Немедленно.

- Немедленно?

Элизабет кивнула.

- Но ведь на улице дождь...

Она нахмурилась:

- Час назад дождь не помешал вам ехать по долине.

Дуглас глубоко вздохнул, чтобы не сорваться. Он был не в настроении с ней спорить.

- Иду. Все равно нужно дать знать о нашем благополучном прибытии.

- А я приготовлю чай и разложу одежду. - Она взглянула на свои вещи, разбросанные по всей комнате, когда она рылась в сундуках в поисках книг.

Перед уходом Дуглас быстро разжег огонь в очаге и повесил котелок на крючок над огнем, чтобы вода вскипела. Порывшись в стенном шкафу, он достал оловянную чашку и ложку. Потом он вышел из дому. Девушка осталась одна.

- Нас преследовал морской патруль, лэрд. По крайней мере шестнадцать ружей. Ничего не оставалось, как бросить сундук за борт. Они были слишком тяжелыми для такой маленькой лодки, все эти книги. Сундук тянул нас книзу.

Сидя в свете потрескивающего огня в своем кабинете в Дьюнакене, Дуглас кивнул Томасу Маккиннону, который с раздражением докладывал ему о причинах того, почему его команда бросила сундук в морскую пучину. В противном случае их наверняка схватил бы английский патруль, и скорее всего тогда им тюрьмы было не миновать.

Разумеется, это ничуть не упрощало Дугласу задачу рассказать обо всем Элизабет.

- Ты что-нибудь слышал о других?

Томас уселся на стул рядом с Дугласом.

- Макдональд из Данвегана сообщает, что принц перебирается с острова на остров. Ходят слухи, что его видели на Бенбекьюле, Льюисе, даже на Уисте. Пролив кишит сакскими судами, которые пытаются схватить принца. Они устраивают налеты на владения всех кланов, принимавших участие в мятеже, в надежде схватить его. Но то, что они сделали на Рааси, ужасно!

- Что со старым Маклеодом?

- Нет, они его не убили. Его там не было, когда они разоряли остров. Они погубили весь скот. Сожгли все, от замка до последней лачуги. Они насильовали женщин, лэрд, и девушек, и кормящих матерей, и убивали всякого, кто пытался им противиться. Они думали, что это заставит кого-нибудь выдать принца. Им страсть как хочется его схватить.

При этой новости у Дугласа внутри все сжалось. Маккинноны и Маклеоды с Рааси были в родстве. Его дядя, Йен Даб, глава клана Маккиннонов, был женат вторым браком на Дженет, дочери Маклеода с Рааси. Таким образом, оскорбление, нанесенное Маклеодам, являлось оскорблением и для Маккиннонов.

- Кто отдал приказ?

- Какой-то капитан Фергюссон с корабля королевского «Горделивого». Они сожгли Рааси-Хаус, замок Брохел, уничтожали любого, кто попадался на дороге. За ними вслед напали ополченцы, которые просто dokonчили дело. Они шарят по островам, лэрд, Еще немного - и они явятся в Дьюнакен, чтобы подвергнуть его той же участи.

- Они увидят, что обитатели Дьюнакена не столь беспомощны, как на Рааси.

Дуглас посмотрел в огонь, зная, какой следующий вопрос он задаст, и боясь ответа.

- Что слышно о моем брате?

- Пока ничего. Но молодого Йена не было при Куллодене, лэрд.

Это сообщение удивило Дугласа.

- Как так?

- Я слышал, что Йена послали на север с отрядом Маккиннонов на подмогу частям Кромарти, ищущим золото якобитов. Восстание было подавлено задолго до того, как они об этом узнали.

- А мой дядя?

- Йен Даб был среди других вождей кланов, которые пытались снова собрать силы после

Куллодена. Принц уже решил отказаться от сопротивления и советовал каждому спастись, как может. Мне сказали, что ваш дядя вернулся домой в Килмари две недели тому назад.

Дуглас закрыл глаза. Его брат жив, а дядя вернулся на остров Скай. Он единственный, кто может знать, где скрывается Йен. Он посмотрел на Томаса:

- Завтра едем в Килмари. Пора мне поговорить с дядей.

Глава 14

На другое утро Элизабет заметила, что Дуглас собирается в дорогу.

- Мы куда-нибудь едем? - Она только что ходила в коровник за лоханью. Девушка отдала бы что угодно за возможность помыться, но ничего не нашла и надеялась, что Дуглас ей поможет. Ведь стирают же здесь в чем-то белье. Впрочем, сгодится и большое ведро. Она молча смотрела, как он собирает вещи при тусклом свете утра.

Горец опоясался мечом и набросил на плечи куртку.

- Сегодня мне придется съездить на другой конец острова. Я вернусь к концу дня. А вы оставайтесь здесь.

- К концу дня? - В маленьком оконце едва брезжил свет. Солнце еще только-только вставало. - Но день еще даже не начался.

Дуглас выпил чаю из оловянной чашки, стоявшей перед ним на столе.

- Я собирался выехать еще до восхода солнца, но заспался.

- Вы оставляете меня здесь... одну? А что я буду делать в ваше отсутствие? - спросила она. - Книг у меня нет, перьев и бумаги тоже. Я даже не могу написать своим и успокоить их, сообщив, что мы благополучно добрались до места.

Дуглас посмотрел на нее, и его голос зазвучал мягче:

- Я очень сожалею о потере ваших вещей, мисс. Как я сказан вам вчера вечером, это было неизбежно. Люди сделали, что могли, чтобы сохранить их, но под конец им пришлось спастись самих себя. Не могу же я нырнуть на дно пролива и достать их. Это вам не Эдинбург и не Лондон. Книги здесь редкость, и достать новые прямо сейчас непросто.

Элизабет молча смотрела на него.

Наконец Дуглас вздохнул:

- Я постараюсь достать немного бумаги и перьев, так что когда я вернусь, вы сможете написать своим родным. Пока же... - Он оглядел коттедж и указал на метлу из прутьев, стоявшую у голой каменной стены, - пока вы, может быть, подметете пол?

- Подмету пол?.. - С таким же успехом он мог предложить ей написать картину. - Но ведь это земляной пол! Вы хотите, чтобы я подмела земляной пол?

- Ну да.

Элизабет уставилась на него.

- Вы что же, и впрямь не понимаете вздорности вашего предложения?

Дуглас невозмутимо пожал плечами.

- Ну, нет так нет, но вы, конечно же, найдете чем себя занять. С хозяйством всегда хлопот по горло.

Он взял пистолет, надел свою шляпу с кокардой и направился к двери.

- Я поставил чайник на огонь, - бросил он через плечо, - но вот молоко вам придется добыть самой. В буфете есть мука и немного сыру, а за дверью - топливо для очага. Не ждите меня к ужину. Я скорее всего вернусь завтра поутру.

Элизабет стояла, онемев от неожиданности, и смотрела на Дугласа, пока он не вышел. Даже после его ухода она продолжала еще стоять некоторое время посреди комнаты, глядя на закрытую дверь в полном недоумении.

Ужин. Неужели он полагал, что она сама приготовит ужин?

Он, конечно, шутил. Элизабет только однажды сунула голову на кухню и спросила у кухарки чаю, поскольку поблизости не оказалось никого из слуг. Нога Элизабет никогда в жизни не ступала на кухню Дрейтон-Холла. Это была жаркая и дымная комната, похожая на пещеру, наполненная разнородными запахами, шумом и суетой. В конце концов, она - Элизабет из Дрейтон-Холла, знатная и утонченная леди. Она - дочь самого могущественного герцога Англии...

А еще она жена хайлендского скотовода, по крайней мере будет таковой целых два месяца.

Элизабет подумала об отце, о том, как он отказался немедленно расторгнуть ее брак, потому что надеялся научить ее уму-разуму, научить быть женой. Откровенно говоря, когда он предложил ей прожить два месяца с Дугласом в обмен на свободу, она просто не подумала о том, что значит быть женой. Исходя из опыта, который она усвоила за свои двадцать четыре года жизни, глядя на мать, Элизабет поняла, что жена в основном занимается рукоделием, прогуливается по саду, объезжает свои владения и милостиво беседует с арендаторами. Жена к тому же была обязана давать указания прислуге и с приятностью улыбаться, говоря «да, дорогой», когда отец бывал не в духе. Такова была роль жены герцога.

- Но ведь я не жена герцога, верно? - громко спросила она самое себя. - Я жена простого шотландца, а это совсем иное.

Элизабет заметила, что из носика чайника бьет пар, и сняла его с крючка железными щипцами. Что-что, а чай, подумала Элизабет, она может приготовить без труда. Она готовит, разливает и пьет чай с тех пор, как ей исполнилось пять лет.

Элизабет отыскала коробку с чаем и ложку для заварки. Она пошарила в буфете в поисках чего-либо съестного и нашла небольшой мешочек с мукой, но она не имела ни малейшего понятия, что с ней делать. Ей представилось, что муку нужно с чем-нибудь смешать - с молоком или водой, - но в эту минуту она вовсе не собиралась этим заниматься. Единственное, что она нашла, кроме муки, был кусочек сыра, завернутый в тряпицу.

Элизабет огляделась в поисках молока, с которым обычно пила чай, но потом вспомнила:

Дуглас сказал, что молоко ей придется раздобыть самой. Где? Может быть, где-то снаружи стоит кувшин? Элизабет, накинув шерстяной плед на плечи, быстро вышла из дома.

Сырой воздух был пропитан испарениями земли и соленой морской воды. Откуда-то донеслось кукование кукушки, и знакомая песенка эхом отозвалась по всей тихой долине.

Как странно, подумала Элизабет, что за несколько сотен миль отсюда целая армия садовников работает денно и нощно, обрезая, подстригая и придавая форму растениям, чтобы получился сад, состоящий из прямых линий и углов. А здесь, на этом диком приволье, на обрывистом холме, где духи древних воинов и хищных зверей одинаково чувствуют себя как дома, разные цветы растут вперемешку друг с другом...

Связав узлом концы пледа, Элизабет принялась искать молоко, но не нашла ничего, даже отдаленно напоминающего кувшин. Она обогнула дом и увидела маленький загон, сложенный из камней, посреди загона стояла мохнатая рыжая корова.

Элизабет заморгала, глядя на корову.

Та в ответ тоже взглянула на девушку и испустила очень жалобное мычание.

Тут-то Элизабет и поняла, что имел в виду Дуглас, сказав, что ей самой придется добыть для себя молока.

Он полагал, что она подоит корову.

Элизабет вполне могла выпить чаю без молока. Поначалу она даже собралась уходить. Вряд ли молоко стоит таких усилий. Но когда она направилась назад к дому, у нее мелькнула мысль, уж не нарочно ли Дуглас предложил ей самой раздобыть молока? Не бросил ли он ей вызов, полагая, что вряд ли она способна справиться даже с таким простым делом, как дойка.

И она преисполнилась решимости подоить корову. Интересно, что скажет Дуглас, когда вернется и увидит ведра, полные молока?

Трудно ли это - подоить корову?

Когда Элизабет подошла к рыжухе, та бросила на нее любопытный взгляд, потом опустила голову и продолжила завтракать небольшой охапкой травы, лежащей у ее ног. Однако чем ближе подходила Элизабет к мохнатой животине, тем меньше уверенности она испытывала.

Что именно ей нужно делать? Она никогда в жизни не видела, как доят коров, правда, читала об этом в книгах по сельскому хозяйству. Нужно ли сначала познакомиться с коровой? Предложить ей что-нибудь поесть? Элизабет остановилась в нескольких шагах от животного и робко протянула руку в знак приветствия.

- Доброе утро, - сказала она, настороженно глядя на рыжуху. - Не обращай на меня внимания. Завтракай себе на здоровье, а я присяду вот здесь, рядом...

Элизабет поставила ведро на землю, прямо под распухшее коровье вымя. Она не была настолько несведуща, чтобы полагать, что этого достаточно. В конце концов, даже чтобы добыть воду из колодца, над опустить туда ведро. Поэтому она согнула стан и протянула руку, стараясь не упасть вперед, и...

Элизабет взвизгнула, потому что корова махнула своим гибким хвостом и ударила ее прямо по

щеке.

Внезапно позади Элизабет послышалось сдавленное «ме-е». Девушка обернулась и увидела ту самую козу, что вчера жевала дерн на крыше. Теперь она стояла в нескольких ярдах от нее под навесом коровника. Коза была белая, один рог у нее был короче другого, с кудлатой бородой и обвислыми ушами. И хотя разум говорил Элизабет, что этого не бывает, но она могла поклясться, что проклятая тварь ухмыляется.

- Полагаю, ты могла бы этого не делать, - пробормотала Элизабет, собираясь снова повернуться к корове и сделать еще одну попытку, как вдруг заметила у стены низкую деревянную скамейку. Это, конечно, несколько облегчит ее задачу, и Элизабет пошла за скамейкой, бросив на козу язвительный взгляд.

- Ты думаешь, я поверю, что ты хотела мне сказать, где стоит скамейка?

Коза согласно моргнула:

- Ме-е!

- Ах, да замолчи же!

Элизабет со скамейкой в руках пошла к корове, но оказалось, что та уже перешла на другое место, опрокинув при этом ведро.

Подхватив ведро и сунув под мышку скамейку, Элизабет двинулась к корове, приподняв юбки и осторожно ступая по клочкастой траве. Подойдя к скотине, девушка опять поставила ведро ей под брюхо, поместила рядом скамейку, потом попыталась опуститься на нее, что было нелегкой задачей из-за кринолина. Но она не собиралась сдаваться. О нет. Пока еще нет.

После нескольких весьма неуклюжих попыток, от которых у ее матушки начался бы нервический припадок, Элизабет наконец уселась на скамейку. Юбки ее сбились на одну сторону, раздувшись, как воздушное печенье. А когда она протянула руку к корове, та перенесла тяжесть тела на бок и сшибла при этом Элизабет со скамейки. Девушка шлепнулась на землю, а ее взбившиеся нижние юбки издали нечто вроде «пуфф».

Элизабет крепко стиснула челюсти, с трудом удерживаясь от проклятий. Лицо ее вспыхнуло. Она смотрела, как корова иноходью пошла прочь, оставив позади и ее, и совершенно пустое ведро.

- Ме-е!

Элизабет устремила на козу испепеляющий взгляд. Та подошла поближе, но все еще оставалась вне пределов досягаемости.

- Ступай на крышу и оставь меня в покое!

Прошло полчаса и еще три неудачные попытки. Потом Элизабет удалось отыскать веревку, накинуть мертвую петлю на шею корове и привязать ее к дереву. Юбки у нее перепачкались, волосы рассыпались по плечам, но никогда еще она не была преисполнена решимости во что бы то ни стало добиться своего.

На этот раз с легкостью опустившись на табурет, Элизабет обеими руками потянулась к вымени. Она крепко ухватила сосок, глубоко втянула воздух и с силой потянула его разок,

потом другой...

И тут снова у нее за спиной раздалось знакомое блеяние.

Элизабет молча прислонилась головой к коровьему боку, отчаянно стараясь не разреветься. Господи, она же образованная женщина. Она разбирается в латинских текстах и великолепно считает в уме. Так почему же, почему ей не удастся подоить какую-то противную корову?

- Попробуйте что-нибудь ей спеть, - раздался внезапно чей-то голос. - Это обычно всегда помогает, когда они запрямятся и не хотят давать молоко.

«Господи, прошу тебя, скажи, что это не коза разговаривает со мной».

Элизабет медленно подняла голову. Из-под навеса коровника к ней приближалась какая-то фигура. То была не коза, слава всем святым, а женщина по виду среднего возраста, с мягкими каштановыми волосами и приветливыми карими глазами, которые улыбались на изможденном заботами лице. Ее волосы, скрученные и уложенные надо лбом, прикрывало сзади что-то вроде белого платка. В руках она держала корзину. На ней была поношенная юбка из шотландки, из-под которой виднелись босые ноги.

- Здрасьте, - сказала женщина с улыбкой, легко ступая по кочковатому выгону. - Я Эйтни Маккиннон.

Голос у нее звучал мягко и ласково, таким голосом хорошо поддержать в горе плачущего ребенка. Элизабет он, конечно же, тоже утешил.

- Вы, наверное, мать Родерика? - Элизабет поймала себя на том, что эта маленькая женщина с добрым лицом очень похожа на того молодого человека, которого они встретили в тракторе.

- Она самая. И приемная мать Дугласа.

- Я Элизабет, жена Дугласа.

- Неужто? - Теперь женщина смотрела на нее с любопытством. - А я вот пришла поглядеть, как вы тут устроились. Принесла кое-что, может, понадобится. - Она посмотрела на дом. - А Дугласа нет?

- Он сказал, что ему нужно съездить на другой конец острова. Он не обещал вернуться сегодня.

Эйтни покачала головой и тихонько прищелкнула языком.

- Мякина у него в голове, вот что. Оставить вас одну! И поговорить-то не с кем, разве что с коровой.

Коза, жующая конец веревки, подняла голову и протестующе заблеяла.

- Tuis! - крикнула Эйтни.

Это было то же самое слово, с которым уже обращался к козе Дуглас. Коза заблеяла еще громче, а потом потрусилась к коровнику, помахивая коротким хвостиком.

Эйтни подошла к Элизабет, все еще сидевшей рядом с коровой.

- Прежде чем вам удастся подоить эту славную леди, мисс, нужно получше с ней познакомиться. - Эйтни помогла Элизабет встать и потянула ее руку к лохматой коровьей голове: - Зовут ее Жимолость. - Эйтни положила раскрытую ладонь Элизабет на лоб коровы, а потом почесала скотину за ушами, приговаривая: - Tairis, милочка Жимми. Это хорошая девушка.

Корова подняла морду и фыркнула. Не обнаружив ничего съедобного, она снова опустила голову к траве.

- Чтобы подоить ее, лучше сесть с левого бока, вот так. - Эйтни скрестила ноги и без всяких усилий уселась на скамью, а потом прижалась лицом к коровьему боку и сунула руки ей под брюхо. Она ухватила сосок обеими руками и закрыла глаза, прижимаясь к теплому телу животного. Женщина тихонько напевала что-то о тучных зеленых лугах, где пасутся стада коров; о хрустально-чистых ручьях, из которых они пьют воду; о девушке, которая ждет свою любимицу у калитки.

Элизабет удивленно наблюдала, как молоко свободно струится по пальцам Эйтни, быстро падая на дно ведерка. Кончив петь, Эйтни повернулась к Элизабет:

- Теперь ваш черед попробовать.

Элизабет быстро отступила на шаг:

- О нет, я не знаю эту песню.

Эйтни засмеялась:

- Да ведь любая песенка подойдет, мисс. Просто звук вашего голоса убедит ее подоиться. Какую-нибудь песенку вы знаете? Ну, давайте, попытайтесь.

Элизабет нерешительно подошла к скамейке, но ей с ее юбками понадобилось гораздо больше времени усесться, чем Эйтни. Эйтни же с любопытством посмотрела на кринолин Элизабет, но промолчала. Она только уговорила ее прислониться щекой к коровьему боку и протянуть руки к ее вымени. Шкура коровы оказалась мягкой, а не жесткой, как казалась с виду. От животного приятно пахло травой и вереском, и бок, к которому прислонилась щека Элизабет, был теплый.

Заняв удобное положение, Элизабет закрыла глаза, глубоко вздохнула и запела старинную песенку, которую выучила еще в детстве...

Рыцарь чужеземный из земли полночной

к нам приехал, чтобы в жены взять меня,

и к себе, сказал он, в край чужой, полночный,

как жену он хочет увезти меня...

Когда Элизабет открыла глаза, она просто не поверила тому, что увидела.

- Она доится! Она дает молоко! Эйтни усмехнулась:

- Нет, девушка, это вы ее доите. И у вас очень хорошо выходит! Когда ведерко будет полное, у

нас будет не завтрак, а просто пир.

Вскоре Элизабет и Эйтни вместе шли через пастбище. В корзине лежали яйца от несушки, а в ведерке плескалось молоко. Они дружески беседовали, подходя к дому, а коза трусила рядом. Солнце уже стояло высоко в небе, омывая долину мягким светом. Щебетали птицы. Цвел вереск. В Хайленд пришло лето.

- Обычно в это время года мы, женщины, перегоняли овец на летние горные пастбища среди холмов. Пока нас здесь нет, на полях растет хлеб. Но в горах теперь рыщут королевские солдаты - ищут славного принца, так что мы держимся ближе к дому, так безопасней. Держим скотину здесь, внизу, и беспрерывно зима будет худая.

- А как вы думаете, принца поймают? - спросила Элизабет.

Эйтни мягко улыбнулась:

- Нет, ни в коем разе!

- По дороге сюда мы слышали, что тот, кто его выдаст, получит в награду тридцать тысяч фунтов. Тридцать тысяч - это очень много. С такими деньгами человеку не придется страдать от плохого урожая или холодной зимы.

- Но честь настоящего горца не покупается и не продается, мисс. Ни за какие деньги.

То же самое говорил ей Дуглас.

- Я бы пригласила вас выпить чаю, - сказала Элизабет, когда они вошли в низенькую дверь дома, - но думаю, что вода давно остыла.

Она жестом указала на стол, где с раннего утра стоял нетронутый чайник.

- Но ведь это очень просто поправить, мисс.

Элизабет смотрела, как Эйтни подошла к очагу и щипцами вытащила из огня маленький плоский камень. Она открыла крышку чайника и бросила в него камень, который тихо булькнул, опускаясь на дно.

- Вот вода быстренько и согреется. А теперь попробуем сварить кашу.

Элизабет взглянула на нее.

- Я не очень-то сведуща встряпне. И не умею варить кашу.

- И этот парень оставил вас на весь день голодной? - Эйтни покачала головой. - Идем, барышня, я научу вас варить кашу так, как учила меня матушка. Это просто, нужен только навык.

Спустя полчаса в котелке над огнем пузырилась вкусная каша, а на решетке испеклись круглые мягкие лепешки. Эйтни показала Элизабет, как снимать верхушки с молока при помощи раковины, в которой были проделаны дырочки, как насыпать муку горкой, налить в серединку молока, замесить тесто и испечь лепешки.

Эйтни принесла в корзинке крыжовенное варенье и свежее масло, и они вместе выпили целый чайник чаю. Женщина показала Элизабет, как едят кашу настоящие скотты.

- Берете полную ложку горячей каши и окунаете в миску с молоком, а потом кладете в рот. Тогда она бывает самая вкусная.

Элизабет проглотила ложку каши и закрыла глаза, потому что теплая овсянка усладила ее голодный желудок. Это было восхитительно. То небольшое, что оставалось, она отдала козе, блеющей у дверей.

Большую часть дня женщины занимались обычными делами по хозяйству. Эйтни объясняла, Элизабет во все вникала. Они сходили к ручью, который бежал позади фермы у подножия холма, и Эйтни показала девушке, как отмыть тарелки с помощью песка и веток. Пока кухонная утварь сохла на солнце, женщины набрали камыша для плетения корзин и других вещей, а также полевых цветов и трав, чтобы поставить в доме. Из картошки, морковки, капусты и сушеной пикши, которые Эйтни принесла с собой, они поставили вариться густой суп, медленно кипевший на огне до ужина. И все время Эйтни без умолку рассказывала о Дьюнакене и о детстве Дугласа.

- Ох, и упрямый же это был парнишка, - говорила Эйтни, разбирая чернильные орешки, которые они набрали, чтобы сварить из них чернила. Эйтни обещала показать Элизабет, как чинить гусиные перья для письма. - Тяжело ему было, уж это верно, потерять мать и отца совсем мальчонкой.

Поскольку Эйтни явно хотелось поговорить, Элизабет воспользовалась возможностью узнать побольше о шотландце.

- Значит, Дуглас не был якобитом в отличие от его брата Йена?

- Так уж было во время этого восстания, мисс: брат вставал на брата, клан шел на клан. Это больше всего тревожило Дугласа, потому что Маккинноны были верны шотландским королям сыздавна.

- Почему же Дуглас не выступил на стороне молодого претендента?

Хотела Эйтни защитить Дугласа или она просто не знала ответа, но она только улыбнулась и сказала:

- Об этом, мисс, лучше спросить самого Дугласа. Солнце клонилось к закату, когда Эйтни взяла наконец свою корзинку, явно собираясь домой.

- А вам непременно нужно идти? - спросила Элизабет. Ей очень понравилось, как они провели время, и вовсе не улыбалось остаться одной.

- Мне рано вставать, мисс, ведь завтра день стирки.

- А вы не... - Элизабет запнулась. - Вы не станете возражать, если я к вам присоединюсь?

- Разумеется, мисс. Я зайду за вами после завтрака.

И с этими словами Эйтни Маккиннон ушла.

Глава 15

Килмари-Хаус, остров Скай

Дуглас вошел в кабинет старшего брата своего отца, двадцать девятого тана их клана, Йена Даба Маккиннона из Стратхерда.

Его дядя сидел у высокого окна, выходящего на покрытую шрамами синюю базальтовую поверхность горы. Когда Дуглас вошел в кабинет, снаружи солнце сияло, а Йен Даб дремал. Очевидно, он уснул за чтением, потому что его седеющая голова склонилась к раскрытой книге, а подбородок опустился на грудь.

Этот человек заменил Дугласу отца, когда его изгнали из страны. Он научил племянника стрелять и владеть палашом. Он показал ему, что значит быть таном. Когда Дуглас оплакивал потерю матери и умершей в младенчестве сестры, Йен Даб был рядом. Он следил за обучением и воспитанием Дугласа. И, что гораздо важнее, он научил его хранить свою честь.

Горец кашлянул, и глава клана, вздрогнув, проснулся.

- Дуглас! - И старший в роде Маккиннонов встал и от всей души обнял племянника.

Восстание не прошло бесследно для главы клана. Дуглас видел его последний раз в тот день, когда его дядя отправился в Эдинбург, чтобы присоединиться к славному принцу. С тех пор он сильно постарел, события последних месяцев оставили заметные следы на его лице. Его синие глаза, как у всех Маккиннонов, теперь казались тусклыми, в них сквозила усталость.

- Рад видеть тебя, племянник.

- Это мне следовало бы так сказать, сэр. Я с огорчением узнал о поражении при Куллодене. Последнее, что я слышал: якобиты подошли к Дерби и вот-вот одержат победу. Я был в Лондоне и ждал, что войско принца с триумфом войдет в городские ворота. Просто невероятно, что события приняли такой оборот.

Йен Даб покачал головой.

- Это восстание не похоже на другие, Дуглас. Много пролилось крови. Столько потерь. Мы плохо к нему подготовились, нам давали плохие советы.

Дуглас серьезно кивнул.

- Есть ли надежда на новое объединение кланов?

Тан вернулся в свое кресло и указал Дугласу на соседнее.

- Все кончено. Дело было обречено с самого начала. Без французов мы ничего не смогли сделать. Я задержался после сражения, чтобы посмотреть, не выступят ли кланы снова сообща, но они не были к этому склонны. Тот, кто остался жив и не попал в плен к этому сыну мясника, ганноверцу, бежали с поля битвы от королевских войск, наступавших им на пятки.

- А что Йен? - спросил Дуглас. - Я слышал, что в тот день он был где-то в другом месте.

- Его не было при Куллодене, - подтвердил тан. - Я предвидел, чем все кончится, и поэтому послал его на север еще до того, как началось сражение.

- Значит, он в безопасности?

- Да.

- Где же он?

- На острове Скай. - Тан посмотрел на племянника. Он с легкостью прочел его мысли. - Он молод, Дуглас, и глуп, его голова набита всякими романтическими представлениями о битвах. Он не мог понять, почему тебя не было среди восставших. Он усмотрел в этом только предательство по отношению к нашему клану. Он сам не понимал, что говорит. Теперь он совсем другой человек, не такой, каким он был еще несколько месяцев назад.

Дуглас вспомнил о том, как он в последний раз видел младшего брата. Это было ранним туманным утром во дворе Дьюнакена. Брат был похож на юнца, собравшегося покорить весь мир, его меч сверкал, глаза были полны решимости. Он в последний раз просил старшего брата присоединиться к восставшим. Дуглас попытался объяснить причину своего отказа, но Йен ничего не хотел слышать. Дуглас никогда не забудет горьких слов, которыми они обменялись, когда ему пришлось принять самое трудное решение в своей жизни и не выступить вместе со своим кланом за дело принца.

- Мне предстоит иная битва, брат, - сказал тогда Дуглас. - Я должен вернуть принадлежащее нам с тобой по праву, то, что нам досталось в наследство от нашего отца.

Он поступил так ради Дьюнакена, их родового гнезда, ради памяти об отце, ради того, чтобы клан Маккиннонов не исчез с лица земли.

Но Йен Маккиннон не понял брата.

- Дьюнакен - всего лишь горы и привидения, - сказал он. - А честь - это то, что всегда с тобой.

В тот день Йен объявил, что Дуглас ему не брат, назвал его трусом и позором клана, а потом повернулся и ушел - навсегда, как был уверен Дуглас. Но не его слова с такой силой подействовали на Дугласа, а разочарование, промелькнувшее в глазах юноши, выросшего с убеждением, что его брат - герой.

Внезапный стук в дверь у него за спиной оторвал Дугласа от размышлений. Он обернулся. На мгновение у него мелькнула мысль, что это Йен.

Но он был разочарован, узнав нежданного гостя - Малкольма Маклина, тана Маклинов из Карсаига и своего будущего тестя.

Йен Даб поднялся.

- Маклин, приятно вас видеть. Как дела в Карсаиге?

Тан Маклин вошел в комнату с уверенностью человека, который осознает важность своей особы в этом мире. Он был тоже вождем, как и Дуглас, но правил своим кланом с помощью железного кулака, безжалостного клинка и каменного сердца. О том, что он зачастую улаживал споры кинжалом, а не разумом, свидетельствовало множество шрамов на его лице, руках и предплечьях. Его каштановые волосы, нечесанные и взлохмаченные, свисала на плечи, а глаза были всегда сужены, как у волка.

- Входите, садитесь, - сказал Маклину Йен Даб. - Выпейте бренди. Мы с Дугласом как раз навестывали за последние месяцы.

Маклин опустил в предложенное кресло, держа руку на рукояти меча. Он выпил бренди, вытер рот тыльной стороной ладони и устремил яростный взгляд на Дугласа.

- Чего вы сумели добиться на юге? Вам удалось получить аудиенцию у короля?

Дуглас с трудом удержался, чтобы не выказать свою неприязнь к этому человеку.

- В некотором роде да.

- Что вы имеете в виду, Маккиннон? Вернули вы себе права на Дьюнакен? - И, не дожидаясь ответа Дугласа, он немедленно повернулся к Йену Дабу: - Не будет никакой свадьбы, Маккиннон, а стало быть, и никакого союза между нашими кланами, если эта земля не будет возвращена Дугласу.

- Ну, Маклин, утишьте свой нрав...

- Таков был договор! - Он стукнул кулаком по столу и опрокинул свой стакан. - Я не отдам мою Мойру за безземельного щенка, у которого нет ничего, кроме ночного горшка...

- Мне не удалось добиться, чтобы меня выслушали в Кенсингтонском дворце, - прервал его Дуглас. - Но через два месяца я верну себе Дьюнакен и утраченный титул графа без всяких условий. - Он посмотрел на своего дядю. - Иным способом.

Маклина тут же охватила подозрительность.

- Что вы имеете в виду под «иным способом»? К чему такая таинственность, если мы вскоре породнимся?

При мысли о том, что этот человек станет его родичем, Дугласу стало тошно.

- Минуту, Маклин. - Йен Даб посмотрел на племянника, больше заинтригованный, нежели охваченный подозрениями при этом неожиданном заявлении. - Ты не хочешь рассказать побольше об этом «ином способе», Дуглас?

Понимая, как опасно говорить правду, Дуглас решил умолчать о своем договоре с герцогом. Если это откроется и придется за это расплачиваться, Дуглас предпочитал, чтобы сделать это пришлось ему, а не кому-то еще.

- Единственное, о чем я хочу попросить: верьте моему слову. Дьюнакен снова будет принадлежать нам через два месяца. Как именно - не имеет значения.

Ему было очень противно обманывать дядю, но выхода не было.

Йен Даб кивнул:

- Другого обещания мне и не требуется. Если Дуглас говорит, что вернет себе Дьюнакен, значит, так оно и будет. Свадьбу сыграем зимой, Маклин, и ваша Мойра станет графиней. А теперь пойдете, моя милая Дженет приготовила царский ужин. Давайте преломим хлеб и поднимем тост за конец вражды, которая слишком долго разделяла Маклинов из Карсаига и Маккиннонов из Стратхерда.

Уже стемнело, когда Дуглас подъехал к дому Эйтни. Ночное небо освещала ущербная луна, подернутая легкой облачной дымкой. Он тихонько постучался в дверь, стоя под низкой притолокой.

Он знал, что Эйтни его ждет и надеется услышать объяснения. В письме, которое он послал с

вместе с сундуками на лодке, он просил ее только приготовить к его приезду домик и не делать никаких заключений – что бы она ни увидела, – пока он все ей не объяснит. Он должен был сказать ей правду и мог быть уверенным, что она сохранит все в тайне, но весь день он все откладывал и откладывал свое посещение. В глубине души он знал, чего ему ждать от Эйтни.

– Наконец-то ты вернулся, – только и сказала она, поднимаясь от прялки, чтобы принести ему чашку горячего чая. В домике пахло свежим камышом, торфяным дымом и вкусным тушеным мясом, которое она приготовила для Дугласа.

Дуглас смотрел, как Эйтни растерла поясницу, словно стараясь утишить боль – ведь она несколько часов кряду прядла шерсть при тусклом свете лампы. Волосы у нее были распущены и ниспадали до пояса, на ней была грубая ночная рубашка под шерстяной шалью с бахромой, доходившей до бедер. Ноги, ступавшие по земляному полу, были босы, и хотя на лицо ее падали тени от огня в очаге, Дуглас понял по поведению Эйтни, что она рассердилась.

– Я ездил в Килмари, – сказал он, когда она подала ему чаю. Он выпил чашку залпом, после чего опустился на свой любимый стул у огня. Боль, уже несколько часов пульсировавшая в голове, немного улеглась. – Дядя тебе кланяется.

– Угу.

Эйтни снова уселась за прялку, наматывая шерстяную пряжу на веретено. Она продолжала свою работу молча, выжидая, когда Дуглас заговорит.

– Он сказал, что Йен в безопасности. Он где-то здесь, на острове Скай.

– Здесь? – Эйтни удивленно вскинула брови. – Тогда почему же малый до сих пор не появился?

Дуглас нахмурился:

– Мне кажется, ты знаешь почему.

– Ах да. – Она с неприязнью покачала головой. – Он ведь твой брат, этим все сказано. Я знала этого малого совсем крохотным, он всегда сначала говорил, а потом уже думал. Он парень с норовом, но сердце у него верное. Он не станет долго досадовать на своего родича, особенно после того, что вам обоим пришлось пережить в последнее время. – Она замолчала и, почувствовав, что Дуглас чего-то недоговаривает, спросила: – Что-то еще тебя заботит?

Дуглас кивнул.

– Маклин был в Килмари.

– Грязная свинья. – Она нахмурилась, словно вместе с чаем проглотила какую-то мерзость. – Знаешь, этот Маклин не годится тебе в тестя.

– Это верно, но у меня нет выбора. Уговор давнишний. Глеющая вражда между нашими кланами обернется нешуточной войной, если я не женюсь на Мойре.

– Да ведь этой вражде четыре сотни лет, с тех пор, как один из Маклинов, крепко перебравши, убил одного из Маккиннонов из-за какого-то пустячного оскорбления. Прежде мы жили мирно. Не тебе, Дуглас, изменить то, что тянется из века в век. Тебе не следует брать жену из этого рода. У них дурная кровь в жилах, у этих Маклинов из Карсаига. И эта дурная кровь перейдет к твоим сыновьям.

Дуглас допил чай и, нахмурившись, поставил чашку на полку над очагом.

- Я не могу нарушить уговор, и тебе это известно. Если я не женюсь на Мойре Маклин, прольется кровь Маккиннонов.

Теперь Эйтни неистово нажимала ногой на педаль прялки.

- Две жены многовато, Дуглас Маккиннон. Даже для такого смелого шотландца, как ты.

При упоминании об Элизабет Дуглас снова помрачнел. На самом деле мысли о ней не оставляли его весь день. Не раз он, занятый хозяйственными делами, устремлял взгляд в окно на далекие холмы и видел домик, приютившийся у их подножия. И ему вдруг представилось, что Элизабет осталась здесь по истечении оговоренных двух месяцев... осталась навсегда.

- Дуглас Маккиннон, ты что, оглох? Не слышишь, что я с тобой разговариваю? Родерик мне рассказал, как вышло, что ты женился на этой девушке. Нехорошее дело вы задумали с ее отцом. Я не знала, о чем ты думал, соглашаясь на обман, но я лгать этой девушке не стану.

- Мне так же не по душе продолжать ее обманывать, как тебе не по душе, что я в это ввязался. Но это условие поставил ее отец. У меня нет выбора. Это единственный способ для меня вернуть Дьюнакен. И без твоей помощи я не смогу этого сделать. Я не прошу тебя лгать ей. Просто помоги мне держать ее вдали от людских глаз, пока отец не приедет за ней. Ради ее безопасности, да и нашей тоже.

Эйтни пристально посмотрела на Дугласа.

- Ты прав. Для всех лучше, чтобы она не знала правды. Но все равно это не по мне, Дуглас Маккиннон. Она славная девушка. Она будет тебе лучшей женой, чем Мойра Маклин.

Дуглас посмотрел на Эйтни так, словно она пряла шерсть вместе с чепухой.

- Всякая мысль о том, что мы останемся в браке по прошествии этих двух месяцев - просто-напросто вздор. Она подтвердит тебе это.

- Но я спрашиваю не ее, Дуглас, а тебя. - Эйтни понизила голос. - Посмотри мне прямо в глаза и отвечай честно, что ты ничего не чувствуешь к этой девушке, совсем ничего. Скажи, что ты не думал о ней, не смотрел ей в глаза хотя бы один раз, спрашивая себя, что было бы, будь она не сакской леди, а простой шотландской девушкой...

Дуглас посмотрел в глаза своей приемной матери и не смог вымолвить ни слова.

- Так я и думала.

- Это не имеет значения. - Дуглас встал, собираясь уходить, и накинул куртку. - Все это не имеет значения. Она леди, дочь сакского герцога. Она не сможет жить в Хайленде. Ее растили для роскошной жизни без забот и волнений, с целой армией прислуги, готовой выполнить любое ее желание. Ее руки никогда не знали никакой, даже легкой работы.

Эйтни стиснула губы.

- Ты слеп, Дуглас Маккиннон. Скажи мне только одно, и я больше никогда не стану заводить разговор об этом. Если она была так счастлива в своей легкой и роскошной жизни, с прислужкой, готовой исполнить любое ее желание, почему же она оказалась в твоей постели?

Дуглас посмотрел на нее.

- В этом виновато виски.

- Ох, виски здесь ни при чем, глупый ты малый. Она могла бы выбрать кого угодно, Дуглас, кого угодно. И все же выбрала тебя.

- Довольно, - твердо сказал Дуглас. - Этот разговор до добра не доведет. Уже поздно, мне нужно идти.

Дуглас наклонился, поцеловал Эйтни в висок и вышел.

Эйтни смотрела ему вслед. Он так же дорог ей, как и родной сын, но, видит Бог, как хочется ей порой дать ему хорошую затрещину!

Глава 16

Когда Дуглас вышел из дома Эйтни, лил дождь. Тучи пришли с моря, они сгрудились, распухли, превратив лунный свет в далекое смутное мерцание. Воздух был влажный и тяжелый, потоки воды пенились, хлеща по извилистой тропе, проходящей через окутанную мглой широкую горную долину.

Сидя в уютном домике Эйтни, Дуглас и не заметил, как пошел дождь. Судя по тому, как глубоко его ноги при каждом шаге утопали в грязи, сильный ливень продолжался уже довольно долго. Он с трудом пробирался по мокрой земле, его плед промок насквозь. Он вспоминал о словах Эйтни и хмурился от резких порывав встречного ветра.

«Посмотри мне прямо в глаза, сию же минуту, и отвечай честно, что ты ничего не чувствуешь к этой девушке, совсем ничего. Скажи, что ты не думал о ней, не смотрел ей в глаза хотя бы один раз, спрашивая себя, что было бы, будь она не сакской леди, а простой шотландской девушкой...»

Ему было не по себе от того, что его приемная мать так ясно видела его насквозь, от того, что разгадала мысли, в которых он сам себе не признавался. Правда заключалась в том, что он действительно смотрел в глаза Элизабет, и не раз, и видел нечто большее, нежели глаза дочери аристократа. Он видел там гордость и ум, а это он всегда уважал, в особенности у женщин. Но он там видел и еще кое-что. Он видел жизнь.

Дуглас вспомнил свою последнюю встречу с Мойрой Маклин. То было в Килмари-Хаусе, незадолго до начала восстания. Стояло раннее лето, вереск только что зацвел, и Дуглас сидел и слушал, как его дядя и Малкольм Маклин обсуждают предстоящую свадьбу.

Мойра примостилась на краешке кресла рядом с отцом, сдвинув ноги в коленях и пристойно сложив руки. Она всегда была красивой девушкой, темноволосой, с милым личиком. Дуглас знал, что внешность Мойра унаследовала от матери, некогда славившейся по всему острову своей красотой.

Не раз в тот день Дуглас посматривал на Мойру, пытаясь понять, что она собой представляет. Один раз взгляды их встретились, всего на мгновение, но Мойра тут же отвела глаза. Он не мог вспомнить, как она была одета, темное ли было на ней платье или светлое. Но он запомнил другое: она все время смотрела вниз, и в ее красивых бледно-голубых глазах не было жизни.

Дугласу пришлось согласиться на брак с дочерью Маклина ради блага своего клана. Пора было положить конец вражде, не одно столетие разделявшей два рода.

Мойра не проявляла никакого интереса к разговору старших, и Дуглас решил, что девушка, как и он, покорна судьбе. Условия были ясны. Ни у нее, ни у него выбора не было. Но только сейчас Дуглас понял, что ее равнодушие было безнадежной, жалкой покорностью судьбе.

Добравшись до холма над своей фермой, Дуглас на мгновение остановился. Дождь шел не переставая, по черному небу полоснула молния – зубчатый бросок серебра в ночи. Час был поздний, далеко за полночь, и он решил, что Элизабет уже легла. Он войдет тихонько, переоденется и поспит пару часов, чтобы встать затемно. Если повезет, он будет уже далеко отсюда, когда она проснется.

Когда Дуглас вошел в дом, огня в очаге не было, не горела и лампа. Было темно, как в пещере, и так же тихо. Слышен был только стук дождя по торфяной крыше и по ступенькам.

Дуглас пересек комнату, направляясь к буфету, чтобы отыскать свечу. Он чуть не подскочил, когда услышал голос, внезапно раздавшийся из дальнего угла комнаты:

- Я не могла найти свечку.
- Боже мой, мисс. Почему сидите там, в углу? Огонь погас. Здесь холодно, как в могиле...
- Я знаю. Я не могла уснуть.
- Из-за грозы? – И тут Дуглас вспомнил об ее страхе темноты.
- Постель мокрая.

Дуглас был уверен, что ослышался.

- Что вы сказали? Постель мокрая?
- Да.

Дуглас подошел к буфету и на ощупь нашел в темноте тростниковый фитиль. Потом отыскал кремень, и через несколько мгновений в комнате ожил язычок пламени. Он повернулся и посмотрел на Элизабет. Он едва различал ее в темноте, при слабом трепещущем свете фитиля.

- Я разведу огонь, а потом позабочусь о постели, – сказал Дуглас и направился в дальний конец комнаты, где хранился запас дров.
- Промокла не только постель. С потолка течет, поэтому в комнате все отсырело.

Только тогда Дуглас осознал, что стоит в мелкой луже. Крупная капля воды капнула ему точно на макушку и сбежала по носу вниз. Он смахнул каплю и поднял голову. Шум дождя доносился не только извне. Над головой с потолка мерно капало.

- Крыша прохудилась.
- О да, – сказала Элизабет. – Эта противная коза проела крышу насквозь. К счастью, мне удалось соорудить укрытие прежде, чем все залило.

Дуглас приподнял мерцающий фитиль. То, что он увидел, было неопишимо.

Элизабет привязала к стропилу обручи, на которых держались ее нижние юбки. Для этого она использовала собственный чулок. Обручи выглядели как удлиненный белый колокол, образовавший навес как раз над тем местом, где сидела Элизабет.

- Наконец-то от них есть хоть какая-то польза, - сказала она, а Дуглас молчал, потеряв дар речи при виде столь хитроумного сооружения. - А вот утром при дойке коровы от кринолина не было проку, он только мешал.

- Вы доили корову?

Она сердито взглянула на него.

- Разумеется. Ведь вы именно это имели в виду, сказав, что мне придется самой раздобыть себе молока к чаю?

- Нет, мисс. Честно говоря, я хотел сказать, что вам придется принести молоко из кладовки, что в задней части дома. Разве вы ее не нашли?

Всю свою жизнь Элизабет ни в чем не испытывала нужды. Молоко к чаю, свечи, прочная крыша над головой - все это всегда появлялось, как по мановению волшебной палочки, готовое доставить ей удовольствие. Ей нужно было всего лишь приказать.

- Мне очень жаль, мисс.

- Это не имеет значения. - Элизабет встала. Без обручей ее юбка волочилась по полу. Но она этого, кажется, не замечала. - Мне пришлось чем-то заняться, чтобы скоротать время. Я приготовила суп - с помощью Эйтни, но, боюсь, он давно остыл. Огонь погас недавно. Тогда я...

Она замолчала, потому что внезапно над головами у них раздался треск. А потом с громким уханьем крыша рухнула.

Элизабет закричала от неожиданности и страха, Дуглас схватил ее за руку и потащил прочь, а на них падали потоки воды, куски торфа и стебли тростника.

- Идите сюда, мисс, - позвал он, укрывая Элизабет своим пледом. - Сегодня здесь не поспишь. Пойдем в коровник - там сухо и тепло.

Дуглас вывел ее наружу. Элизабет шла, прижимаясь к нему, по грязной тропинке и шлепая по лужам. Она чувствовала, как грязь чавкает у нее под ногами; у нее мелькнула мысль, что ее шелковые туфельки безнадежно испорчены.

Когда они остановились, она услышала звук открываемой и закрываемой двери, потом поняла, что Дуглас отпустил ее, хотя она так и осталась стоять крепко укутанной в плед. В коровнике пахло свежим сеном и теплым животным. Было темно, слишком темно. В доме по крайней мере было окошко и слабый свет луны для утешения. Здесь же ее окружала крошечная тьма.

Элизабет услышала в темноте какой-то шум и знакомое блеяние. Но она слишком промокла и озябла, чтобы обратить на это внимание. Она стояла, точно примерзнув к месту, где Дуглас ее оставил, и ждала.

Через мгновение затеплилась лампа, осветив маленький коровник. Элизабет облегченно вздохнула и увидела Дугласа.

Как она и ожидала, он промок до нитки, и ей стало его жаль. Мокрые волосы падали ему на глаза и вились вокруг ушей. Ноги были забрызганы грязью, рубашка прилипла к телу.

- Можно было бы добежать до дома Эйтни, но это довольно далеко, а дождь припустил вовсю. - Лицо у него стало озабоченным. - Да вы ведь дрожите, как овечка, мисс. - Он взял ее за руки. - И руки как ледышки. В доме есть запасные пледы. Я сейчас принесу.

Первым побуждением Элизабет было попросить его не покидать ее, но она не могла говорить, так стучали у нее зубы. Пока Дуглас не заговорил об этом, Элизабет и не подозревала, как ей зябко. Теперь руки у нее дрожали, а пальцы не сгибались, окоченев от холода.

Ей казалось, что прошло уже несколько часов после возвращения горца, хотя на самом деле то были всего лишь минуты.

Дуглас вошел в коровник с охапкой пледов и кувшином. Он быстро открыл его и сунул в руки Элизабет:

- Пейте.

- Что это?

- Виски.

Элизабет покачала головой:

- Нет, не надо.

- Пейте, мисс. Это вас согреет.

Ей было слишком холодно, чтобы она могла протестовать, и с каждым мгновением становилось все холоднее. Элизабет дрожащими руками поднесла кувшин к губам и сделала маленький глоток. Этого оказалось достаточно, чтобы все ее внутренности точно охватило огнем. Она скривилась и отдала кувшин Дугласу, который поднес его к губам и сделал добрый глоток.

Потом Дуглас отвел Элизабет к другой стене коровника, подальше от коровы, козы и кур на насесте, всполошившихся при виде людей. Элизабет ждала, пока Дуглас, расстелив пледы, соорудил постель на охапке свежего сена.

Вдруг Элизабет почувствовала, что глаза ее закрываются от усталости и что она вот-вот уснет. Виски угнездилось в ее желудке, отчего Элизабет чувствовала тупое, но приятное тепло. Она вспомнила свою постель в Дрейтон-Холле, мягкие надушенные подушки, огромный мраморный камин, в котором всегда пылал и ревел огонь. Ей страшно захотелось почувствовать запах чистых простыней, согретых грелкой с горячими углями, она мечтала о чашке горячего чая. Она не осознавала, что Дуглас вернулся к ней, пока не почувствовала, что его руки расстегивают крючки на ее платье.

- Что вы делаете?

- Вы вся промокли, мисс, и простудитесь, если не снимете все это. Я оставлю на вас сорочку, но вам нужно согреться, а не то схватите лихорадку.

У Элизабет не осталось сил сопротивляться.

В два счета Дуглас снял с нее платье и корсет, и теперь Элизабет стояла и дрожала в одной

сорочке. Дуглас помог ей лечь на спину в постель и закутал в тяжелый плед.

Она уже наполовину спала, когда он задул лампу, и девушка почувствовала, как он опустился на сено рядом с ней. Ей показалось, будто он что-то сказал, но она не поняла, что именно. Тепло его тела подействовало на нее мгновенно. Оно было таким заманчивым, что она, сама того не сознавая, повернулась к Дугласу и спрятала голову на его крепкой и широкой груди. Он обнял ее, обдавая жаром своего тела, и девушка тихо и сладко вздохнула.

Убаюканная ровным биением мужского сердца у ее щеки, Элизабет перенеслась в объятия Морфея, так и не поняв, что тело, которое крепко прижимается к ней, совершенно нагое.

Глава 17

Всякий, кто знал Эйтни Маккиннон, не без оснований считал ее женщиной здравомыслящей. Она вырастила сына Родерика одна, без мужа, и он превратился в прекрасного молодого человека, такого же сильного, как отец, такого же умного, как мать, и настолько красивого, что он кружил головы всем женщинам от шестнадцати до шестидесяти лет. Когда ее муж неожиданно умер от лихорадки спустя всего четыре месяца после появления на свет Родерика, Эйтни оставила материк вместе с грустными воспоминаниями и вернулась туда, где родилась, – на остров Скай, чтобы вырастить сына, окруженная любовью и помощью своих родных и друзей.

Мало что могло удивить Эйтни. Она не могла бы прожить более полувека в Хайленде, не испив причитающейся ей чаши горестей. И все-таки Эйтни первой призналась бы, что она была поражена, когда однажды летним вечером глава клана Маккиннонов Йен Даб прибыл к дверям ее уютного домика в горной долине и попросил ее взять на воспитание его племянников, Дугласа и Йена, которые только что потеряли мать.

– Я старший брат их родителя, я буду теперь им отцом, – сказал глава клана, – но им требуется женщина терпеливая, с горячим и жертвенным сердцем, здравомыслящая, мудрая и выносливая.

Такая женщина, решил Йен Даб, как Эйтни.

Она поняла, что ей оказали честь, что ее выбрал сам глава клана, и охотно взяла на себя ответственность за двух сирот. Это было примерно два десятка лет тому назад. С тех пор она растила двух пареньков, как родных сыновей, видела, как Дуглас возмужал и превратился в человека несгибаемой доблести и чести, как он изо всех сил старался быть достойным памяти своего отца, которого никогда не знал. Йен был порывист, он всегда поступал по первому побуждению, не думая о последствиях. Дуглас был склонен к размышлениям, он всегда тщательно взвешивал все «за» и «против», прежде чем поступить так или иначе.

Здравомыслящий человек, он редко принимал сомнительные решения. Поэтому-то Эйтни, которая стояла сейчас в открытых дверях коровника, спрашивала себя, не обманывают ли ее глаза.

Солнце поднималось все выше. Она склонила голову набок. Вообще-то свет еще был неяркий, и час ранний, и ее глаза были уже не такими ясными, как когда-то, но она не могла ошибиться: Дуглас спал на сене, голый, как в миг своего появления на свет, и обнимал при этом девушку, к которой он, по его заявлению, не питал никаких чувств – ту самую девушку, которая, по его словам, тоже ничего к нему не испытывает.

Эйтни стояла в нерешительности, держа в руках корзину с грязным бельем. Медленная улыбка показалась на ее губах. Она размышляла, что ей делать при виде такой неловкой сцены. Конечно, можно было повернуться и уйти, но ведь на них может наткнуться всякий, кто окажется поблизости, и Дугласу пришлось бы все объяснить.

На самом деле, призналась Эйтни, ей было довольно любопытно узнать, почему исподнее Элизабет развешано на стропилах в доме, а парочка в коровнике висит друг на друге.

Она посмотрела на козу, которая просунула голову в дверь:

- Интересно, что же произошло здесь вчера вечером, а?

Коза заморгала и затрясла рогатой головой.

Наконец Эйтни покончила с размышлениями и решила просто кашлянуть. Это будет вежливо и деликатно, а если кашель их не разбудит, тогда она пустит в ход коровье ботало, что висит на стенке.

Эйтни тихонько кашлянула и, отступив, стала ждать.

Первым пошевелился Дуглас. Он всегда спал очень чутко и теперь медленно перевернулся на спину и, щурясь, посмотрел на стропила. Лежащая рядом с ним Элизабет крепко спала. Казалось, ее и пушками не разбудишь.

Эйтни подождала, пока Дуглас сел на сене, и заговорила:

- Повезло тебе, что вас нашла я, а не старуха Лилиас. Ей девяносто семь лет, она пережила пять восстаний, без посторонней помощи дала отпор четырем сторонникам Кромвеля, родила шестнадцать детей, схоронила троих мужей, но я совершенно уверена, что, увидев, как ты в чем мать родила лежишь в коровнике, она сыграла бы в ящик.

- Боже! - Дуглас нашарил плед и прикрылся. - Какого черта ты здесь делаешь в такую рань?

- Это я должна задать тебе такой вопрос, Дуглас Мак-киннон. Это ведь не я сижу здесь голышом, верно?

Дуглас нахмурился, встал и быстро обернул плед вокруг своих бедер. Несмотря на то что Эйтни была на добрых два десятка лет старше его и вытирала ему сопливый нос, когда он был мальчонкой, она не могла не признать, что он был прекрасным образчиком мужской красоты. Нетрудно понять, почему эта девушка увлеклась им.

Эйтни смотрела, как Дуглас провел рукой по волосам, бросив взгляд на все еще спящую Элизабет. В конце концов он заговорил почти шепотом:

- Крыша в коттедже протекла.

- И ты решил, что, развесив ее исподнее на стропилах, ты поможешь делу?

- Нет. - Мрачно сжав губы, Дуглас вывел Эйтни на солнечный свет. Его лицо было в отросшей за ночь щетине, волосы спутались и падали на глаза. Брови сдвинулись к переносице. - Это она повесила, чтобы защититься от дождя, пока я не пришел вечером.

- Ну что же, это объясняет, конечно, как обручи оказались привязанными к потолку, но почему ты решил раздеться донага...

- Огонь уже к тому времени погас, - прервал ее Дуглас. - Она озябла, промокла и вся дрожала. Я решил, что она заболит, вот и попытался согреть ее теплом своего тела. Моя одежда тоже вымокла до нитки, иначе я не стал бы ее снимать.

Эйтни скептически подняла брови:

- Понятно.

- Ничего между нами не было. Ничего.

- Ну да, мальчик, но точно эти же слова заставили тебя жениться на этой девушке, когда ты проснулся в ее постели в прошлый раз.

Дуглас замолчал. Этому он не мог отрицать.

- Так зачем ты пришла? - спросил он наконец.

- Я обещала девушке, что возьму ее с собой на ручей нынче утром - постирать белье. - Эйтни указала на корзину, которая стояла на земле у ее ног. - Я думала, что к этому времени ты уже уедешь.

- Именно это я и собирался сделать до вчерашнего вечера. Теперь придется остаться и починить крышу.

- Само собой.

Эйтни долго смотрела на Дугласа, потом медленно покачала головой. Она решила, что свои мысли лучше держать при себе.

- Ладно, я возьму девушку с собой на ручей. У нее будет чем заняться, пока ты чинишь крышу. Пойдем, собери грязное и найди, чем получше прикрыться, пока я ее разбуджу.

- Вы уже кончили топтать одеяла, мисс? А, мисс?

Элизабет хотя и слышала краем уха Эйтни, но оставила ее слова без внимания. Босая, она стояла по икры в мыльной воде в лохани, юбки ее были заткнуты за пояс, и она прилежно изучала местный ландшафт, на переднем плане которого Дуглас стоял на коньке крыши, в одном килте.

Святые небеса, этот человек сложен как бог!

Как ни ужасалась собственному поведению Элизабет, она снова и снова поглядывала на горца. Она говорила себе, что дело вовсе не в том, что он ей приглянулся. Нет, она просто очарована его ладной работой, тем, как он по старинке кладет крышу из одинаково нарезанных кусков дерна, поросшего болотной травой и вереском.

Но в глубине души Элизабет знала, что очарована силой, которую выдавали его движения, тем, как от солнечного света при движении играли мышцы его плоского живота, и каждый мускул выделялся, точно массивный камень.

Что это такое с ней происходит? Она и вправду не в состоянии оторвать от него глаз. Невероятно!

Элизабет всегда считала, что если ей когда-нибудь в самом деле доведется полюбить мужчину, это будет человек, равный ей по интеллекту, с которым можно будет говорить о политике и философии. Человек этот не станет пытаться ее подавить, а будет поощрять ее любопытство, уважать ее мнение, пусть даже оно и не совсем совпадает с его мнением. Это будет человек чести, мудрый, терпеливый и сострадательный...

...идеальный человек, которого, ясное дело, просто не существует.

- Мисс, вы меня слышите?

- А? Ах, одеяла! - Она быстро взглянула на Эйтни. - Да, да, я думаю, они уже чистые.

Элизабет вышла из лохани. С ног стекала вода, и она пошла босиком туда, где бежал по камешкам прозрачный и холодный ручей. Эйтни дала ей свою юбку на время стирки и показала, как собрать длинные волосы под платок, чтобы они не падали во время работы на лицо. Легкая полотняная сорочка и свободный корсаж поначалу казались Элизабет почти неприличными. Но после тяжелой работы, когда она то наклонялась, то становилась на колени, то терла одежду, то топтала ногами одеяла, удобства взяли верх над стыдливостью. Теперь уже Элизабет думала, что она вряд ли когда-нибудь наденет кринолин. Элизабет посмотрела на Эйтни, которая молча стояла у ручья на коленях и оттирала рубашку плоским круглым камнем. Та встала, разгибая пальцы и изогнув спину, чтобы размять затекшую от работы поясницу. Потом она набрала в ладони воды и плеснула себе на лицо, чтобы освежиться.

- Ах, мисс, - сказала Эйтни, - хорошенько умойтесь, не то ваше личико станет красным, точно клюква.

Элизабет опустилась на колени на берегу ручья и опустила руку в воду, а потом коснулась ею лица. Вода казалась ледяной по сравнению с разгоряченной кожей. Где-то краешком сознания она услышала голос матери, которая велела ей покрывать голову, выходя из дома, иначе на лице появятся веснушки.

- И это приведет к тому, что вы будете выглядеть как темнокожая пятнистая дикарка, - говаривала герцогиня, имея в виду далекий воображаемый остров, о котором когда-то читала в романе, где население бегаёт полуголым в набедренных повязках и издает, переговариваясь, гортанные крики.

- У леди кожа должна быть белой, как росистый цветок, и мягкой, как лучший китайский шелк. - Герцогиня и ее дочери провели много прекрасных летних дней, обильно умащенные смесью очищенного воска с уксусом и даже с соком белой лилии, дабы сохранить лица белыми, точно обеденные тарелки. Герцогиня пыталась, хотя и безуспешно, приохотить к этому занятию и свою старшую дочь. Но это, как правило, ни к чему не приводило - эти ухищрения только вызывали у Элизабет ярость.

Потом женщины полоскали и выжимали одеяла досуха, держа их за оба конца над ручьем и выкручивая до последней капли воды. За работой Эйтни тихонько напевала какую-то незатейливую песенку, а вездесущая коза с довольным видом жевала прибрежный тростник и траву.

К тому времени, когда они отжали последнее одеяло, Элизабет казалось, что руки у нее одеревенели и совсем ее не слушаются.

- Я думаю, что мы вроде бы управились со стиркой, - сказала Эйтни, собирая в корзину еще

влажное белье. – Сейчас мы развесим все сушиться на можжевельнике, а сами пока...

Она не договорила.

Элизабет обернулась посмотреть, почему замолчала Эйтни. Она увидела, что та с искаженным от ужаса лицом уставилась на ручей.

– Эйтни! Что случилось? – Элизабет тоже посмотрела вниз по ручью, но увидела только солнце, отражающееся в быстрой ряби на водяной глади.

Эйтни не отвечала. Глаза ее не отрывались от той же ряби, которая постепенно удалялась. Потом ее руки задрожали, и она уронила рубашку. Элизабет нагнулась, чтобы поднять ее, и в это время большое черное облако перекрыло солнечный свет, и вся долина погрузилась в тень.

– Вы что-нибудь увидели там, Эйтни? Что именно?

Эйтни обернулась. Глаза у нее были пустыми.

Она что-то пела по-гэльски, снова и снова повторяя дрожащим голосом одну и ту же фразу. Глаза ее были полны боли, в них блестели слезы. Элизабет подошла к женщине и сжала ее руки в своих ладонях, надеясь унять их дрожь.

– Эйтни, прошу вас, ведь я вас не понимаю. Скажите мне, что случилось? Что вас так встревожило?

Но Эйтни только дрожала, бормоча все ту же странную фразу, а слезы медленно текли по ее лицу. Только ее она и успела сказать, перед тем как потеряла сознание.

Дверь дома, в котором жила Эйтни, скрипнула, и Элизабет подняла взгляд от огня.

– Вы вернулись.

Дуглас ушел уже давно, несколько часов назад, и она уже начала опасаться за него.

– Да, мисс. Я его нашел, но на это потребовалось время.

В дом вошел Родерик и направился к креслу-качалке, в котором у огня сидела, закутавшись в плед, его мать. Он стал перед ней на колени, взял ее руки в свои и заговорил по-гэльски. Едва Эйтни увидела его, в ее глазах появился какой-то свет, и они заблестели от стоявших в них слез.

– Пошли, мисс, – сказал Дуглас, жестом предлагая Элизабет идти за ним. – Оставим их одних.

– С ней все будет хорошо? – спросила Элизабет, когда они медленно пошли по сумрачной долине. «У горца усталый вид, – подумала она, – словно он не спал несколько дней».

– Да, раз теперь с ней Родерик. Жаль только, что не сразу удалось его отыскать. Он был на материке, а переплыть пролив оказалось делом долгим.

Прошло некоторое время. Тишину нарушал только звук их шагов и ветер, дующий в высоком камыше. Воздух наполнял пьянящий сладкий запах можжевельника. Где-то новорожденный ягненок жалобным блеянием звал мать. Сбоку от Элизабет медленно шла коза, прядая ушами. Она сопровождала ее все время с тех пор, как что-то случилось с Эйтни у ручья, словно

чувствовала тревогу. Странно, но присутствие животного немного успокоило Элизабет.

- Дуглас, а что означает «bean nighe»?

Дуглас остановился:

- Почему вы спрашиваете?

- Эйтни произнесла эти слова перед тем, как упасть без чувств.

Дуглас посмотрел на девушку, но ответил не сразу. Наконец он проговорил:

- Это слово на гэльском означает «прачка».

Элизабет удивилась:

- Не понимаю, что так ее огорчило?

Дуглас долго смотрел на нее.

- Вы верите в волшебство, мисс?

Этот вопрос застал Элизабет врасплох.

- Я, кажется, никогда серьезно об этом не думала. Разумеется, я читала о феях и о прочих подобных явлениях. Но ни к какому выводу не пришла. - И тут она поняла, почему он спросил ее об этом: - Это поэтому Эйтни сегодня так расстроилась? Ей показалось, что она увидела что-то, кого-то у ручья?

Дуглас посмотрел на нее.

- В Хайленде существует поверье о призраке, он называется «bean nighe». Считается, что это призрак женщины, умершей родами, и ей суждено до скончания века стирать белье в реке.

- Но я все равно не понимаю, почему это так подействовало на Эйтни?

- Считается, что, когда кому-то является «bean nighe», она стирает одежду тех, кто скоро умрет. Слова, которые повторяла Эйтни, означают: «Твою рубашку, твою рубашку стираю я».

- Значит, Эйтни верит, что призрак, которого она увидела, пел песню, чтобы предупредить ее?

- Да. И она считает, что прачка стирала рубашку Родерика.

Внезапно Элизабет обдало холодом.

- Вот почему вам так хотелось его найти. Но ведь Эйтни знает, что с Родериком все в порядке, что ничего с ним не случилось.

- Но она считает, что ему грозит опасность.

- Это ужасно!

Дуглас остановился и посмотрел на нее.

- Что такое?

Он хотел было ответить, но вместо этого только молча смотрел на нее. Можно ли объяснить, как он восхищается ею, и с каждым днем все больше и больше? Ему не хотелось говорить ей о призраке из опасений, что она отнесется к его словам с презрением или посмеется над ним и над верованиями его народа. Но этого не произошло.

И пока Дуглас смотрел на нее, он понял, что с каждым днем Элизабет становится ему все ближе и роднее.

Дуглас коснулся пальцем ее подбородка. Элизабет ничего не сказала, но он услышал, что она вздохнула и затаила дыхание. Глядя ей в глаза, он видел несколько ипостасей ее личности: благородная леди, ранимая девочка, стесняющаяся признаться в том, что боится темноты, нежная девушка, такая красивая, что он и представить себе не мог, что такие бывают.

Не раздумывая, он наклонился и поцеловал ее.

Еще мгновение – и он пропал.

Глава 18

Дуглас ногой распахнул дверь и прошел через всю комнату к постели, не отрывая губ от рта Элизабет.

Когда он положил Элизабет на тюфяк, набитый свежим ароматным вереском, который сам собрал в это утро, он подумал, что никогда в жизни не видел никого красивее этой женщины... его жены. Ее большие глаза сияли. Она не сказала ни единого слова. Молча она потянулась к нему, ища новых поцелуев.

Дуглас нашарил узел ее платка и развязал его. Ее волосы разлились по ее плечам огненно-золотым потоком. Он поцеловал ее в подбородок, в шею, потеревил мягкую мочку уха. Он высвободил руки из спутанных волос и медленно отвел ее голову назад, чтобы еще раз поцеловать.

Он почувствовал, что ее руки скользнули вверх по его предплечьям, и их пальцы сплелись.

– Мне нужно видеть вас, – прошептал он, проведя рукой по контуру ее лица. Он потянул завязки ее блузки. – Боже милосердный! Как вы хороши!

Грудь у нее была нежная, пышная. Он гладил ее тонкую кожу, теревил сосок, пока он не затвердел и не задрожал, услышал ее стон и свое имя, которое она произнесла шепотом один раз, потом второй.

Это было самое приятное, что он слышал в жизни.

– Закрой глаза, милая, – прошептал он ей на ухо. – Сегодня ночью тебе нечего бояться темноты.

Он развязал шнуровку, стягивающую ее стан, и отбросил прочь ее юбки.

Теперь девушка была почти нагой. Дыхание его убыстрилось, тело запылало при виде Элизабет, лежащей перед ним в одной сорочке. Он стянул с себя через голову рубашку и увидел, как затрепетали ее ресницы. Он наклонился к ней, и его грудь прижалась к ее груди. Он нежно поцеловал ее в нос, а потом снова в губы, глубоким и долгим поцелуем, и

почувствовал, что ее тело тает от наслаждения под его ласками. Когда он взглянул на нее, освещенную лунным светом, то увидел, как быстро поднимается и опускается ее грудь; она лежала с закрытыми глазами, остро ощущая нечто такое, чего никогда не знала... но она будет помнить это до конца дней своих.

Дуглас отстранился от девушки. Он может взять ее, это очевидно, и с мучением, которое он испытывал, будет покончено. Он может ласкать ее, упиваться ее нежностью и запахом. Господи, как он жаждет этого! Никогда в жизни не хотел он женщину так сильно. Но как бы ни было сильно его желание, в глубине души он знал, что этого нельзя допустить. Если он поддастся своей похоти, его судьба будет совсем иной. Но можно подарить Элизабет такое наслаждение, что она до конца дней своих запомнит эту ночь, эти ласки... и его самого.

Его губы скользнули по ее телу вниз, покрывая поцелуями шею, грудь и твердые соски, пока она не стала выкрикивать его имя. Он прижался к ней и почувствовал, что она приподняла бедра, раскрываясь навстречу ему. Он сбросил с себя жаркий шерстяной килт, и теперь ничто не мешало их соединению.

Когда он коснулся языком ее лона, она приподнялась на кровати со сдавленным выкриком:

- Дуглас, мы не можем...

- Ш-ш-ш, - прошептал он, осторожно укладывая ее назад, - позвольте мне дарить вам наслаждение единственным дозволенным мне способом.

Он ласкал ее, и все ее тело трепетало от незнакомых ощущений. Он коснулся ее изнутри, и она замерла, затаив дыхание, ее губы раскрылись от удивления, а глаза крепко зажмурились.

Он скользнул ниже, раскрыл ее навстречу своим губам. Она подняла бедра, не в силах вынести мучительные ласки. Он почувствовал, как она запустила пальцы ему в волосы, как крепко обхватила его руками, словно молила продолжать. Он и сам не мог остановиться, как не мог перестать дышать... он мог только любить ее.

Только когда тело девушки замерло, а дыхание успокоилось, он уложил ее на спину, а сам лег рядом и заключил ее в объятия.

Когда Элизабет проснулась, солнце уже сияло. Она потянулась и закинула руки за голову, нежась под одеялом.

Ей не было так хорошо... по правде говоря, ей никогда не было так хорошо. Теперь она поняла, почему молодые леди с трепетом ждут необыкновенной любви своего суженого. Любовь явилась к ней неожиданно и бросила в пучину таких удивительных чувств, что и поверить невозможно. Дуглас ласкал ее необыкновенным способом, о котором она и понятия не имела. Он унес ее в удивительные места, так что ей казалось, что она побывала в раю.

Всю ночь он держал ее в своих объятиях, и сердца их бились в унисон. Все было бы замечательно, но... Он мог целовать ее, прикасаться к ней, ласкать ее руками и губами, но он не сделал ее своей женой.

А ей хотелось, чтобы это случилось. Ах, как хотелось!

Элизабет села на кровати, отбросив одеяло. Дуглас ушел. Она знала это, даже не окликнув его по имени. Его палаша не было у двери. И куртки тоже не было. Но еще более красноречиво

говорило о его уходе то, что без него в доме было пусто.

Она встала и отбросила с глаз спутанные волосы. Подошла к столу, взяла чайник и только тогда заметила их – лежащих на столе в ожидании ее пробуждения.

Книги!

Сердце у нее привычно замерло, когда она взяла их и пробежалась пальцами по корешкам. Там были Дефо, Мильтон, даже Чосер. Были и незнакомые книги; некоторые она уже читала... и перечтет снова.

Каким-то образом Дугласу удалось достать для нее книги взамен тех, что погибли на море. Никогда еще она не получала такого дорогого подарка. И ей страшно захотелось поблагодарить его.

Элизабет быстро оделась, накинув сорочку, простую юбку и корсаж, который дала ей поносить Эйтни. Она налила воды в чайник и задумалась, с какой книги начать. Когда чай был готов, она уселась на стул, поджав под себя ноги, и открыла первую страницу.

Шли часы. Утро быстро превратилось в день. День перешел в сумерки, а она читала одну восхитительную страницу за другой. Только когда в животе у нее заурчало от голода, она отвлеклась от книги и поняла, что провела за чтением весь день.

За окном небо темнело. Куда это мог так надолго уйти Дуглас? Прошло ведь уже много часов. И тут она поняла.

Эйтни!

Ей следовало бы вспомнить об этом пораньше.

Накинув шаль, Элизабет торопливо зашагала по долине.

На ходу она мурлыкала мелодию, которую Кэролайн часто играла на клавикордах. Она на острове Скай почти неделю и все еще не написала сестренке обещанного письма. Она напомнила себе попросить у Дугласа писчей бумаги, потом сорвала веточку душистого вереска, чтобы закладывать прочитанные страницы в книжке.

Когда она добралась до дома Эйтни, солнце уже село за горные вершины, предвещая наступление ночи.

- Добрый день, мисс, - сказала Эйтни, заметив Элизабет, спускающуюся с холма. Она стояла у дома, выбивая пыль из половиков. - Я уже давненько вас поджидаю. Или вы нашли себе какое-нибудь занятие?

Элизабет взялась за другой конец половика и помогла Эйтни вытрясти пыль.

- Я читала. Утром я нашла на столе несколько книжек. Несколько стихотворных сборников, романы... Я подумала: может быть, Дуглас здесь... Мне хотелось поблагодарить его за то, что он достал их для меня.

- Ах, девушка, я не думаю, что книжки от Дугласа. Где бы он сумел раздобыть их так быстро?

- Но если они не от Дугласа, то откуда же они взялись?

Эйтни задумалась.

- Единственный человек здесь, на острове, у которого есть книги, это лэрд.

- Лэрд?

- Ну да, Маккиннон из Дьюнакена. У него в библиотеке полно книг. Они перешли к нему от прежнего главы клана. Он, верно, услышал, что ваши вещи погибли, и решил, что вы обрадуетесь, если он даст вам несколько книжек. Кто-то должен же их читать. Иначе они стоят без толку в его старом пустом замке и рассыпаются в пыль...

- Да, конечно, - согласилась Элизабет. - Это скорее всего лэрд. Я никогда не слышала о нем от Дугласа, поэтому мне и в голову не пришло, что это он. Может быть, это лэрд принес их вчера в дом, когда нас не было?

Эйтни кивнула:

- Может быть...

- Да, так оно и есть. Мне нужно бы сходить в замок и поблагодарить его.

- Да, мисс, почему бы вам не сделать этого? Но не сегодня. - Она взяла Элизабет за руку и повела к дому. - У меня тушится мясо на огне. Поужинайте-ка со мной и расскажите, что вы вычитали в тех книжках, ладно?

Элизабет вошла, наклонившись, в низкую дверь. Глядя на нее, Эйтни не могла удержаться от улыбки.

Она сказала Дугласу, что не станет лгать этой девушке.

Она и не солгала.

«Ах, Эйтни Маккиннон, какая ты умница, право же».

Дуглас читал записку от дяди и хмурился.

- Принц скрывается на острове Скай?

- Скорее всего это так.

Родерик налил себе бренди, потом наполнил стакан Дугласа. Он уселся у очага, почесывая за ухом одну из своих гончих.

- Он бежал от преследователей, переодевшись ирландской девушкой. Каково, а? Ты можешь в это поверить? Великолепный Стюарт в кринолине, как барышня?

- Лучше быть ирландской девушкой, чем мертвым принцем.

Родерик замолчал, давая Дугласу время переварить услышанное.

- Твой дядя созвал тех, на чью поддержку можно рассчитывать. Они соберутся здесь, в Дьюнакене, через две ночи, считая с сегодняшнего дня.

Услышав это, Дуглас подался вперед:

- Почему в Дьюнакене?

- Если бы мы встретились в Килмари, это непременно вызвало бы подозрения, и твой дядя и брат Йен подверглись бы риску быть схваченными.

С этим Дуглас не мог не согласиться.

- А кто приедет?

- Йен Даб, конечно. Маклеод с Рааси, я... и молодой Йен.

Дуглас обрадовался, что наконец-то увидит брата. Только ему хотелось бы, чтобы они встретились по иному поводу.

- А что Маклин?

- В этом твоей дядя неумолим. Карсаигу ничего не стоит выдать всех нас за тридцать тысяч фунтов. - Родерик посмотрел на Дугласа. - Дуглас, я знаю, что ты решил не принимать участия в восстании...

- Восстание уже подавлено. На карту поставлена жизнь принца. За ним охотятся, как за диким зверем. Ничто не может быть важнее, чем спасти его, даже возвращение моего наследства.

Услышав внезапный шум снаружи, Элизабет опустила книгу, которую читала, вскочила со стула и распахнула дверь.

- Я уже начала...

Но то был не Дуглас. И не Эйтни: коза с довольным видом жевала чулок Элизабет, висевший на веревке.

- Стой! - закричала она. - Брось чулок, иначе я... суну тебя в котелок!

Но коза, не обращая на Элизабет никакого внимания, потрусила по двору, и белый чулок развеялся на ветру, свисая из ее пасти.

- Стой же! - закричала Элизабет, бросаясь за козой. - Вот противное существо! Отдай чулок! Почему ты не идешь, когда тебя зовут? Труис! Труис!..

Она вбежала вслед за козой в коровник.

- Труис!

Увидев фигуру человека в полутьме, она резко остановилась от неожиданности.

- Дуглас!

Он стоял с белым чулком в руке.

- Вы это ищете?

- Смешное создание, - пробормотала она. - У нее не хватает ума прийти на зов.

- Может быть, она и пришла бы, если бы вы попробовали позвать ее по имени.

- А я и звала. Разве вы не слышали? Я звала ее так же, как вы, - Труис.

Дуглас улыбнулся:

- Труис, девушка, по-гэльски означает «пошла вон». Так что коза делала именно то, что вы ей велели.

Рогатая морда появилась из-за кучи соломы и заблеяла, словно подтверждая сказанное.

Элизабет выхватила из руки Дугласа шелковый чулок.

- Вы надолго уезжали, - сказала она. - Здесь... слишком пусто, когда я одна.

Дуглас посмотрел на нее.

- Но ведь вам именно этого и хочется, не так ли? Жить одной в Лондоне, в особняке, как вам заблагорассудится?

Элизабет не очень-то понравилось, что ее же слова с иронией бросают ей в лицо.

- Да, но по крайней мере в Лондоне есть развлечения. Можно пойти в музей, почитать, погулять в саду...

- Пойдемте со мной.

Дуглас взял Элизабет за руку и повел вверх по склону холма позади дома, поросшего вереском, доходившим им до колена, и раakitником. Там он наклонился, сорвал цветок белого шиповника и сунул себе за ухо.

- Этот остров - настоящий сад. Неужели вы этого не замечаете? Вы только вздохните полной грудью. Почувствуйте, как сладко пахнет вереском, какой острый запах можжевельника...

Элизабет взглянула на него, пораженная поэзией его слов.

Он повел ее дальше по склону.

- Что вы находите в музее? В книгах? Свидетельства истории прошлого? Все это можно найти и здесь, девушка. Для этого нужно только пошире открыть глаза. Холмы, что окружают вас, древнее, чем любая скульптура или красивая картина, которую можно найти в Лондоне. Если у вас есть уши, прислушайтесь, и они поведают вам свои истории, которые нельзя спрятать между переплетами книг.

Всю вторую половину дня Дуглас бродил с Элизабет по холмам, указывая ей на древние камни, покрытые древними письменами, на груды камней на месте погребения какой-то кельтской принцессы, на скалы причудливых очертаний, среди которых, как гласят предания, при свете луны любят танцевать феи. И он был прав. Каждый уголок на острове, любой вроде бы ничем не примечательный камень, казалось, мог рассказать свою собственную историю, легенду о неустрашимых воинах и прекрасных девах, об утраченной любви и о том, как скотты защищают свою честь.

Они подкрепились ежевикой и морошкой, напились прохладной чистой воды из ручья. Солнце ярко светило, с берега дул легкий ветерок.

Элизабет нарвала букет полевых цветов, чтобы украсить комнату в доме. А потом Дуглас поймал лосося, и они славно поужинали на закате дня, когда солнце уже садилось за дальними горами.

Это был чудесный, удивительный день. Что привело девушку на этот остров? К этому человеку? Зачем ей бежать от Дугласа, если с ним она чувствует себя такой счастливой, как никогда и представить себе не могла? Когда он смотрел на нее своими пронзительными синими глазами, их взгляд словно проникал в самую глубину ее души, в которую никто никогда не осмеливался заглянуть. Он заставлял ее усомниться во всем, что она знала о себе. Элизабет всегда считала, что знает, для какой жизни рождена. Но теперь эта жизнь почему-то больше не привлекала ее, как прежде. Единственное, чего ей хотелось, что ей было нужно больше всего на свете – это стать женой Дугласа.

Когда они вернулись домой, белые каменные стены дома омывал жемчужный свет луны. Небо над ними было усыпано звездами, как поцелуями. Их обнимала волшебная ночь. Элизабет подумала, что сейчас самое время сказать Дугласу, что она его любит.

Она смотрела, как он наклонился, чтобы развести огонь в очаге.

- Благодарю за сегодняшний день.

- День был прекрасен, мисс.

Она повернулась к нему, стараясь найти слова и собраться с духом, чтобы сказать ему о своих чувствах.

- Дуглас, я...

Тут она заметила, что он берет свою куртку, меч и пистолет.

- Вы уходите?

- Меня ждет одно дело.

В столь поздний час?

- Знаете, для фермера вы очень мало занимаетесь хозяйством.

Дуглас перестал собираться и посмотрел на нее.

- У меня есть и другие дела.

- А когда вы вернетесь?

- Точно не знаю.

- Сегодня ночью?

- Нет.

Элизабет посмотрела на него:

- Завтра?

- Наверное. - Он надел шляпу и направился к двери.

- А что мне делать, пока вас не будет?

Ответа не последовало, Дуглас уже ушел.

Глава 19

Элизабет постучалась, и в дверях показалась девушка - свежая, юная, явно смущенная. Ей, наверное, было не больше шестнадцати, хотя ее возраст трудно было определить из-за сажи, в которой она испачкалась от носа до голых ног. Она что-то произнесла на гэльском.

- Здравствуйте. Меня зовут леди Элизабет Дрей... - Элизабет остановилась и поправилась: - Маккиннон. Могу ли я видеть лэрда?

На нее с любопытством смотрели два глаза - большие и светлые на черномазом лице.

- Маккиннон, - медленно повторила Элизабет, - из Дьюнакена. Вы говорите по-английски?

Девушка молча пялилась на нее.

Элизабет указала ей на книги, которые держала под мышкой.

- Я пришла вернуть эти... книги, - сказала она, делая ударение на этом слове, словно так девушка могла ее понять. - Это книги лэрда, - повторила она. - Его здесь нет?

Девушка подождала с минуту, размышляя, а потом что-то протараторила на быстром и непонятном гэльском.

Теперь уже Элизабет уставилась на девушку.

- Прошу прощения. Боюсь, что я вас не понимаю.

Девушка сказала еще что-то, покачала головой и ушла, оставив Элизабет стоять в одиночестве перед раскрытой дверью.

- Простите?.. Но что же мне делать?

Девушка ушла. Хорошо бы она нашла кого-нибудь, кто говорит по-английски.

Элизабет стояла перед открытой дверью и ждала довольно долго.

Потом ей показалось, что это просто глупо - стоять напрасно и ждать, хотя явно никто не собирается выйти к ней. Она окинула взглядом двор. Вокруг не было ни души.

Она решила уйти. Книги она решила оставить прямо на пороге, сложив аккуратной стопкой, но потом передумала. Не годится, как говаривала ее матушка, не поблагодарить за любезность. Совершенно не годится.

И Элизабет подождала еще немного.

Когда прошло еще минут пять, она решила просто уйти и вернуться в другой раз, может быть, завтра. Она уже приготовилась уйти, как вдруг...

...из туч, собиравшихся все утро, внезапно хлынул ливень - прямо у нее над головой.

Спрятав книги под мышкой, Элизабет вошла и закрыла за собой дверь.

Внутри было холодно, пронизывающе сыро и пахло собаками и плесенью.

- Здесь есть кто-нибудь? Отзовитесь, пожалуйста, хоть кто-нибудь!

Никто ей не ответил, даже перепачканная сажей девица.

С того места, где стояла Элизабет, ей был виден узкий пролет лестницы, ведущей наверх, а в конце пролета она заметила бледный просвет. Она пошла наверх по лестнице и оказалась на площадке, переходящей в освещенный факелами коридор. Несколько дверей выходило на площадку, все они были закрыты. Элизабет подошла к ближайшей и тихонько постучалась. Когда никто ей не ответил, она дернула за задвижку и обнаружила за дверью большую кладовку, полную белья и половиков.

Следующая дверь была заперта.

А вот третья открылась легко. Элизабет только слегка приподняла щеколду.

- Прошу прощения! Здесь есть кто-нибудь?..

Никто не отозвался на ее голос. Только огонь ревел в огромном камине. Голые каменные стены были заняты множеством полок. От пола до потолка на них стояли книги. На полу тоже лежали пачки книг.

Судя по всему, Элизабет попала именно туда, куда нужно.

Большой резной письменный стол из ореха, заваленный бумагами, стоял сбоку под узкими, похожими на бойницы окнами. Ковры устлали выщербленный деревянный пол, повсюду стояли кресла с маленькими боковыми столиками. Открытая бутылка спиртного стояла на буфете, рядом ждал стакан.

Лэрд, кажется, был дома.

Элизабет подошла к столу и положила книги. Она окинула взглядом полки, мебель, пол, рассеянно провела кончиком пальца по крышке стола. Пожалуй, она подождет здесь лэрда и поблагодарит его за книги... и, может, даже упросит его дать ей еще что-нибудь почитать.

Она взяла какую-то книгу со стихами с ближайшей полки, открыла наугад и принялась читать строки из стихотворения Поупа «Дунсиада»:

Ночь вечная и Хаос страховидный,

Луч света ниспошли на миг чуть видный,

Чтоб в зримой тьме незримая отсель

Хотя б отчасти приоткрылась цель.

Элизабет настолько погрузилась в чтение, что не услышала раздавшихся за ее спиной шагов.

- Что ты здесь делаешь?

Элизабет резко повернулась, чуть было не уронив книгу. Она раскрыла рот, чтобы заговорить, но при виде вошедшего застыла от удивления.

Человеку, стоявшему рядом с ней, было не более двадцати пяти. Он был гораздо моложе, чем должен быть, по ее мнению, лэрд такого замка. Он был высок и темноволос, пострижен в кружок. На нем были клетчатая куртка и жилет тех же цветов, что и его килт. Шляпу, низко надвинутую на глаза, украшала белая якобитская кокарда. Его глаза, казалось, смеялись, хотя он даже не улыбался. Что-то очень знакомое было в этих глазах, что заставило Элизабет не сводить с него взгляда.

- Давай-ка, милая, ступай отсюда и займись своим делом. Дьюнакен не очень-то любит, когда кто-то вторгается без спроса в его библиотеку.

Значит, он все же не лэрд. А ее принял за служанку. Ну и пусть себе так думает, решила Элизабет. Это легче, чем пытаться объяснить ему, почему какая-то незнакомка стоит посреди кабинета лэрда и роется в его вещах.

Она поставила книгу на место, а вошедший подошел к буфету и налил себе из бутылки вина.

- Вот славная девушка. А теперь ступай.

Элизабет так спешила поскорее уйти, что, выйдя за дверь кабинета, свернула не в ту сторону и оказалась в коридоре, который уводил ее все дальше и дальше в глубь замка. Она поняла свою ошибку, когда попала в чью-то спальню, к счастью, оказавшуюся пустой.

Элизабет вернулась назад. Неслышно ступая в полутьме, она почти уже добралась до выхода, когда вдруг услышала голос, при звуке которого замерла на месте.

- Полагаю, джентльмены, все собрались?

Она узнала голос Дугласа.

Дуглас вошел в кабинет и кивнул своему дяде, Йену Дабу, сидевшему у огня. В кресле рядом находился Маклеод с Рааси. Они породнились, когда глава Маккиннонов женился на дочери Маклеода, Дженет, а друзьями были задолго до того.

У буфета стоял Родерик и разливал по бокалам кларет. Он предложил бокал вина Дугласу, который взял его и направился к своему письменному столу. В самом дальнем от двери темном углу уселся младший брат Дугласа, Йен.

Минул почти год с тех пор, как они виделись, но воспоминание об их последней встрече и жесткое выражение, до сих сохранившееся в глазах брата, мешали Дугласу к нему подойти. Он коротко кивнул Йену, тот быстро ответил тем же. Не на такую холодную встречу он надеялся.

- Полагаю, джентльмены, все собрались, - сказал Дуглас, не обращая ни к кому в отдельности: - Есть ли новости о принце?

- Одну минуту, Дьюнакен, - прервал его Маклеод, оглядев комнату. - Не лучше ли нам говорить на гэльском?

- Нет, - успокоил его Дуглас. - Я услал из замка всех, кроме одной служанки, которая не

понимает английского, и велел ей прибраться на кухне. Она провозится с этим делом не один час. Мы в безопасности.

- Я встретил эту служанку, когда пришел, - вмешался в разговор Йен. - Хотя, честно говоря, я решил, что она немая. Посмотрела на меня так, точно боялась, что я ее укушу.

- Можно не беспокоиться, она не причинит нам никаких неприятностей, - сказал Дуглас. - Итак, что слышно о принце?

- Он на Рааси, - ответил Маклеод. - Я получил весть о том, что принц нуждается в моей защите. Мой сын Джон и два наших родича поместили его в хижину на берегу. Но он не может там оставаться. Там его наверняка схватят.

В разговор вмешался Йен Даб:

- Принца нужно отвезти в другое место. Я послал Родерика на материк разведать, где можно высадиться, но он сообщил, что это небезопасно. Повсюду полно английских солдат. Они наверняка заметят лодку, направляющуюся к берегу. Так что остается одно - привезти принца сюда, на остров Скай, а потом переправить на материк где-нибудь южнее. Я уже послал кое-кого разузнать, где лучше всего его высадить. Важно не упустить время. Как раз сегодня я получил сообщение, что лодочники, которые перевозили принца, задержаны. Они рассказали все, что им было известно.

Дуглас поднял над головой сложенный пергамент:

- Сегодня утром я получил послание от Кэмпбелла из Мэймура. Он прибывает в Дьюнакен на борту «Горделивого», командует капитан Фергюссон, который прославился своей жестокостью.

Когда началось восстание, генерал Джон Кэмпбелл из Мэймура возглавил королевские войска на западном побережье Шотландии. Человек он был честный, и не всегда, как говорили, поступал неразборчиво. Он был джентльменом и вел себя соответственно. Дуглас учился в университете вместе с его сыном, Джоном-младшим, и именно генерал посоветовал ему поговорить с герцогом Аргайлом о том, как вернуть себе Дьюнакен. Хотя многие горцы и были в претензии к Кэмпбеллам за их власть и лояльность к королю из Ганноверской династии, Дуглас был способен забыть о политических разногласиях и поддерживал дружеские отношения с кланом Кэмпбеллов.

Тем не менее трудно было бы найти более неподходящее время для неожиданного появления Джона из Мэймура в Дьюнакене.

Как и следовало ожидать, сообщение Дугласа привело собравшихся в возбуждение. Маклеод спросил, не лучше ли отказаться на время от намерения перевезти принца в другое место. Йен назвал его трусом только за одно это предложение. Промедление означало бы неизбежное пленение царственного беглеца.

Наконец Йен Даб встал и призвал всех к молчанию.

- Мы выполним задуманное, привезем принца сюда, на остров Скай, а потом переправим его на материк. Что же до прибытия Кэмпбелла, это хорошая новость, потому что, пока мы будем отвлекать внимание генерала и его капитана здесь, в Дьюнакене, наши люди переправят принца на материк.

- Хороший план, - сказал Дуглас. - Надежный и...

Дверь позади них внезапно распахнулась, и собравшиеся вскочили с мест, выхватив пистолеты и клинки.

Молодой телохранитель Йена Даба вошел в комнату, волоча за руку Элизабет.

Дуглас едва удержался от проклятия.

- Эта шпионка тайком подслушивала у дверей, - сказал молодой человек, швырнув Элизабет на ковер.

- Я не шпионка...

Ее взгляд остановился на Дугласе.

Первым заговорил Йен:

- Вроде бы ты сказал, что твоя служанка не говорит по-английски.

- Это не моя служанка.

- Но это та самая девушка, которую я застал в этой комнате, когда пришел.

«Какого черта было ей здесь нужно?» - подумал Дуглас, глядя на Элизабет, которая сидела на полу, широко раскрыв глаза. А вот рот у нее был, как ни странно, крепко сжат.

Наконец заговорил Даб:

- Если она не служанка, Дуглас, то кто же она тогда?

Дуглас посмотрел на своего молочного брата, но Родерик отвел глаза. Элизабет смотрела на Дугласа и умоляла избавить ее от пистолетов и клинков, нацеленных ей в голову.

Дуглас сделал единственное, что было возможно. Он протянул руку и помог девушке подняться на ноги.

- Джентльмены, разрешите мне представить вам мою жену, леди Элизабет Маккиннон.

- Твою жену?

Йен чуть было не подавился кларетом.

- А как же Мак...

- Это сложная история, брат, - сказал Дуглас, обрывая его. - Давай обсудим ее попозже.

Йен благоразумно замолчал.

Дуглас повернулся к дяде. Никогда в жизни он не видел такого выражения на лице главы клана. То был не гнев и не потрясение. То было разочарование.

- Я все вам объясню. Единственное, о чем я прошу: сначала выслушайте меня, а уже потом выносите ваше суждение.

Глава клана молча кивнул.

Дугласу потребовался почти час, чтобы изложить обстоятельства его скоропалительной женитьбы. К счастью, никто ничего не сказал о его помолвке с Мойрой Маклин. Другие неотложные проблемы занимали собравшихся.

- Она явно подслушала все, что мы говорили, - пробормотал молодой Йен, меряя шагами комнату. - Ее отец - сакский герцог. Она выдаст нас всех. Разве что... - Тут он остановился, потому что ему в голову пришла неожиданная мысль. - А может, отвезти ее на Святую Хильду, как ту женщину из семьи Гренджей?

Кто бы ни была та женщина, Элизабет не понравился тон, которым Йен высказал свое предложение.

- Она была женой заместителя председателя Высшего уголовного суда Шотландии, - ответил на немой вопрос девушки Дуглас. - Они с мужем не ладили, у них то и дело случались прилюдные ссоры и перебранки. Дошло до того, что она пригрозила объявить мужа якобитом, чтобы его арестовали и повесили за измену королю. Опасаясь потерять свое положение, равно как и голову, муж тайно увез ее подальше из Эдинбурга на отдаленный остров, где ее продержали некоторое время, а потом перевезли на еще более уединенный остров Святой Хильды. В Эдинбурге же ее муж разыграл похороны мнимой покойницы, изображая скорбящего супруга, чтобы скрыть свое позорное деяние. Никому и в голову не пришло, что гроб, опущенный в могилу, пуст. И эта леди провела в заточении около пятнадцати лет, после чего наконец ее привезли сюда, на остров Скай, где она и умерла перед самым своим сорокапятилетием. Эта безумная целыми днями бродила по берегу моря.

Элизабет в ужасе смотрела на Дугласа.

- Я не считаю, что необходимы столь крутые меры, - сказал глава клана. Он внимательно смотрел на свою новоявленную племянницу. - Хотя нам и следует что-то сделать с этой девушкой, чтобы осуществить задуманное.

- Тогда можно посадить ее на корабль, - предложил Йен. - Когда она пристанет к берегу, принц уже будет в безопасности.

- Или запереть в башне...

- Но ведь я могу быть вам полезной!

Все повернулись и уставились на Элизабет.

- Что вы имеете в виду, мисс? - спросил Дуглас.

- Я могу помочь вам отвлечь внимание генерала, пока он будет здесь. Судя по тому, что я только что узнала, вы здешний лэрд. Стало быть, я хозяйка этого замка. - Она посмотрела на него. - Разве не так?

Дуглас кивнул.

- А еще я дочь английского герцога, что делает мое участие в спасении принца менее подозрительным.

- Она дело говорит, - сказал Йен Даб.

- Но именно поэтому, - возразил старый Рааси, - она вызывает еще больше подозрений.

Может, эта девушка просто хочет заманить нас в ловушку.

- То, что вы нам предлагаете, Элизабет, пахнет изменой.

Она посмотрела прямо в лицо Дугласу.

- Охота за любым членом королевской семьи с целью убить его гораздо худшее преступление. Не забывайте, этот человек мой родич.

- Родич? - Молодой Йен выступил вперед. - О чем вы говорите?

- Отец Чарлза Стюарта происходит от Марии, шотландской королевы, внучки Маргариты Тюдор, сестры Генриха VIII, от которого ведет происхождение и мой отец, хотя и незаконное. Во всяком случае, мы родственники, принц и я.

- Но ведь из этого следует, что теперешний король тоже ваш родственник, миледи, - заметил Йен Даб. - Так кому же из вашей царственной родни вы желаете сохранить верность?

Элизабет слышала смутный гул голосов, доносившийся из-за двери. Она лежала на кровати в одной из спален замка, куда ее отвели накануне вечером. Было раннее утро. Солнце уже встало и теперь сияло на воде, бившейся о скалы под окном. Дугласа Элизабет вообще не видела.

После того как она предложила дяде Дугласа помочь им освободить принца, глава клана Маккиннонов отпустил ее, объяснив это необходимостью более тщательно обсудить с другими ее предложение. Его телохранитель отвел ее в комнату на самом верху замка. Ее окно выходило на море, сам же страж уселся у двери, чтобы девушка не убежала.

Остаток ночи Элизабет провела без сна, надеясь, что Дуглас придет к ней и объяснит, почему он ей солгал, - сказав, что он простой фермер, а не лэрд Дьюнакена. Была же у него причина так поступить. Дуглас не появлялся, и она уже забеспокоилась, что он не поверил в искренность ее предложения и, послушавшись остальных, запрет ее в этой башне. Время от времени она забывалась тревожным сном.

Девушка соскользнула с кровати и, тихонько подойдя к двери, потрогала задвижку. Щеколда легко поддалась, и девушка слегка приоткрыла дверь, полагая, что ее страж все еще на своем посту.

Но его на месте не оказалось.

Ее никто не стерег, а разбудившие ее голоса все еще раздавались внизу, в холле. Они звучали приглушенно и сердито; похоже, там обсуждали, что делать с Элизабет. И поскольку она имела полное право знать, что ее ожидает, она быстренько спустилась по лестнице вниз.

Подойдя к двери кабинета, она различила голоса Дугласа и его дяди, главы клана Маккиннонов. Третий голос она не узнала, но именно он и звучал громче остальных. Она уже приготовилась постучать в дверь и потребовать, чтобы ей рассказали об уготованной ей участи, как вдруг услышала слова главы клана, от которых руки ее опустились:

- Никто не может быть сильнее огорчен таким поворотом событий, Маклин, нежели я. Но это ничего не значит. Эта девушка вернется в Англию в конце месяца. Дуглас объяснил мне, как все получилось. Брак был неизбежен. Ему пришлось жениться против собственного желания, а

потом ему не позволили развестись, в противном случае он не мог бы вернуть свои права на Дьюнакен. Это был самый настоящий шантаж, но ее отец обещал, что по прошествии двух месяцев он добьется расторжения брака и устроит так, что Дьюнакен и графский титул будут возвращены Дугласу. И тогда мой племянник будет свободен и женится на вашей дочери, как и было уговорено.

Дыхание у Элизабет сперло. В глазах у нее потемнело. Ей пришлось опереться рукой о стену, потому что пол у нее под ногами, казалось, вот-вот закачается.

Дуглас собирается жениться на другой!

Поначалу ей хотелось думать, что она не все расслышала, что собравшиеся говорили о ком-то другом. Как же это? Ей хотелось закричать. Почему Дуглас не сказал ей об этом тогда, когда все еще только начиналось? Он ведь целовал ее. Он зашел гораздо дальше в своих ласках и при этом все время знал, что обещался другой!

Какой же набитой душой она оказалась!

Элизабет распахнула дверь. Четыре пары глаз уставились на нее, а она подошла прямо к Дугласу, отвела назад руку и ударила его по щеке.

Он даже не попытался уклониться.

- Вы негодяй! - сказала Элизабет, ужасаясь тому, что не сумеет сдержать слезы. - Вы мне лгали.

В его синих глазах, в самой глубине что-то мелькнуло. Была ли то боль или сожаление? Будь это так, ей стало бы легче. Но это не было ни то, ни другое.

Лицо Дугласа оставалось суровым, только след пощечины пылал на его щеке.

- Элизабет, оставьте нас.

- С какой стати, милорд? Мне всегда казалось несправедливым, когда о человеке говорят столь откровенно в его отсутствие. - Она повернулась к остальным и увидела незнакомое лицо. - Разрешите представиться.. Я леди Элизабет Маккиннон, жена этого человека.

Элизабет была так огорчена услышанным, что не заметила свирепого выражения лица незнакомца.

- Довольно, Элизабет, - пробормотал Дуглас.

Но девушка была не в состоянии внимать доводам рассудка:

- Мне еще есть что сказать.

Дуглас, казалось, едва сдерживался. Его глаза потемнели, рот сжался в мрачную и гневную линию. Он посмотрел на Родерика, с ужасом наблюдавшего за тем, что происходит.

- Родерик, немедленно верните ее на ферму.

- Пойдемте, миледи, - сказал молочный брат Дугласа.

- У меня нет ни малейшего желания покинуть эту комнату.

- Прошу вас, миледи.

Но Элизабет сложила руки на груди и стояла твердо, не собираясь никуда уходить, с очень гордым видом.

Родерик посмотрел на Дугласа.

Тот кивнул.

Прежде чем Элизабет поняла, что происходит, Родерик легко схватил ее в охапку, перекинул через плечо таким же изысканным и осторожным жестом, словно она была мешком овса, и направился к двери.

- Отпустите меня!

Элизабет боролась и брыкалась, пиналась и молотила руками по спине Родерика, но одолеть его хватку так и не смогла.

- Вы не смеете так со мной поступить...

Дуглас долго смотрел в пустой дверной проем, борясь с желанием следовать за Родериком. Он знал, что, если он это сделает, его жизнь и будущее его клана под угрозой.

Ему необходимо заставить Маклина думать, будто Элизабет для него ничего не значит. Если этот человек хотя бы заподозрит, что Дуглас питает к Элизабет какие-то чувства, ночью он их всех перережет.

- Больше она не станет нам докучать, - сказал он, стараясь, чтобы в голосе его прозвучало безразличие, которого он вовсе не чувствовал.

С другого конца комнаты на Дугласа пристально смотрел Малкольм Маклин.

- Хорошо бы это было так, Маккиннон. Хорошо бы это было так.

Глава 20

Всю дорогу от замка Элизабет кричала не умолкая.

Она кричала, когда Родерик ее нес через двор, через арку ворот, увитых плющом, который видел прибытие в Дьюнакен по меньшей мере семи шотландских королей. Она оглашала своими воплями окрестные холмы, вопила, пока Родерик шел по берегу моря. Пока замок не остался далеко позади, она ругалась почище любого матроса. Ее крики привлекали внимание множества изумленных людей.

Боже, думал Родерик, побряхтывая, когда Элизабет молотила по его спине кулаками. Счастье, что никто из этих людей не понимает английского.

Он не останавливался и ни разу не передохнул, пока не добрался до фермы. Честно говоря, юноша просто боялся, что, если он остановится, эта девица как-нибудь вывернется из его рук, и ему придется гнаться за ней до самого Дьюнакена.

Только тогда уже ругаться и кричать будет он.

Подойдя к дому, Родерик ударом ноги распахнул дверь и, тяжело вздохнув, поставил Элизабет на ноги. Сакская девушка была в такой ярости, что ее рыжие волосы, казалось, теперь горели пламенем.

- Что вы себе позволяете? - напустилась она на юношу. - Как вы смеее так со мной обращаться? Вы хоть представляете себе, кто мой отец?

Родерик молча смотрел на нее. Никаких сакских герцогов он не боялся.

- Прошу прощения, миледи. Я просто сделал то, что мне было велено.

- А вы делаете все, что вам велят, мистер Маккензи?

Родерик на минуту задумался.

- Да.

Он смотрел, как она расхаживает перед ним, ломая руки, и попытался ее успокоить.

- Лэрд придет навестить вас, когда выберет время.

- Когда он что?.. - Элизабет глубоко втянула в себя воздух, чтобы снова не взвиться и удержаться от крика. - Он будет разговаривать со мной, когда этого пожелаю я! То есть сейчас! Немедля!

Она направилась было к двери, но Родерик быстро схватил ее за руку.

Она сердито посмотрела на него:

- Отпустите меня.

- К сожалению, я не могу этого сделать, миледи.

- Опять делаете то, что вам было велено, мистер Маккензи?

- Да.

Она вырвалась, потом скрестила руки на груди:

- Я закричу!

Родерик не мог не улыбнуться:

- Да вы всю дорогу только это и делали. Лучше сядьте и смиренно ждите, как хорошая барышня. Лэрд сейчас придет.

Он подвел ее к стулу, удивившись, что она села без всяких возражений. Элизабет мрачно посмотрела на него и так сильно нахмурилась, что ее брови почти сошлись. Но все равно - Родерику стало ясно, почему Дуглас так увлечен ею.

У этой девушки была необыкновенная сила духа.

Родерик закрыл дверь и прислонил к ней буфет, чтобы Элизабет не смогла убежать.

Когда он повернулся, она держала в руках разделочную доску и готовилась запустить ее в

него.

- О-го-го! Как вы думаете, девушка, к чему это приведет? У меня будет трещать голова, а вас я привяжу к стулу!

Элизабет подумала немного и опустила руку. Можно было не сомневаться - доску она оставила для Дугласа.

Или, точнее, для головы Дугласа.

К тому времени, когда более чем через час появился Дуглас - Элизабет придумала для него тридцать семь ужасных пыток. На самом деле тридцать восемь. Последняя, однако, могла привести ее в тюрьму, так что она ее отставила. Пусть она сейчас в ярости, но вовсе не намерена провести остаток дней своих в Ньюгейтской тюрьме. Единственное, чего она хотела, - это чтобы Дуглас чувствовал себя так же ужасно, как и она.

- Благодарю, Родерик, - сказал Дуглас, настороженно глядя на Элизабет, словно ждал, что она в любой момент может броситься на него. - Можешь идти.

- Ты уверен?

- Я думаю, мисс достаточно умна и поймет, что если она меня убьет, то дело примет для нее другой оборот. Сейчас я - единственный, кто не позволит увезти ее на остров Святой Хильды.

Элизабет молча смотрела в пол.

- Может, мне ее связать? - спросил Родерик. - Безопасности ради.

- Нет, вряд ли это необходимо.

Дуглас подождал, пока Родерик не ушел, прошелся по комнате, взял стул и поставил его прямо перед Элизабет. Потом сел. Она молча смотрела на него с мрачным видом. Ее глаза не обещали ему ничего хорошего.

Ничего хорошего она не думала.

- Я вам все объясню.

- Очередная ложь? - Она вздернула упрямый подбородок.

- Нет, правда, Элизабет.

Слава Богу, она его слушает.

- У вас есть полное право презирать меня. Я обманывал вас с самого начала по многим причинам. Кое-что я солгал, потому что у меня не было выбора. Кое-что - потому что это был единственный способ вас защитить. Да, мы с вашим отцом уговорились, что, если я пробуду с вами в супружестве два месяца, он поможет мне вернуть мои владения. Они принадлежат мне по праву рождения и были конфискованы у моего отца за его участие в восстании якобитов тридцать лет назад. Я собирался рассказать вам правду, но ваш отец настоял на том, чтобы я...

- Дуглас тщательно выбирал слова, - чтобы я поддерживал вашу уверенность в том, что я простой шотландский скотовод. Так я и сделал. Поначалу мне хотелось преподать вам урок так же, как того хотелось и вашему отцу. Брак с вами очень осложнил мою жизнь.

- Еще бы! В особенности если учесть, что вы уже были обручены с другой.
- Это так. Я был помолвлен еще в колыбели. Это не брак по любви. Я ее даже не знал. Это возможность положить конец вражде между кланами Маккиннонов и Маклинов, которой уже более трех столетий.
- Какая нелепость.
- Не большая, чем ваши сакские браки, которые заключаются из финансовых или династических интересов.

При этих словах Элизабет нахмурилась. Брак ее родителей был именно таким.

- Вы не разбираетесь в жизни горцев, - продолжал Дуглас. - Мой дядя - глава нашего клана. Он для всех нас отец, король и вождь. Его слово никогда не подвергается сомнению. Именно он устроил мой брак, когда я только что родился, и я согласился уважить его решение ради блага моих родичей. Я - вождь. Я в ответе за тех, кто живет в Дьюнакене. Наш клан слабеет, и с каждым новым поколением нас становится меньше. Я бы мог отказаться от этого брака, но решил пожертвовать своим личным счастьем ради благополучия будущего моего клана. И мне казалось, что я смогу это сделать. Точнее, я убедил себя в этом. Пока не встретил вас.

От этих четырех слов готовность Элизабет защищаться несколько ослабла. Ей не хотелось верить Дугласу. Она была уверена, что он опять лжет, чтобы не позволить ей разрушить его планы. Но она не могла отрицать, что его глаза светятся искренностью, а голос превратился в страстный шепот.

Он заглянул ей в глаза.

- Я никогда не встречал таких женщин, как вы. Я тоже судил о вас ошибочно, когда мы встретились. Я думал, что вы испорченная, избалованная девчонка, что вы рассматриваете меня как пешку в вашей игре против отца. Но за те недели, что мы прожили вместе, я понял, что вы гораздо лучше, что вы... просто замечательная.

Элизабет закрыла глаза, стараясь удержаться от слез.

- Но ведь я слышала ваши слова и ответ вашего дяди этим людям. Вы же сказали, что намерены отослать меня обратно в Англию.

Он поцеловал ее в висок, в веки и проговорил куда-то в волосы:

- Я бы сказал что угодно, лишь бы вам не причинили вреда.

Элизабет не выдержала, и слезы ручьями побежали по ее лицу. Господи! Как же ей хотелось ему поверить.

- Я была для вас только обузой, - прошептала она.

- Нет, вы ошибаетесь.

Дуглас отошел, но только для того, чтобы достать что-то из жилетного кармана. Элизабет увидела сквозь пелену слез, что это кольцо. Простой золотой ободок.

- Мне следовало подарить его вам уже давно.

Он взял ее руку и надел кольцо на палец. Оно было немного велико, и Дуглас сжал вокруг него ее пальцы, а потом накрыл ее руку своей.

- Это кольцо принадлежало моей матери, отец подарил ей его, когда они поженились. Оно простое, самое обыкновенное, но дороже этого кольца у нее ничего не было. Я прошу вас носить его... как мою жену. Потому что я люблю вас, дорогая.

Элизабет заморгала, отчаянно надеясь, что расслышала его слова верно.

- А как же условие, которое поставил перед нами мой отец?

- К черту условия! - Он дотронулся до ее губ. - Вы моя жена. Элизабет Маккиннон из Дьюнакена. И так будет до конца моей жизни.

Элизабет почувствовала, как при этих словах горло у нее сжалось.

- Только по имени!

- Это можно исправить.

Дуглас прижался к ней губами и поцеловал ее долгим пылким поцелуем, вложив в него всю свою любовь.

Потом поднял Элизабет на руки и отнес на кровать, осыпая поцелуями ее лицо, шею, губы. Она закрыла глаза, позволяя ласкать себя, отдаваясь этому человеку, своему мужу.

Он наклонился над ней, темноволосый и крепкий горец. В комнате было так тихо, что Элизабет могла бы поклясться: она слышит, как бьется его сердце. Время остановилось. Оба молчали. Они просто смотрели друг на друга, запоминая эти мгновения.

Она ощутила на щеке его жаркое дыхание, и его губы сомкнулись на ее губах. Она запрокинула голову, наслаждаясь его поцелуями. Ей хотелось, чтобы это никогда не кончалось.

- Все время в мире принадлежит нам, дорогая. До конца нашей жизни.

Он протянул руку и освободил Элизабет от всех ее одежд. Теперь она лежала перед ним нагая.

- Ты красивее, чем это возможно, дорогая.

Он шептал ей по-гэльски слова любви, ласкал ее нежную кожу и целовал, целовал...

Откуда он знает, что нужно делать, как прикасаться к ней так, чтобы она чувствовала, что ее тело жаждет большего? Она напряглась, безмолвно умоляя его даровать ей необыкновенное наслаждение.

И когда он сделал это, она громко вскрикнула, а ее тело судорожно изгибалось, стараясь удержать в себе его крепкую, но такую нежную плоть, подарившую ей блаженство.

Он оторвался от губ Элизабет, и она медленно открыла глаза. Он возвышался над ней, опираясь на руки.

- Посмотри на меня, дорогая. Скажи мне, что ты будешь моей женой навсегда.

Элизабет посмотрела ему в глаза и прошептала слова, которые должны были связать их крепко-накрепко:

- Я буду твоей женой, Дуглас. Навсегда!

- Милая, милая моя Элизабет, - прошептал он, снова устремляясь вперед. Она полностью подчинилась ему, и их тела двигались в такт, пока не достигли высшей точки наслаждения. Дуглас застонал. Ему хотелось, чтобы сладостное слияние с Элизабет никогда не кончалось. Когда же Дуглас наконец пришел в себя, привлек к себе Элизабет и нежно поцеловал ее. Теперь она была его женой в самом главном смысле этого слова.

Небо над коттеджем потускнело, а потом потемнело с наступлением ночи, а Элизабет с Дугласом безнадежно запутались в простынях. Она лежала обессиленная, прислушиваясь к ровному, тихому биению его сердца. Внезапно она поняла, что должна что-то ему сказать.

- Дуглас, - прошептала она.

- Да?

- Я люблю тебя.

Он еще крепче сжал ее в объятиях.

- Я знаю, дорогая.

Он прижался губами к ее волосам и нежно поцеловал в лоб. Элизабет погрузилась в сон, ощущая тепло и безопасность в объятиях своего мужа. Больше она не боялась темноты.

Дуглас вернулся в Дьюнакен вместе с Элизабет, чтобы повидаться с Йеном Дабом и сообщить ему новости. Хотя глава клана и был недоволен тем, что Дуглас нарушил свою помолвку с Мойрой Маклин, он не мог отрицать, что его племянник счастлив с этой сакской девушкой.

Однако будет нелегким делом сообщить обо всем Малкольму Маклину.

Дуглас, Йен Даб, Родерик и молодой Йен вместе решили, что лучше подождать с этим до тех пор, пока они благополучно не вывезут принца с острова Скай. Если Маклин потребует возмещения за то, что он, без сомнения, сочтет оскорблением своему клану, это только усложнит их задачу. Что бы Маклин ни предпринял, они будут держаться заодно... и сражаться вместе.

Они подумали, что ни к чему посвящать Элизабет в подробности их плана. Они решили, что она будет только развлекать гостей и занимать их, разыгрывая роль, играть которую ее учили с детства. Роль благородной леди и хозяйки замка. Кроме этого, ей и знать ничего не надо.

Спустя два дня Дуглас и Элизабет стояли рядом на крепостном валу замка Дьюнакена и смотрели, как одномачтовое судно «Горделивый» подходит по тихим водам пролива, разрезая туман, словно огромный призрак, а солнце медленно опускается за горизонт.

Дуглас повернулся к жене:

- Вы уверены, что хотите этого? Вы можете отказаться даже сейчас, если сочтете нужным. Мое мнение о вас не изменится.

Элизабет покачала головой:

- Я делаю это только потому, Дуглас, что считаю это правильным.

Дуглас поцеловал и крепко обнял Элизабет, а потом они пошли во двор замка, чтобы встретить гостей.

Элизабет смотрела на группу мужчин, приближающихся по дороге, идущей от моря. В ярко-красных мундирах, украшенных галунами и пуговицами, в начищенных черных сапогах, они ступали по цветущему вереску. На них были черные треуголки с большой кокардой королевской армии, сверкающие мечи бряцали о шпоры. Их появление в долине ничего хорошего не сулило, так что жители Дьюнакена попрятались по домам, мучимые дурными предчувствиями.

Англичане остановились перед Элизабет и Дугласом, и сердце у девушки быстро забилося. Наверное, волнение отразилось у нее на лице. Она почувствовала, как Дуглас взял ее за руку и успокаивающе ее погладил. С любезной улыбкой она невозмутимо стояла рядом с мужем.

- Маккиннон, - сказал генерал, пожимая протянутую руку Дугласа. - Давненько мы с вами не виделись.

Джон Кэмпбелл из Мэймура был истинным джентльменом, нарядным и элегантным. Его пудренный парик был причесан волосок к волоску, безупречный генеральский мундир сверкал знаками отличия и богатым шитьем.

- Вы правы, сэр, - ответил Дуглас. - Очень давно. Как поживает Джон?

Кэмпбелл усмехнулся:

- У моего сына все прекрасно. Много воды утекло с тех пор, как вы с ним учились в университете, не так ли? Сейчас он в свите герцога Камберлендского и надеется вскоре перебраться в Лондон.

Дуглас кивнул:

- Прошу вас передать ему мои наилучшие пожелания.

Кэмпбелл повернулся к человеку, стоявшему рядом с ним:

- Дуглас, разрешите представить вам капитана Джона Фергюссона с корабля флота Его Величества «Горделивый».

Элизабет смотрела, как Дуглас здоровается с человеком, люди которого подвергли жестокому разрушению западное побережье Шотландии.

Капитан бросил на Дугласа совершенно безразличный взгляд. У него были глаза честолюбца. Капитан Фергюссон публично поклялся, что захватит беглого принца Чарльза, и шел к своей цели, не заботясь о собственной репутации. Рассказывали о непомерной жестокости, проявленной им на островах, его действия потрясали своим вероломством. Под предводительством капитана Фергюссона его подчиненные убивали, грабили и насиловали, оправдывая свои поступки условиями военного времени.

Вежливость требовала, чтобы капитан протянул руку Дугласу, и он сделал это вопреки

собственному желанию:

- Маккиннон.

Дуглас едва кивнул капитану, выказав все свое презрение, и тут же отвернулся. Элизабет заметила, что глаза Фергюссона сверкнули яростью.

- Генерал Кэмпбелл, капитан, позвольте представить вам леди Элизабет Маккиннон, мою жену.

На лице генерала выразилось неподдельное удивление.

- Что вы сказали? Вашу жену? Как это могло случиться?

- Эту историю лучше рассказывать за бренди, сэр.

- Тогда поспешим, Дуглас.

По дороге в замок Дуглас напел генералу невесть что об обстоятельствах их встречи с Элизабет, об их бракосочетании и злоключениях. Когда он кончил свой рассказ, они уже сидели в огромном холле замка, наслаждаясь бренди у ревущего огня.

- Значит, ваш отец - герцог Сьюдли? - спросил Кэмпбелл. - Я знаком с ним. Кажется, он говорил, что у него пять дочерей...

- Так оно и есть, сэр. Я старшая.

Элизабет подняла голову и увидела в дверях Эйтни, которая молча кивнула ей головой.

- Кажется, ужин готов, джентльмены. Не пройти ли нам в столовую?

Глава 21

Элизабет выскользнула из замка и, ступая осторожно через темный двор, направилась к конюшням. Она то и дело оглядывалась, чтобы убедиться, что никто за ней не идет. Было новолуние, замок был погружен в полутьму, и только издали доносился шум моря. Перед тем как выйти из замка, Элизабет переделалась в более удобное холщовое платье, которое не шуршит при ходьбе и не выдаст ее солдатам. Ей было известно, что их пост находится сразу же за замковой стеной.

За ужином все ощущали некоторое напряжение. Время от времени разговоры замолкали и воцарялась настороженная тишина. Недоверие, разделявшее сидевших за столом, все усиливалось. Элизабет делала все, что могла, чтобы развлечь гостей и занять их внимание - она пыталась завести общий разговор, играла на фортепьяно, в общем, исполняла ту роль, которую на ее глазах множество раз исполняла ее мать. Наконец, когда уже близилась полночь, она оставила мужчин в обществе портвейна и трубок и ушла к себе, сославшись на усталость.

На самом деле ее внимания ждал еще один человек.

Она погладила собаку, лежавшую у входа в конюшню, и осторожно подняла щеколду. Открывшаяся дверь тихонько скрипнула. Молодая женщина быстро проскользнула в конюшню. Оказавшись внутри, она не стала зажигать свет и ощупью пробиралась мимо многочисленных

стойл, осторожно ступая по устланному соломой проходу. Какая-то лошадь тихо заржала во тьме, почувствовав присутствие человека. У последнего стойла Элизабет остановилась и вошла.

- Тише, девочка, - сказала она кобылке по кличке Каледония. Потом поставила на землю корзину, которую принесла с собой, и погладила мягкую лошадиную морду. Угостив Каледонию кусочком сахара, Элизабет опустилась на колени и легко пошарила руками по соломенной подстилке. Вскоре ее пальцы ухватились за небольшой скрученный кусок веревки. Она потянула за нее и почувствовала, как из открывшегося в полу люка потянуло прохладным ветерком.

Элизабет свесила ноги в узкое отверстие. Пальцами ног в туфельках она нашарила точку опоры и попробовала ее на устойчивость. Потом взяла корзину и начала медленно спускаться по лестнице в полный мрак. Внизу она повернулась и прошептала:

- Вы здесь, ваше высочество? Это я, леди Маккиннон.

Спустя несколько мгновений тишины появился свет лампы, который отбрасывал трепещущие отблески на лицо принца.

- Все в порядке, - сказала молодая женщина. - Никто меня не видел.

Нельзя было не восхититься незнакомцем. Его светлые рыжеватые волосы были спутаны, лицо затеняла небольшая бородка, но даже сейчас, в неопрятном рванье, он сохранял благородную королевскую осанку. Он был хорош собой, высокого роста, и Элизабет вдруг пришло в голову, что ему всего двадцать пять лет - они почти сверстники. Но его бледно-голубые глаза смотрели так, словно этот человек прожил долгую жизнь.

- Я принесла вам на дорогу, - сказала она, - провизии, кое-что из одежды. И вот это вам может понадобиться.

Она достала мешочек с монетами, который на прощание дала ей мать в тот день, когда девушка покидала Дрейтон-Холл.

Принц взял мешочек и благодарно склонил голову:

- Миледи, без таких друзей, как вы, мы уже давно бы пропали. - Он говорил по-английски с легким итальянским акцентом. - Из слов Маккиннона я понял, что вы наша родственница.

- Да, ваше высочество. По линии Тюдоров, хотя это и побочное родство.

- Узы крови всегда остаются узами крови. - Он легко вздохнул, словно устав от несбывшихся чаяний. - Ах, если бы судьба позволила нам встретиться в Сент-Джеймском дворце, миледи. Возможно, когда-нибудь так и будет. Пока же я должен покинуть вас, оставив вам на память нечто такое, чем я мог бы отблагодарить вас за вашу доброту и помощь.

Принц порылся в своих карманах.

- В том нет необходимости, ваше высочество... - сказала Элизабет.

Он покачал головой:

- Боюсь, у меня ничего не осталось, что я мог бы подарить вам... Разве что... - Он протянул

руку. – У вас есть чем писать?

– В корзине есть чернила, перья, немного бумаги. Я подумала, что все это может вам понадобиться.

Принц вынул из корзины то, что искал, опустился на колени и быстро написал что-то при тусклом свете лампы.

Когда он подал лист бумаги Элизабет, та решила, что написанное похоже на какой-то кулинарный рецепт.

– «An Dram Buidheach», – прочла Элизабет по-гэльски.

– Это тайный рецепт любимого напитка королей из династии Стюартов. Он переходил из поколения в поколение в нашей семье. Никому, кроме нас, никогда не позволялось знать его. Мы не можем представить себе лучшей особы, кому мы могли бы доверить этот рецепт, чем вы, дорогая родственница. Я верю, настанет день, когда мы обоснуемся на надлежащем месте в Сент-Джеймском дворце и вместе с вами, леди Маккиннон, поднимем бокал «An Dram Buidheach».

Принца благополучно перевезли на материк на маленьком ялике. Его сопровождали глава клана Маккиннонов Йен Даб, Родерик и брат Дугласа Йен. Пообедав бараньей ногой и шотландским бисквитом, английский генерал Кэмпбелл из Мэймура и жестокий капитан Фергюссон отнюдь не стали проницательней.

Прошло уже две недели с тех пор, как Дуглас и Элизабет впервые «выполнили супружеские обязанности». Это время они провели, гуляя рука об руку по берегу моря под стенами замка Дьюнакен. Они разговаривали о книгах, обменивались мыслями и вспоминали давно минувшее. Они устраивали пикники у ручья и ласкали друг друга на ложе из вереска, пока солнце садилось не спеша за горами.

Иногда поздно ночью, лежа без сна в объятиях Дугласа, Элизабет упорно спрашивала себя, не снится ли ей это. Но тут возлюбленный принимался ее ласкать, луна лила свой бледный свет в окно и слышался шум моря, волнующегося под мягким летним ветерком. Ночные кошмары больше не преследовали ее. В объятиях Дугласа она чувствовала, что свободна и в безопасности, что она любима по-настоящему.

Солнце медленно поднималось по небу, когда Элизабет проснулась и увидела, что Дуглас одевается. Когда он повернулся и заметил, что она наблюдает за ним, на его губах заиграла улыбка. Элизабет почувствовала, что она зарделась, но взгляда не отвела.

– Смотрите на меня и дальше так же, дорогая, и мы не встанем с постели до завтра.

– Это что, обещание, милорд?

Этот дерзкий ответ заставил его фыркнуть.

– Ах да, ведь я женился на распутнице, это ясно, – сказал Дуглас. Наклонился и поцеловал жену долгим поцелуем, который заставил ее громко вздохнуть, протестуя против того, что он в конце концов отстранил ее.

– Сохраните свои помыслы до вечера, барышня, когда я вернусь из Килмари.

- А вам действительно необходимо ехать?

- Непременно. Йен вернулся с материка, но без моего дяди и Родерика. Он не может приехать сюда, опасаясь, что его обнаружат, так что мне придется поехать к нему и разузнать, что нового на континенте. - Он улыбнулся. - Подарите мне поцелуй, который я буду помнить, пока я не вернусь.

Элизабет соскользнула с кровати, приподнялась на цыпочках и притянула к себе его голову.

Спустя некоторое время Дуглас отстранился.

- Я вернусь засветло. - Голос его был хриплым от вожделения.

- Я буду ждать.

Элизабет проводила мужа до двери.

- Чем вы будете сегодня заниматься, миледи?

- Я думала прогуляться на ферму.

- На ферму? Но ведь я перевез в замок все ваши вещи, - сказал Дуглас, но тут же кивнул: - А, понятно. Вы соскучились по козе, верно?

Как ни неловко ей было признаваться, Элизабет кивнула.

- Но ведь крышу замка ей не сжевать?

Дуглас усмехнулся и погладил ее по щеке.

- Приведите сюда эту козу, если вам так хочется, но не уходите надолго. Войска все еще рыщут по острову в поисках принца.

Час спустя, одетая в простую рубашку и юбку, накинув клетчатый плед, Элизабет пустилась в путь.

День был прекрасный, яркое солнце стояло высоко. Элизабет собирала полевые цветы в небольшую корзинку, висевшую у нее на руке. Она мурлыкала тихую мелодию и не раз останавливалась, любуясь морской крачкой, парящей над ее головой. Легкий бриз трепал ее подхваченные лентой волосы, солнце целовало ее щеки, заставив их порозоветь.

Когда Элизабет добралась до фермы, козы нигде не было видно. Молодая женщина позвала ее раз, другой, потом решила заглянуть в дом.

Она села на стул у каменного очага и предалась воспоминаниям о времени, которое провела здесь. Она с улыбкой вспомнила о той ночи, когда крыша протекла во время ливня. Какую, должно быть, смешную картину представляли ее юбки, висевшие на стропилах. Как было чудесно, когда Дуглас отнес ее в коровник и лег рядом с ней на душистое сено, как он согривал ее своим телом, а дождь стучал в стены.

Не в ту ли ночь Элизабет впервые почувствовала, что любит его? Нет, почему-то ей казалось, что любовь пришла к ней задолго до этого. Может быть, даже в первую их встречу, когда она увидела, как он смеется над ней, висящей на спине у Манфреда посреди того темного болота.

Услышав какой-то звук за дверью, Элизабет быстро вскочила на ноги.

- А я-то все думала, когда ты наконец покажешь мне свою мордочку, рогатая.

Но вместо козы в дверях стоял какой-то человек, и она похолодела.

Воинственный клич потряс воздух.

Через мгновение Элизабет испуганно закричала.

Дуглас вернулся в Дьюнакен раньше, чем предполагал. Что означало только одно: ему хотелось предаться любовным ласкам еще до ужина.

Вторую половину дня он провел с Йеном, слушая его короткий рассказ о том, что произошло с принцем на материке. Судя по словам брата, не все прошло гладко. Найдя безопасное место на берегу, они обратились за помощью к некоторым известным главам кланов, поддерживающих якобитов. Большинство из них прятались по пещерам и тайным убежищам после жестоких карательных правительственных экспедиций. Кое-кто из самых горячих сторонников принца теперь отказался содействовать его спасению, боясь за жизнь своих близких.

Йен Даб и Родерик остались с принцем до тех пор, пока он не был благополучно переправлен на корабль, который должен был отвезти его во Францию.

Когда Дуглас вернулся в Дьюнакен, он немедленно отправился на поиски Элизабет, зная, как она жаждет новостей.

Не обнаружив никаких признаков ее присутствия в покоях замка, он направился на кухню, где молоденькая служанка сказала ему, что Элизабет ушла вскоре после завтрака и с тех пор не вернулась. Стараясь прогнать нарастающие дурные предчувствия, Дуглас пошел на конюшню расспросить там, не видел ли кто-нибудь молодую женщину.

Спустя четверть часа его дурные предчувствия переросли в панику.

Он седлал лошадь, как вдруг услышал, что кто-то подошел к нему сзади.

- Ее захватил Маклин.

Дуглас обернулся и увидел в дверях Йена.

- Откуда ты знаешь?

- После твоего отъезда в Килмари появились английские войска. Я решил спрятаться на ферме. Но в доме был полный хаос, Дуглас. Мебель перевернута, все раскидано. А смешная коза стояла за дверью и блеяла, как оглашенная. И вот что я еще нашел.

Он протянул брату кусочек пледа цветов клана Мак-лина.

- Наверное, это оторвалось, когда она боролась с напавшим на нее негодяем.

Дуглас опасался чего-то подобного, но не ждал, что это случится так быстро. Так или иначе, но Маклин отомстил ему, захватив Элизабет. Дуглас не позволял себе даже думать о том, какое зло может причинить молодой женщине такой человек, как Малкольм Маклин.

- Седлай своего коня, Йен, и едем.
- А ты знаешь, куда он ее увез?
- В свой чертов замок, куда же еще?
- Но разве его замок не лежит в развалинах?
- Да, но там подземелье под одной из башен. В ней едва можно стоять, нельзя повернуться. Он запрет ее там и оставит умирать.

Йен кивнул.

- Слышал я об этом. Как-то я встретил человека, который однажды обставил Маклина в кости. Маклин выпил много эля и поставил свою грудь развалин на кон. Когда этот человек выиграл, Маклин пришел в такую ярость, что бросил его в подземелье. Узник Маклина говорил, что то было ужасное место, сырое, с осыпающимися стенами, что там полно крыс.
- Элизабет испугается не крыс, - сказал Дуглас, - а темноты.

Дуглас и Йен быстро гребли, направляясь через пролив к берегу острова Малл. Они добрались до него к вечеру следующего дня.

Дуглас знал, что Маклин будет ждать их появления с моря, поэтому решил пристать к берегу поодаль от замка и пешком подобраться через заросли к его подножию.

Древняя крепость Маклинов возвышалась, как грозный зверь, в пустынном месте в устье Лорна. С простой квадратной жилой башни открывался прекрасный вид на море. Широкие зубцы крепостной стены и узкие амбразуры образовывали наверху корону, усиливая мрачную атмосферу, царившую в этом месте.

Когда они приблизились к замку, узкий месяц проглядывал сквозь плывущие облака, тускло освещая громаду башни.

- Стань здесь! И стереги вход! - сказал брату Дуглас и решительно вошел в широкий пролом в центре руин, некогда бывших огромным парадным залом.

Десятилетиями замок пребывал в полном небрежении; за это время разрушились потолки верхних ярусов, открыв покои небу. Каменный пол и стены, некогда увешанные бесценными гобеленами, теперь покрывали ползучие побеги плюща. Посреди них стоял Малкольм Маклин с обнаженным клинком и глазами, безумными от жажды крови.

- Ты посадил ее в свою адскую яму, не так ли, Маклин?
- Да, она в яме, Маккиннон, - ответил он. - Если от нее что-нибудь осталось. Но чтобы добраться до нее, тебе придется иметь дело со мной.

Дугласу захотелось немедленно убить мерзавца.

Он сделал выпад, но Маклин поднял свой меч обеими руками и резанул поперек. Мечи соприкоснулись с оглушительным звоном. Сражающиеся отскочили, глядя друга на друга. Только луна освещала их неистовую схватку.

Дуглас наступал и рубил с такой силой, что от лязга мечей в тусклом свете отлетали искры.

Дуглас описал мечом широкую дугу, но не попал в цель, и тогда Маклин сделал выпад и пронзил куртку своего врага, ранив его в плечо.

Дуглас охнул, поднял руку и крепче сжал рукоять меча.

«Не спеши, – сказал он себе. – Не то ты слишком быстро устанешь. Целься точнее».

Дуглас зашел Маклину слева, с мечом наизготовку и перешел в наступление.

Дважды Дуглас ранил Маклина в руку. Он почувствовал, что его враг слабеет. Они бились как в старину, сшибаясь в древнем воинственном танце. Дуглас наносил точные удары, твердо решив победить. Они снова сошлись, и Дуглас, согнув руку в локте, со всей силой отшвырнул Маклина к стене. Тот попытался вырваться, но его конец был близок. Вдруг он внезапно выхватил из чулка кинжал, отбросил меч и нацелился Дугласу в сердце.

Дуглас отпрянул, едва не споткнувшись о меч. Подняв кинжал, Маклин бросился на него. Дуглас упал на колени, лезвие его меча было устремлено прямо на нападающего Маклина. Кинжал прошел в нескольких дюймах от лица Дугласа, но его меч торчал из спины Маклина на целый фут.

Дуглас вырвал меч и крикнул:

- Йен, сюда! Она в подземелье под одной из башен. Но я не знаю, в какой именно.

- Я посмотрю в северной, – сказал Йен и побежал в том направлении.

Дуглас же направился к западной башне.

Спустившись вниз по узкой винтовой лестнице, Дуглас нашел наконец запертую дверь. Он налег на нее плечом, забыв о ране. Дверь разлетелась на куски.

В середине пола зияло отверстие, походившее на вход в преисподнюю.

- Элизабет!

Ответа не было.

- Элизабет! – повторил он, опускаясь на колени у края ямы. Господи, неужели он опоздал?

- Почему вы так кричите, милорд?

Дуглас обернулся и увидел, что освещенная луной Элизабет сидит наверху в развалинах башни. На коленях она держала камень внушительных размеров, а перед ней лежало еще несколько таких же камней.

Она улыбнулась Дугласу.

- Пора бы уж вам было появиться. А то я собралась спасать себя собственноручно. – Она указала на камни. – Это приготовила для Маклина.

Дуглас бросил на пол меч, все еще скользкий от крови Маклина, и обхватил стан Элизабет, когда та скользнула вниз со стены.

Она заметила его раненую руку.

- Вы ранены!

- Пустяки, - хмыкнул Дуглас и зарылся в ее волосы. - Но как вы выбрались оттуда?

Элизабет отошла и стала на колени у края ямы. Потом опустила туда руку и вытащила веревку, свитую из нижних юбок, разорванных на полосы.

- Мне удалось зацепиться за острый выступ камня, и я вылезла.

Дугласу ничего не оставалось, как покачать головой и рассмеяться, а потом еще крепче сжать молодую женщину в объятиях.

Эпилог

1747 год. Начало осени

Они стояли у переправы, когда им навстречу заскользила лодка перевозчика. Дул свежий ветер, трепал бахромчатые концы клетчатого пледа Элизабет и играл ее волосами, выбивающимися из прически. Она ничего не замечала. Она стала на цыпочки, взволнованно ожидая прибытия лодки.

Не успели еще закрепить вересковые канаты, как три фигурки выскочили на пристань и бросились к встречающим.

- Бесс! Это мы!

Элизабет радостно обняла Кэролайн.

- Кэролайн! Не может быть! Как же ты выросла! Ведь прошло чуть больше года с тех пор, как я уехала. Что это с тобой случилось?

Куда подевались пухлые щечки и носик-пуговка! За то время, что Элизабет прожила на острове Скай, Кэролайн подросла. Но вот она улыбнулась - и знакомые ямочки появились у нее на щеках, и она снова стала тем ребенком, которого оставила, уезжая, Элизабет.

Потом на нее с двух сторон набросились Мэтти и Кэтрин. Они целовали и обнимали сестру с взволнованными возгласами.

- Но где же Изабелла? А мама? - Элизабет взглянула на Кэролайн.

- Дело в том, что мама...

- Неужели с ней что-то случилось?

Элизабет обернулась как раз в ту минуту, когда к ним подошел герцог. Обняв старшую дочь, он ласково поцеловал ее в лоб.

- Отец, что с мамочкой? Она нездорова?

- В последнее время она жаловалась на дурноту. - И, заметив обеспокоенный взгляд Элизабет, герцог улыбнулся: - Странное дело, но дурнота почему-то беспокоит ее только по утрам.

Элизабет мгновенно все поняла.

- Неужели... она ждет ребенка? О Господи!

Ее отец расплылся в блаженной улыбке.

- И она уверяет, что на сей раз это будет мальчик. Потому что только моя миниатюрная копия может причинять ей такое беспокойство. К сожалению, она не отважилась на путешествие, а Изабелла осталась с ней.

И герцог направился к стоявшему чуть поодаль Дугласу, а девушки принялись болтать.

- Мы должны были приехать еще вчера, Маккиннон, но по дороге нам пришлось кое-куда заехать. - Он усмехнулся. - Он сказал, что жена снимет с него голову, если он прежде всего не повидается с ней.

Дуглас посмотрел на герцога:

- Йен Даб?

- Да, сынок, ваш дядюшка вернулся домой.

- Ах, Дуглас! - И Элизабет обняла мужа за шею. - Наконец-то все кончилось.

Это был тяжелый год для всех Маккиннонов.

После того, как благополучно доставили на материк принца Чарлза, Йен Даб послал своего племянника обратно на остров, а сам остался с Родериком. Две недели они скрывались в горах. Несколько раз их чуть было не схватили, а однажды это наверняка бы случилось, если бы не героический поступок Родерика Маккензи.

Когда они прятались в пещере неподалеку от Гленмористона, их окружил отряд правительственных войск. Принц не видел способа спастись. Казалось, все было кончено...

Но Родерик, который внешностью и сложением походил на принца, не желал смириться с поражением. Он выбежал из пещеры, отвлекая на себя внимание солдат. Скрыться он никак не мог, и его застрелили. Когда англичане его окружили, он с трудом проговорил:

- Увы, вы убили вашего принца...

Солдаты, которым не хотелось тащить мертвое тело до штаб-квартиры герцога Камберлендского, просто отрезали голову покойнику в качестве доказательства, которое должно было принести им обещанную награду.

Сообразительность Родерика спасла жизнь принца.

Прошло несколько недель, прежде чем английский генерал узнал правду: во-первых, о том, что из него сделали полного дурака, а во-вторых, что он позволил настоящему принцу укрыться во Франции.

Дуглас был сокрушен. Но к нему пришла Эйтни и сказала, взяв его за руку:

- Я знала, что это случится. - И она напомнила ему о видении, которое явилось ей как-то раз у ручья. - Я была к этому готова. Мой сын умер, как человек честный и храбрый. Он

пожертвовал собой ради принца, что изменило ход истории, Дуглас. Не забывай об этом. Рассказывай о нем своим детям и детям своих детей и оплакивай его.

А через неделю после гибели Родерика англичане схватили и самого Йена Даба. Его посадили на борт «Горделивого», которым командовал жестокосердный капитан Фергюссон, доставили в Лондон и заключили в Тауэр.

Больше года понадобилось герцогу Сьюдли, чтобы добиться его помилования. Наконец суд его обязал вернуться на родной остров.

- Благодарю вас за хлопоты по освобождению моего дяди, - сказал герцогу Дуглас. - Если бы не вы, его наверняка повесили бы.

Две ночи спустя парадный зал в замке Дьюнакен сиял от множества свечей. Звучали волынки - хозяева замка устроили большое празднество, каких здесь не видывали с прошлого века.

Во главе стола сидели Элизабет, Дуглас и их маленький Родерик, родившийся месяц назад. Здесь же была и Эйтни, которая недавно согласилась поселиться в замке, чтобы нянчить малыша Элизабет. Смеясь и подбадривая танцующих, они смотрели, как Йен Даб с женой отплясывают зажигательную джигу, а Маклеод с Рааси прихлопывают в ладоши в такт музыке. Отец Элизабет и ее сестры пробовали хаггис и виски; малышка Кэролайн скорчила смешную гримаску и заявила, что на вкус это очень противно.

Но среди гостей не хватало одного. Вскоре он появился из полутьмы, ведя за собой еще кого-то.

- Йен! - сказал Дуглас. - А мы удивлялись, куда ты подевался.

- Прошу прощения, что опоздал. Надеюсь, ты не будешь возражать, что я привел еще одного гостя.

Рядом с ним стояла темноволосая девушка, робко поглядывая на Дугласа из-за плеча Йена.

- Мойра?

Тут в разговор вмешалась Элизабет, отвечая на невысказанный вопрос мужа:

- Мы с Йеном предложили Мойре пожить в домике на ферме, Дуглас.

Дуглас смотрел на жену, не веря своим глазам. Его жена и его бывшая невеста стояли рядом.

Йен кивнул.

- Малл так далеко, что трудно к свадьбе подготовиться.

- К свадьбе? - Дуглас перевел взгляд с жены на брата. - Твоей?

Йен ничего не ответил. Он просто с любовью посмотрел на Мойру.

- Я просил, и Мойра согласилась стать моей женой.

Элизабет склонила голову на плечо мужа.

- Йен не был уверен в том, как вы к этому отнесетесь, поэтому сначала пришел ко мне узнать,

что я думаю насчет его женитьбы на Мойре. Я сказала, что, по-моему, это просто замечательно.

Дуглас заключил жену в объятия и закружил в воздухе, пока она не начала громко смеяться.

Он был согласен с ней целиком и полностью.

mir-knigi.org